

ISSN 0132-1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

6

1989

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД
НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Зубачевский В. А.</i> Из истории становления Версальской системы: дипломатическая борьба вокруг проблемы выхода Польши к морю накануне и в период работы Парижской мирной конференции	3
<i>Мигутина И. В.</i> Майский переворот 1926 г. в Польше	14
<i>Большакова К. В.</i> Советско-польские контакты в области высшего образования в 1946—1949 гг. (по материалам ВОКС и ОПСД)	26
<i>Пуцко В. Г.</i> Глаголический иллюминированный кодекс Ассеманиева евангелия	38
<i>Стежковская Ю. Е.</i> К проблеме словообразовательной адаптации иноязычных суффиксов в славянских языках	58

ПОРТРЕТЫ

<i>Журавлев В. К.</i> Ф. Ф. Фортунатов и лингвистическая революция XX века	67
--	----

СООБЩЕНИЯ

<i>Никифоров К. В., Пимоненко И. С.</i> Политическая система социализма в переходный период	73
<i>Липатов А. В.</i> Литература польского Просвещения и революционные идеи «века разума» (Новые исследования ученых ПНР)	84
Доктрина мировой пролетарской революции и Рижский мир 1921 года	91

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

<i>Кишкин Л. С.</i> Русские писатели в Марианских Лазнях	97
--	----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Манусевич А. Я.</i> Dziedzictwo Włodzimierza Lenina i aktualne problemy współczesności	103
<i>Пиколава С. И. Е. Małek.</i> Narracje staropolskie w Rosji XVII—XVIII ww.	106

6

1989

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В ЯНВАРЕ
1965 г.

МОСКВА
«НАУКА»

<i>Смирнов Л. Н.</i> Rozprawy slawistyczne 1. Formacje hybrydalne w językach słowiańskich	108
<i>Хелижский Е. А.</i> Trubetzkoy N. S. Opera slavica minora linguistica	110

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

<i>Мананчи́кова Н. П.</i> Spisi dubrovačke kancelarije. Zapisi notara Tomazina de Savere (1284—1286). Zapisi notara Aca de Titullo (1295—1297). Knj. III	113
<i>Богатырева К. К.</i> Neues Testament des Cudov-Klosters. Eine Arbeit des Bischofs Aleksij, des Mitropoliten von Moskau und ganz Rußland. Unveränderter Nachdruck der 1892 in Moskau erschienenen Ausgabe. Mit Einleitung herausgegeben von Werner Lehfeldt	114

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Боряк Г. В.</i> Республиканское совещание украинских археографов	116
<i>Прокофьева Д. С.</i> Конференция памяти Е. И. Рябовой и В. В. Витт	120
<i>Досталь М. Ю.</i> Всесоюзная конференция, посвященная памяти И. И. Срезневского	121
<i>Туркин В. Н., Поповский А. М.</i> Вторая всесоюзная научная конференция «Актуальные проблемы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков»	122
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 1989 г.	124

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. ПОП (и. о. главного редактора), В. К. ВОЛКОВ, Р. П. ГРИШИНА,
 А. А. ГУТНИЦ, В. А. ДЬЯКОВ, А. А. ЗАЛИЗНЯК, М. С. КАШУБА,
 В. П. КОЗЛОВ, М. Н. КУЗЬМИН, Г. Г. ЛИТАВРИН (зам. главного редактора),
 Г. Ф. МАТВЕЕВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ, Ю. С. НОВОПАШИН, А. Ф. НОСКОВА,
 Л. Н. СМИРНОВ (зам. главного редактора), Л. А. СОФРОНОВА, В. Н. ФЛЮРЯ

Адрес редакции: 121069, Москва Г-69, Трубниковский пер., д. 30а

Телефон 290-27-40

Зав. редакцией *Е. В. Пономарёва*

ЗУБАЧЕВСКИЙ В. А.

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ВЕРСАЛЬСКОЙ СИСТЕМЫ: ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ВОКРУГ ПРОБЛЕМЫ ВЫХОДА ПОЛЬШИ К МОРЮ НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД РАБОТЫ ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Пониманию сегодняшних европейских реальностей помогает изучение исторического опыта становления Версальской системы. Как известно, версальские «миротворцы» объективно немало сделали для того, чтобы создать в послевоенной Европе очаги новых конфликтов, которые со временем превратили ее из послевоенной в предвоенную. Наглядным тому примером явился их подход к решению проблемы выхода Польши к морю.

На ее значимость для судеб будущего польского государства указывал еще Ф. Энгельс, отметивший, что подлинная независимость Польши невозможна без ее прямого и широкого выхода к Балтийскому морю [1, с. 353]. Поэтому большой интерес представляет история дипломатической борьбы вокруг вопроса о выходе Польши к морю между западными державами, Германией и Польшей в период от Компьенского перемирия до подписания Версальского мирного договора. В силу научной важности и актуальности данная проблема уже привлекала внимание советских [2] и зарубежных историков [3], но предметом специального исследования в советской исторической литературе она не являлась.

Прусский натиск на западные польские земли имеет многовековую историю. В результате первого раздела Польши Пруссия получила Восточное (Гданьское) Поморье (далее в тексте — Поморье), переименованное прусскими властями в провинцию Западная Пруссия. По второму разделу Польши Пруссия получила главный город Поморья — Гданьск (Данциг). «Прусские дворяне... — писал Ф. Энгельс, — пришли с явным намерением при поддержке правительства... германизировать» западные польские земли [1, с. 343]. Это стремление прусских властей в значительной мере объяснялось тем, что Западная Пруссия, по словам лидера крупнейшей партии польских капиталистов и помещиков — Национальной демократии (эндеции) — Р. Дмовского, «образует как бы мост, соединяющий Восточную Пруссию с ... Брандербургией» [4].

В первую очередь, прусские власти подорвали экономические позиции польского населения, превратив Западную Пруссию в поставщика сельскохозяйственного сырья и рынок сбыта для немецких промышленных товаров. Они вели и политику прямого вытеснения поляков из провинции с помощью чрезвычайных законов и репрессий. Для занижения численности польского населения фальсифицировалась официальная статистика.

Зубачевский Виктор Александрович — канд. ист. наук, доцент кафедры общественных наук Омского института усовершенствования учителей.

При проведении переписей коренные жители Поморья — кашубы — не причислялись к польскому населению. Немецкая пропаганда рассматривала кашубов как самостоятельную ветвь западных славян, говорящих не на диалекте польского языка, а на близком к древнерусской речи кашубском языке, и на основании этого утверждала, что «кашубы и поляки понимают друг друга как чехи и сербы» [5].

Однако, несмотря на статистические фальсификации, Познанщина и Западная Пруссия «в настоящее время ... являются более польскими, чем они были полвека тому назад», — писал в 1919 г. видный деятель польского и международного рабочего движения Ю. Мархлевский [6, с. 14]. Даже по переписи 1910 г. количество говорящих на польском языке составляло 56,5% населения Западной Пруссии [7]. Провал политики германизации Поморья объяснялся как сопротивлением местного польского населения, так и более высоким естественным его приростом по сравнению с немцами, массовой реэмиграцией малоземельных крестьян-немцев в промышленные районы Германии и устремлявшейся туда же в поисках более выгодного приложения капиталов местной немецкой буржуазии [8].

С началом первой мировой войны польская буржуазия во всех трех частях Польши стала поддерживать те или иные империалистические группировки и державы. За странами Антанты шли эндеция, а также опиравшаяся главным образом на мелкую буржуазию и отсталые слои рабочего класса христианская демократия (хадеция) и ряд менее значительных, примыкавших к эндекам и хадекам политических партий. В 1917 г. они образовали Польский национальный комитет (ПНК), находившийся в Париже в качестве признанной западными державами «официальной польской организации», имевшей влияние на буржуазию западных польских земель. Сторонниками ориентации на центральные державы были буржуазные и мелкобуржуазные партии Галиции, некоторые мелкобуржуазные и социал-реформистские партии Королевства Польского. Их позиции выражали формально «беспартийные» Ю. Пилсудский и его ближайшие сторонники, возглавлявшие польские легионы, воевавшие на стороне центральных держав. Ни одна из этих партийных группировок не выдвигала идеи восстановления независимого польского государства, ограничивая свои цели надеждой на более или менее широкую автономию польских земель, которую им предоставит победивший империалистический блок [9, с. 224, 233—236].

В германских правящих кругах шла полемика о возможности создания некоего буферного «государства» из части Королевства Польского. Пограничную же с Германией зону предполагалось освободить от поляков и заселить немецкими колонистами, что гарантировало сохранение западных польских земель в составе Пруссии. Подобные идеи, по словам западно-германского историка И. Гейсса, предвосхищали «фантастические мечты Гиммлера об империи СС на германизованном востоке» [10].

Не приходилось ожидать обретения национальной независимости Польши и в случае победы держав Антанты. Западные державы, пока у них сохранялась надежда на активное участие России в мировой войне на их стороне, занимали в польском вопросе осторожную и выжидательную позицию.

Первая мировая война не могла стать решающим фактором ни в постановке вопроса о действительном восстановлении польского государства, ни тем более в его практическом осуществлении. Возможность восстановления независимой Польши создала лишь Великая Октябрьская социалистическая революция. Уже в первые дни советской власти было провозглашено право польского народа на самоопределение, а декрет Совнаркома от 29 августа 1918 г. «бесповоротно» отменил «все договоры и акты, касающиеся разделов Польши» [11, т. I, с. 418—419].

В создавшейся обстановке западные державы не могли изменить своей позиции в польском вопросе. После Октябрьской революции, пишет американский историк Г. Г. Фишер, дипломаты Антанты стали относиться к Польше как «к замене России на Востоке и как к барьеру против большевизма» (цит. по: [9, с. 270]). 5 января 1918 г. английский премьер-ми-

нистр Д. Ллойд Джордж заявил о необходимости «создания независимой Польши» [12]. 8 января президент США В. Вильсон изложил в форме послания к конгрессу «14 пунктов» своей «программы мира». В 13 пункте он также высказался за создание «независимого польского государства», которому «должен быть обеспечен свободный и надежный доступ к морю» [13, с. 109]. Вильсон допускал исключение из состава Польши германизированной части западных польских земель и лишение ее суверенных прав на польское побережье Балтийского моря.

Известно, что Германия рассматривала Западную Пруссию как одну из главных баз агрессии на востоке. Англия и США не хотели отнимать у нее эту базу, но не собирались и целиком оставлять ее в руках германского империализма. Они намеревались в той или иной форме установить свой контроль над Данцигом и нижним течением Вислы.

Понятие «свободный доступ Польши к морю» толковалось в зависимости от военно-политической обстановки и вытекавших из нее конкретных задач, стоявших перед союзниками. Летом — осенью 1918 г. союзное командование переоценивало возможности сопротивления германской армии и рассчитывало закончить войну лишь в 1919 г., что нашло отражение в Версальской декларации Антанты от 3 июня 1918 г. и меморандуме юрисконсульта госдепартамента США Д. Х. Миллера от 31 июля 1918 г. [14, с. 263—264]. Исходя из этого, Вильсон 13 сентября в беседе с председателем ПНК Дмовским высказался за то, чтобы выход Польши к морю был осуществлен путем «нейтрализации нижнего течения Вислы и создания вольного порта в Гданьске», т. е. «доступ к морю» понимался как обеспечение польской внешней торговли через демилитаризованный Данциг. Вскоре, однако, Дмовский узнал, что США даже не намерены затрагивать на предстоящей мирной конференции вопрос о возвращении Польше захваченных Пруссией западных польских земель [15, с. 333, 334]. Тем не менее Дмовский в меморандуме Вильсону от 8 октября 1918 г. настаивал на воссоединении Поморья (за исключением части полностью германизированных округов) и Гданьска с Польшей, приводя соответствующие аргументы [15, с. 509—510]. В ходе дискуссии 10—16 октября ПНК сформулировал две территориальных польских программы: «внутреннюю» (исходившую из того, что в Польше должно проживать не менее 60% поляков) и «внешнюю» (предусматривавшую восстановление Польши в границах 1772 г.). Последняя рассматривалась как исходный пункт в переговорах с Антантой, что нашло отражение в заявлении ПНК от 29 октября французскому правительству (оставшемуся без ответа) об оккупации польскими и французскими войсками Поморья, когда встанет вопрос об эвакуации немецких войск с территории Польши [16, с. 108—109].

В обстановке, когда становилась очевидной неизбежность военного поражения Германии, ее правящие круги пытались маневрировать, соглашаясь принять за основу будущего мира предложения американского президента, предлагая, однако, к ним выгодные для Германии поправки. В связи с этим вопрос о создании независимой Польши и ее будущих границах стал 23—25 октября предметом обсуждения в рейхстаге. 24 октября, выступая перед его депутатами, статс-секретарь МИД В. Зольф заявил: «Свободный, безопасный выход к Балтийскому морю (Польши.— В. З.) не в смысле международного правового соглашения, а в смысле захвата чужой земли, противоречит праву народов на самоопределение, выдвинутому президентом Вильсоном» [17, S. 319]. Лидер хадечи и руководитель польской фракции в рейхстаге депутат В. Корфантый, напротив, заявил, что предоставление будущей независимой Польше «собственного морского побережья» в Западной Пруссии соответствует 13 пункту предложений Вильсона [17, S. 314]. Несмотря на то, что основные политические партии Германии продемонстрировали единство взглядов по проблеме выхода Польши к морю, основную роль в ее решении играли не немецкие политики, и не польские, а западные империалистические державы, позиция которых ко времени окончания войны определялась двумя основными факторами: во-первых, их антисоветизмом, стремлением найти наилучший баланс сил в Восточной Европе, обеспечивающий прочность «санитарного

кордона» вокруг Советской России; во-вторых, их противоречиями в вопросе о гегемонии той или иной державы в послевоенной Европе. «Французам нужна сильная Польша... Англия же, исходя из своего географического положения, стремится к другому — ... к ослаблению Польши, чтобы между Францией и Германией было равновесие», — отмечал В. И. Ленин [18]. Англо-французские противоречия открыто проявились уже при обсуждении условий перемирия с Германией в начале ноября 1918 г. Франция предлагала отвести германские войска к границе 1772 г. с тем, чтобы к Польше отошел и Данциг, но Англия (при поддержке США) настояла на отводе их к границе на 1 августа 1914 г. [2, с. 46—47]. Используя эти противоречия, германская комиссия по перемирию «Waffenstillstandkommission» — «Вако») пыталась повлиять на формулировку 16 статьи условий перемирия, которые изложил главнокомандующий войсками Антанты маршал Фош: союзники будут иметь свободный доступ на территории, освобожденные немцами на восточных границах, либо через Данциг, либо через Вислу [13, с. 196]. «Вако», стремясь сохранить целостность рейха и не допустить союзные войска на его восточные границы, предложила западным державам «свободный транзит... через бывшие русские области» [19, Bd. I, S. 38—41], но статья вошла в условия Компьенского перемирия в формулировке Фоша, так как Англия и США были заинтересованы в свободном доступе в Польшу.

После провозглашения 11 ноября 1918 г. независимого польского государства созданные германскими оккупационными властями марионеточные органы власти 14 ноября передали власть опиравшемуся на польские легионы Пилсудскому в надежде, что тот сумеет сбить нарастающий в стране революционный подъем. Переговоры Пилсудского и его сторонников с эндеками о создании коалиционного правительства потерпели неудачу, поскольку каждая из группировок стремилась играть в нем руководящую роль. 18 ноября по поручению Пилсудского один из лидеров правого крыла ППС Е. Морачевский сформировал правительство из представителей мелкобуржуазных партий. Сам Пилсудский, провозглашенный «начальником государства», получил диктаторские полномочия. К этому времени относится оформление группировки Пилсудского (пилсудчиков), пестрой по своим воззрениям и классовой принадлежности, которая включила в себя представителей как мелкобуржуазных партий, так и буржуазно-помещичьих группировок, имевших земли, торговые и промышленные предприятия на восточных окраинах бывшей Речи Посполитой. Поддержка ими Пилсудского объяснялась тем, что «начальник государства» главной внешнеполитической задачей считал распространение господства буржуазно-помещичьей Польши как можно дальше на восток [20]. В то же время пилсудчики недооценивали германскую опасность, признавая часть западных польских земель «старыми немецкими колониями».

Эндеки, в отличие от пилсудчиков, более четко понимали необходимость для экономического развития и обеспечения национальных интересов Польши включение в ее состав западных земель с выходом к морю. Но они также вынашивали аннексионистские замыслы на востоке, что предопределило слабость их позиции в вопросе западных польских границ.

ПНК хотел до начала мирной конференции укрепить свои позиции в Поморье, переправив в Польшу через Данциг польские дивизии под командованием генерала Галлера, сформированные комитетом на территории Франции. Высадка польских войск в Данциге была равнозначна его воссоединению с Польшей, о чем свидетельствуют протоколы заседания ПНК 11 декабря 1918 г. и секретная резолюция о подготовке к взятию власти в Данциге, принятая 25 декабря 1918 г. на конференции данцигских поляков [21, с. 35].

Для облегчения высадки польских войск Дмовский под предлогом обеспечения доставки продовольствия в Польшу предложил 30 декабря министру иностранных дел Франции С. Пишону оккупировать железную дорогу Гданьск — Торунь силами союзников [11, т. 2, с. 45]. 11 января 1919 г. маршал Фош в служебной записке поддержал этот план, признав необходимым перед высадкой дивизий Галлера в Данциге занять данциг-

ский порт и коммуникации, соединяющие Данциг и Торунь, союзническими войсками [14, с. 38; 22, с. 249].

Позиция Верховного командования союзнических войск объяснялась тем, что высадка англо-французских войск в черноморских портах не дала желаемых результатов и западные державы предполагали перебросить армию Галлера через Данциг в целях ее скорейшего включения в борьбу с Советской Россией. Использование для этой цели германских войск представлялось в то время сомнительным.

Но решение вопроса о транспортировке польских войск через Данциг затянулось из-за борьбы эндеков и пилсудчиков за власть. Варшавское правительство отмежевывалось от планов ПНК в отношении Данцига. В конце декабря 1918 г. Морачевский заявил английским и американским журналистам, что образования «нейтральной гданьской республики достаточно» для решения проблемы выхода Польши к морю через Поморье [23]. Подобные заявления не означали отказа варшавских властей от планов перевозки «галлерчиков» в Польшу. Еще 16 ноября 1918 г. Пилсудский обратился к Вильсону и Фошу с просьбой прислать в Польшу для «обороны от большевиков» дивизии Галлера, на основе которых он собирался под своим руководством формировать вооруженные силы страны. В ответ на обращение Пилсудского ПНК в ноте МИД Франции заявил, что, добиваясь осуществления одобренного Фошем плана переправки армии Галлера через Данциг в Польшу, комитет «не принимал во внимание возможность ее передачи под командование Пилсудского». Поэтому ПНК «не видит возможности отправления армии в страну до выявления там политической ситуации» [24].

Западные державы, заинтересованные в создании в Польше сильного буржуазного правительства, способного подавить революционное движение внутри страны и развернуть наступление против Советской России, оказали давление на эндеков и пилсудчиков, заставив их прийти к соглашению. 16 января 1919 г. было создано буржуазное коалиционное правительство во главе с бывшим представителем ПНК в США И. Падеревским (получившим также пост министра иностранных дел), а в состав ПНК включено несколько пилсудчиков. Польскую делегацию на открывшейся 18 января мирной конференции возглавил Дмовский. Этот компромисс имел, можно сказать, роковое значение для всей истории послеверсальской Польши, поскольку реальная власть в стране осталась за пилсудчиками, озабоченными восстановлением великодержавного польского государства за счет Украины и Белоруссии и не склонными «ссориться» с Германией из-за западных польских земель [2, с. 48, 49].

После образования правительства Падеревского ПНК дал согласие на отъезд «галлерчиков» через Данциг в Польшу, но решение этого вопроса целиком взяли в свои руки союзники.

На заседаниях 21—22 января «Совет десяти» мирной конференции в принципе одобрил предложение Фоша об отправке польских дивизий через Данциг, но конкретный срок их отъезда не указал. Этот вопрос был передан на изучение межсоюзнической комиссии под председательством французского дипломата Ж. Нуланса, в начале февраля прибывшей в Варшаву, и союзническому транспортно-морскому совету в Лондоне. Обсуждение данной проблемы в «Совете десяти» подтвердило углублявшиеся между западными державами противоречия в «польском вопросе». Франция рассчитывала, что прибытие в Польшу дивизий Галлера усилит влияние ПНК в стране. Англия же затягивала сроки отправки польских войск, чтобы Пилсудский до их прибытия мог упрочить свои позиции в противовес профранцузски настроенному ПНК [14, с. 39—44; 25; 26]. На прошедшем 24—25 февраля заседании «Совета десяти» союзники вновь не смогли прийти к единому мнению по вопросу об армии Галлера и обратились к межсоюзнической комиссии в Варшаве с запросом об имеющихся возможностях для высадки «галлерчиков» в Данциге и их последующей перевозке в Торунь [14, с. 66—68, 273—277].

Эти противоречия между союзниками пыталась использовать Германия. Председатель «Вако» генерал Гаммерштейн в ноте от 27 февраля предсе-

дателью межсоюзнической комиссии по перемирию в Спа генералу Ньюдану обратил внимание комиссии на опасность восстания в случае высадки войск Галлера «польского меньшинства, поддающегося большевистской или националистической агитации» [14, s. 277].

По настоянию Франции на Германию было оказано давление: 5 марта союзники потребовали дать согласие на высадку армии Галлера в Данциге, перечислив необходимые для этого немецкие гарантии. Гаммерштейн в нотах Ньюдану от 7 и 8 марта предлагал высадить польские войска для «быстрого их использования против большевиков» в Либаве или в Кенигсберге и Мемеле [19, Bd. II, S. 336—340]. Нуланс в телеграммах генеральному секретариату мирной конференции от 12, 14, 17 марта требовал не давать согласия на другие порты. Для воздействия на Германию даже предлагалась демонстрация союзных военно-морских сил вблизи Данцига [14, s. 281—284].

Возникла напряженная обстановка. В ноте от 19 марта комиссия в Спа отклонила германские предложения и потребовала ускорить подготовку приема армии Галлера в Данциге. «Вако» настаивала на предложенном ею варианте. В свою очередь Ньюдан 26 марта от имени Фоша пригрозил Германии «разрывом перемирия». В ответе от 28 марта германское правительство мотивировало свою позицию следующими аргументами: во-первых, в условиях перемирия речь шла, дескать, лишь о свободном транзите через Данциг союзных войск, но не польских, которые таковыми не являются; во-вторых, высадка приведет к «кровавой борьбе» в Поморье; в-третьих, будет ослаблен «германский восточный фронт против русского большевизма», которому откроется «свободный путь в Западную Пруссию и Польшу», может начаться гражданская война и в самой Германии. Надо отметить, что эти аргументы оказали свое влияние на Антанту. В новых нотах от 28 и 30 марта Ньюдан сообщал о согласии Фоша начать переговоры о путях перевозки армии Галлера. 3 апреля в Спа состоялись переговоры на эту тему между Фошем и представителем Германии, министром без портфеля М. Эрцбергером. 4 апреля был подписан «Протокол о транспортировке войск Галлера в Польшу» по железным дорогам Германии. Соглашение в Спа практически означало отказ союзников от плана высадки «галлерчиков» в Данциге [19, Bd. II, S. 341—364].

Отказу от этого плана способствовало изменение международной обстановки в Европе. Во-первых, оживились надежды на то, что большевизм удастся победить силами внутренней контрреволюции в России: первоначальные успехи начавшегося 6 марта наступления Колчака внушали оптимизм западным политикам. Во-вторых, в связи с дальнейшим подъемом революционного движения в Центральной Европе (образование 21 марта Венгерской Советской республики, а 7 апреля — Советской республики в Баварии) западные державы стремились стабилизировать положение веймарского правительства. Неуступчивость германской стороны объяснялась тем, что там чувствовали склонность Антанты к компромиссному решению. Например, первый генерал-квартирмейстер германской армии Грёнер в письме жене от 25 марта писал: «Захват власти Бела Куном в Венгрии должен усилить ... готовность (западных держав. — В. З.) к компромиссу» (цит. по: [27, S. 459]). Несомненно, изменению позиции Антанты способствовала и немецкая угроза, что в случае высадки «галлерчиков» в Данциге Германия отзовет свои войска с восточного фронта для защиты города и откроет дорогу «большевикам» [16, s. 202].

Согласие Фоша в конце марта начать с «Вако» переговоры о путях перевозки армии Галлера германское правительство расценило как «несомненный немецкий успех», дающий надежды на сохранение Данцига в составе Германии. Вместе с тем позднее высказывались опасения, что поляки начнут наступление на Данциг со стороны суши, так как, по мнению Грёнера, «армия Галлера сдвинула расстановку сил не в нашу пользу» [28, S. 129, 215]. Эти опасения оказались напрасными, поскольку «галлерчики», в середине апреля начавшие прибывать по германским железным дорогам в Польшу, были брошены польским правительством на захват Восточной Галиции (Западной Украины), что опять же имело целью не допустить

там установления власти Советов. Обеспечение польских национальных интересов в Поморье было принесено в жертву борьбе с «большевизмом».

Тем не менее в Польше «обеспокоенная общественность» требовала разъяснений. В связи с подписанием протокола в Спа Пишон, отвечая на вопросы корреспондента газеты «Kurjer Warszawski» заявил, что в Спа шел «спор не о Данциге», а о «чисто военной комбинации», в которой главным доводом была «скорейшая перевозка армии Галлера в Польшу»; предшествующая же дипломатическая дуэль якобы велась по соображениям престижа Антанты. Объяснение было явно неудовлетворительным. Подкомиссия межсоюзнической миссии в Польше писала 15 апреля об отношении поляков к протоколу «...общественное мнение ... видит в нем исключительно беспорный успех Германии... оно обвиняет свое правительство, положение которого... стало гораздо труднее» [14, с. 313, 315—316, 323].

Проблема перевозки польских войск через Данциг была неразрывно связана с вопросом будущей принадлежности этого города и всей Западной Пруссии, вокруг которого на Парижской мирной конференции разгорелась ожесточенная дискуссия. Сложность проблемы объяснялась тем, что «широкая полоса вдоль Вислы... имеет польское население, ... живущие ниже, до самых берегов Балтийского моря, кашубы принадлежат к польскому племени. С другой стороны, немецкое население преобладает в городах» [6, с. 27].

29 января в своем первом выступлении на заседании «Совета десяти» Дмовский заявил: поскольку западные польские земли подверглись германизации, то «польской должна считаться вся территория, население которой подвергалось гнету по антипольским законам» (Цит. по: [29, с. 177—178]). В первые месяцы работы мирной конференции отношение западных держав к польским требованиям было различным. Франция поддержала польскую программу выхода к морю, видя в сильной Польше орудие давления как на Германию, так и на Советскую Россию. Англия делала ставку в борьбе с «большевизмом» на Германию, усматривая в ней также противовес Франции. Поэтому британский премьер-министр Ллойд Джордж стремился принизить в глазах союзников значение Польши как инструмента в борьбе с Советской властью, возлагая также надежды на успехи контрреволюции в России. Позиция США в «польском вопросе» была колеблющейся, хотя в целом Вильсон поддержал программу Дмовского в части, касающейся выхода Польши к морю. По мнению немецкого историка В. Рекке, Вильсон сделал этот шаг в надежде обеспечить себе голоса 4 миллионов американских поляков на президентских выборах [30]. Западногерманский историк Х. Яблоновски считает, что Вильсон поддавался влиянию «спильной польской пропаганды», поскольку США «не имели собственных конкретных интересов в будущей Польше» и для них этнический принцип имел «абстрактное» значение [31, S. 292, 295, 317, 323]. После военного поражения Германии Вильсон также надеялся использовать Польшу в борьбе против Советской России. Ряд американских дипломатов в связи с этим даже вынашивали планы создания объединенного Польско-Литовского государства, ссылаясь в качестве прецедента на польско-литовскую унию XVI в., заключенную для борьбы с Московским государством [11, т. 2, с. 50—51; 32].

Для разрешения существовавших между союзниками противоречий «Советом десяти» была создана комиссия по польским делам под председательством французского дипломата Ж. Камбона, начавшая работу 12 февраля 1919 г. с изучения меморандума ПНК от 8 октября 1918 г.

Германия, используя противоречия среди союзников и в польских правящих кругах, вплоть до подписания мирного договора отказывалась дать согласие на прямой выход Польши к морю. 27 января 1919 г. правительство «народных уполномоченных» в проекте директивы для германской мирной делегации соглашалось на «образование нейтральной Польши из несомненно польских областей» и «ее выход к морю через создание вольной гавани в Данциге и регулирование движения судов по Висле» [33]. В поддержки этих предложений по всей Германии правительство организовывало демонстрации и митинги, начались военные приготовления против Польши,

активизировалась деятельность националистических организаций [21, с. 35—38].

Не чувствуя должной поддержки варшавского правительства и союзников, Дмовский 28 февраля направил Камбону ноту, в которой согласился ограничить требования Польши частью Поморья с Гданьском, оставляя его северо-западные районы Германии. 1 марта комиссия Камбона начала совещания по польскому вопросу, положив в основу дискуссии данную ноту. С согласия американских и английских экспертов было решено выход Польши к морю обеспечить через «коридор» с большинством польского населения, оставив Германии земли на западе и востоке Поморья, подвергшиеся интенсивной прусской колонизации. 12 марта комиссия изложила свои предложения в докладе «Совету десяти», призвав дать Польше «коридор» согласно этнографическому принципу, а Данциг, ставший «городом немецкого языка», передать полякам как естественный порт Вислы, экономически и географически относящийся к Польше. Однако в ходе начавшейся 19 марта в «Совете десяти» дискуссии по докладу Камбона Ллойд Джордж активно выступил против передачи Польше Данцига [21, с. 36], выражая тем самым интересы кругов британского капитала, которые не хотели оставлять Данциг в руках немецких конкурентов, но не желали и передавать его Польше. Путем превращения Данцига в «вольный город» английский империализм надеялся обеспечить свое господство над морскими путями Балтики, контролировать польскую торговлю и создать из Данцига плацдарм для экономической экспансии на восток. Ободренное позицией Англии, германское правительство в новом проекте директив для мирной делегации от 21 марта соглашалось передать Польше лишь те области, большинство населения которых говорит по-польски, требуя в других районах проведения плебисцита и выступая против плана создания «коридора» [28, S. 75—76].

Тем временем, в работе Парижской мирной конференции наступил серьезный кризис, вызванный противоречиями между империалистическими державами, он ярко проявился в схватке вокруг «Меморандума из Фонтенбло», опубликованного Ллойд Джорджем 25 марта. Положения меморандума применительно к Польше означали создание фактически нежизнеспособного польского государства при сохранении за Германией онемеченных польских земель. Это признавал и британский посол в Париже, 26 марта записавший в дневнике: «Чтобы Польша могла жить, она должна иметь доступ к Данцигу — притом в виде широкой территории» [34]. Меморандум Ллойд Джорджа вызвал резкий протест Клемансо, заявившего, что в случае установления «неприемлемой» для Польши западной границы, она падет «жертвой большевизма» (см. [35]). Но Вильсон поддержал предложение Ллойд Джорджа объявить Данциг «вольным городом». По мнению западногерманского историка К. Швабе, позиция Вильсона в данцигском вопросе изменилась под влиянием донесений американского военного представителя в варшавской межсоюзнической комиссии генерала Кернана, сообщавшего о «наполеоновских» замыслах «франко-польского империализма» [27, S. 454]. Кернан писал: «Распространение большевистской пропаганды может быть вызвано агрессивными действиями Польши... Военный дух является для будущего Польши большей опасностью, чем большевизм» [11, т. 2, с. 205—206]. Столкнувшись с единым фронтом Англии и США в данцигском вопросе, Франция пошла на компромисс, получив взамен от Англии уступки по проблемам репараций, Саара и левого берега Рейна. Соглашение по Данцигу явилось «разменной монетой» в англо-французских спорах [2, с. 55].

«Мартовский перелом» в отношении западных держав к польскому вопросу был неожиданным для польских политиков, которые не могли понять причин такой перемены взглядов. Вместо Дмовского польскую делегацию с 6 апреля возглавил Падеревский, полагавшийся на свое личное знакомство с Вильсоном и Ллойд Джорджем. 9 апреля в беседе с «большой четверкой» он настаивал на воссоединении Гданьска с Польшей, но безрезультатно: Ллойд Джордж, с согласия Вильсона, заявил, что статут «вольного города» — своего рода «гомруль для Данцига» [14, s. 318—320].

На руку западным державам была позиция группировки Пилсудского, которая даже «кущую» программу польской делегации считала чрезмерной [21, с. 37].

22 апреля «Совет четырех» одобрил статьи проекта мирного договора о статусе Данцига как «вольного города». В ответ на это решение по всей Польше прошли демонстрации в защиту польских прав на Гданьск. Падеревский на заседании «Совета четырех» 24 апреля просил передать в ответственность Польше хотя бы «доки, расположенные в устье Вислы и за пределами городской территории» и разрешить польским войскам находиться в Гданьске для защиты его от происков Германии. Вильсон и Ллойд Джордж отклонили эту просьбу. В телеграммах в Варшаву Падеревский торопил сейм принять резолюцию по гданьскому вопросу [36]. В этой резолюции, одобренной 2 мая, выдвигалось требование вернуть Польше не только устье Вислы с Гданьском, но и железные дороги, соединяющие Гданьск с Варшавой [14, s. 335—336]. Но все попытки изменить позицию держав в вопросе выхода Польши к морю остались безуспешными. По принципиальному замечанию польского дипломата Т. Филиповича внешняя политика Польши упустила «из виду превращение Англии и Америки в решающий фактор международной политики» [11, т. 2, с. 209]. Франция же отошла от своей политической концепции в вопросе о польских границах во имя борьбы с Советской Россией. По словам сотрудника отдела политической разведки штаба американских войск в Европе Генротэна, «во Франции очень озабочены Россией. Думают о трех армиях, которые могут ей противостоять: Америка находится, однако, очень далеко; Польша — только занавес; зато Германия может сыграть важнейшую роль» (цит. по: [37]).

В проекте мирного договора, врученном 7 мая представителям Германии, содержались две важные поправки, внесенные в предложения комиссии Камбона. Во-первых, Данциг не передавался Польше, а превращался в «вольный город». Во-вторых, предместная зона на правом берегу нижнего течения Вислы выделялась в плебисцитную зону. Неблагоприятный для Польши исход плебисцита в этом районе с немецким большинством населения означал бы резкое сужение «коридора» и ослабление польских позиций на Висле [14, s. 173—177; 2, с. 54—55].

Но и этот проект вызвал возражения Германии, которая готова была предложить Польше лишь «вольные гавани» в балтийских городах. Об этом говорилось в «Замечаниях на условия мира», представленных германской делегацией 29 мая. Германия протестовала против передачи польскому государству части Западной Пруссии под предлогом опасности ее «колонизации» Польшей и нарушения связи Восточной Пруссии с рейхом [14, s. 189—191]. 2 июня Ллойд Джордж, идя навстречу немецким требованиям, предложил некоторую корректировку германо-польской границы в этом районе в пользу Германии [31, S. 326].

В ноте польской делегации от 3 июня приводились исторические и экономические аргументы в подтверждение прав Польши на устье Вислы, этнические аргументы на Поморье в целом и отвергались немецкие «Замечания» как представляющие опасность для польской независимости в случае их принятия и проведения в жизнь [14, s. 207]. Но невозможно было говорить о праве на самоопределение населения западных польских земель и одновременно о «цивилизаторской миссии» Польши на Востоке. Провозглашенная польскими политиками «культурная миссия» шляхты и магнатства на украинских, белорусских и литовских землях была равнозначна, по оценке историка ПНР Г. Зелиньского, «культуртрегерским» функциям прусского юнкерства на западных польских землях [22, s. 211].

10 июня «Совет Десяти» окончательно утвердил линию германо-польской границы в районе Западной Пруссии с учетом предложений Ллойда Джорджа о некотором ее изменении в пользу Германии [21, S. 327—328]. Что касается вопроса о Данциге, то союзники в ноте от 16 июня, подчеркнув, что этот город не станет частью польского государства, отклонили как немецкие предложения, так и польские возражения [14, s. 343], поскольку статьи проекта мирного договора по этой проблеме являлись сложным меж-

империалистическим компромиссом. Таким образом, попытки немецкой стороны достичь существенного изменения проекта договора в свою пользу оказались безуспешными, и 20 июня кабинет Ф. Шейдемана ушел в отставку. Сформированный 21 июня кабинет Г. Бауэра после бурных дебатов был вынужден подписать 28 июня Версальский мирный договор. Реальных сил для сопротивления у Германии не было. Более того, часть немецких политиков рассматривала в сложившейся обстановке условия мирного договора в отношении Поморья как достаточные для обеспечения германских интересов в этом районе.

Согласно статьям 27 и 87 Версальского мирного договора Польша получала 62% территории Западной Пруссии в форме сужающегося к морю коридора (морское побережье составило 2,5% протяженности польских границ), Данциг с округом (8% территории Западной Пруссии) провозглашался «вольным городом» под управлением Лиги наций (статьи 100—102). Статья 104 включала Данциг в пределы таможенных границ Польши, предоставляла ей право на «свободное пользование... водными путями, доками», «контроль и управление» коммуникациями и средствами связи между Польшей и данцигским портом. Польскому правительству поручалось «ведение внешних сношений Данцига, защита его граждан за границей» [38]¹. Договор не предоставил Польше никаких военных прав в Данциге и ее стратегические интересы не обеспечил.

Таким образом, в ходе послевоенного мирного урегулирования в Европе на базе Версальского мирного договора Польша не получила широкого и безопасного выхода к морю. Эта проблема, как и проблема польских границ вообще, связывалась империалистическими державами с планами использования Польши в борьбе против Советской России. Но потенциальные возможности Польши для сокрушения Советской власти оказались ограничены, поэтому страны Антанты и США сделали главную ставку в борьбе с революционным движением в Европе на Германию. Благодаря этому германской дипломатии удалось добиться от западных держав определенных уступок при решении проблемы выхода Польши к морю. Это нашло отражение в статьях Версальского договора о создании «коридора» и «Вольного города Данцига» под управлением Лиги наций, что явилось пределом возможных уступок в пользу Германии с учетом англо-американских интересов в этом регионе.

Действия польской дипломатии определялись позицией буржуазно-помещичьих кругов страны, стремившихся обеспечить Польше поддержку в проводимой ею захватнической антисоветской политике как со стороны Антанты, так и со стороны Германии. Этим объясняется непоследовательная тактика польской дипломатии в защите польских прав в Поморье, приведшая к ослаблению позиций Польши на Балтике.

Проблема выхода Польши к морю словно нарочно была решена так, чтобы постоянно поддерживать напряженность между Германией и Польшей в рамках Версальской системы, способствуя тем самым разрушению последней. Исторический опыт решения данной проблемы империалистическими методами политического урегулирования показывает сколь опасным является империалистическое «миротворчество», с какой неизбежностью вытекают из него новые военные конфликты.

Исторический опыт свидетельствует, что единственным решением проблемы выхода Польши к морю явилось то, которое было предпринято после окончания второй мировой войны согласно решениям Потсдамской конференции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 5.
2. Манусевич А. Я. К постановке вопроса о западных и северных границах Польши на Парижской мирной конференции.— Известия АН СССР. Серия истории и философии, т. 3, № 1, М., 1946.

¹ Положения статьи 104 так и не были воплощены в жизнь. 18 ноября 1920 г., под давлением западных держав, Польша была вынуждена подписать Парижскую конвенцию, ограничивавшую польские права в Данциге.

3. *Зубачевский В. А.* Зарубежная историография проблемы выхода Польши к морю.— В сб.: Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения. Томск, 1987.
4. *Джовский Р.* Германия, Россия и польский вопрос. СПб., 1909, с. 29.
5. *Kaufmann J.* Das Verhältnis der Deutschen, Polen und Kaschunben in Westpreussen und Danzig. Danzig, 1919, S. 24.
6. *Марклевский Ю.* Польша и мировая революция. М., 1920.
7. *Strażnica Zachodnia*, 1922, № 1, s. 52—53.
8. *Рубинштейн Е. И.* Политика германского империализма в западных польских землях в конце XIX — начале XX в. М., 1953, с. 66—67.
9. «Дранг нах Остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. 1871—1918. М., 1977.
10. *Geiss I.* Tzw. polski pas graniczny 1914—1918. Warszawa, 1964, s. 234.
11. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 1—2. М., 1963—1964.
12. *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. Т. V. М., 1938, с. 60.
13. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. II. М., 1926.
14. *Sprawy polskie na konferencji pokojowej w Paryżu w 1919 r.: Dokumenty i materiały*, t. 1. Warszawa, 1965.
15. *Dtowski R.* Polityka polska i odbudowanie państwa. Warszawa, 1926.
16. *Historja Polski*, t. IV, cz. 1: Rozdz. I—XIV. Warszawa, 1984.
17. Ursachen und Folgen: Vom deutschen Zusammenbruch 1918 und 1945 bis zur staatlichen Neuordnung Deutschlands in der Gegenwart: Eine Urkunden- und Dokumentensammlung zur Zeitgeschichte, Bd. III. (West Berlin), 1958.
18. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 114.
19. Der Waffenstillstand 1918—1919: Das Dokumentenmaterial der Waffenstillstands-Verhandlungen von Compiègne, Spa, Trier und Brüssel. Bd. I—II. Berlin, 1928.
20. *Ольшанский П. Н.* От буржуазного парламентаризма — к режиму «санации».— В сб.: Проблемы истории кризиса буржуазного политического строя. М., 1984, с. 81—85.
21. *Зубачевский В. А.* Борьба между Германией и Польшей за Поморье в ноябре 1918 — январе 1920 г.— Советское славяноведение, 1986, № 3.
22. *Problem polsko-niemiecki w traktacie Wersalskim.* Poznań, 1963.
23. *Dziennik Powszechny*, 1918, 27, 28 XII.
24. *Leczyk M.* Komitet Narodowy Polski a Ententa i Stany Ziednoczone 1917—1919. Warszawa, 1966, s. 266—269.
25. *Зуев Ф. Г.* Международный империализм — организатор нападения панской Польши на Советскую Россию (1919—1920). М., 1954, с. 28—29.
26. *Штейн Б. Е.* Русский вопрос на Парижской мирной конференции (1919—1920). М. 1949, с. 185.
27. *Schwabe K.* Deutsche Revolution und Wilson-Frieden: Die amerikanische und deutsche Friedensstrategie zwischen Ideologie und Macht-politik 1918/1919. Düsseldorf, 1971.
28. Akten der Reichskanzlei Weimarer Republik. Das Kabinett Scheidemann. Vorpard / Rhein, 1971.
29. *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах. Т. 2. М., 1957.
30. *Rescke W.* Die polnische Frage als Problem der europäischen Politik. Berlin, 1927, S. 320.
31. *Jablonowski H.* Russland, Polen und Deutschland. Köln, 1972.
32. *Кунина А. Е.* Провал американских планов завоевания мирового господства в 1917—1920 гг. М., 1954, с. 77—78.
33. Die Regierung der Volksbeauftragten 1918/1919. Bd. 2. Düsseldorf, 1969, S. 319—320.
34. *Берти, лорд.* За кулисами Антанты: Дневник британского посла в Париже 1914—1919. М.—Л., 1927, с. 199.
35. *Гардье А.* Мир. М., 1943, с. 103.
36. *Archiwum polityczne Ignacego Paderewskiego*, t. 2. 1919—1921. Wrocław etc., 1974, s. 108, 117.
37. *Драбкин Я. С.* Становление Веймарской республики. М., 1978, с. 251.
38. Версальский мирный договор. М., 1925, с. 17—18, 40—41, 49—50.

МИХУТИНА И. В.

МАЙСКИЙ ПЕРЕВОРОТ 1926 ГОДА В ПОЛЬШЕ

Польский народ, добившийся после первой мировой войны восстановления собственной государственности, избрал для нее оптимальную при капитализме парламентарно-демократическую модель. Но этот выбор был следствием своеобразного компромисса между сторонниками демократии — трудовыми классами и слоями, увидевшими в ней возможность приобщиться к государственным делам и произвести назревшие из-за отставания экономического и социального развития преобразования в этих сферах, и противниками — польской буржуазией, тесно связанной с эксплуататорским классом феодального происхождения; для них парламентарно-демократическая система выступала лишь допустимой альтернативой, способной в обстановке послевоенного революционного подъема предупредить социальный взрыв, которого имущие классы в те годы опасались не меньше, чем желали его трудящиеся.

Новая система власти была шагом вперед по сравнению с господствовавшими здесь прежде авторитарными порядками. Однако с точки зрения демократизма в политической области она имела тот существенный изъян, что возникла как противовес социальному перевороту, надолго затруднив революционным силам верное понимание значения буржуазной демократии для развития классовой борьбы и вызвав стремление всех парламентских партий поставить революционную часть общества вне действия гражданских прав и политических свобод. В дальнейшем между сторонниками демократии, опиравшимися на массовые трудовые слои, но не достигшими еще необходимой для успеха степени организованности, и их более опытными политическими противниками установилось некое равновесие сил, которое мешало образованию сколько-нибудь устойчивого парламентского большинства и лишало парламентскую систему необходимой стабильности и функциональной эффективности. Буржуазно-помещичьи силы оказались лучше подготовленными к борьбе за власть. Это помогло им добиться некоторого перевеса в высших органах и государственном аппарате, позволившего не допустить или блокировать в парламенте программные требования левых о социально-экономических преобразованиях, необходимых для укрепления базисной основы демократии, но недостаточного для того, чтобы законными средствами переделать государственную систему на свой лад.

Экономический застой и нарастание социальных антагонизмов, антинародная политика правительств, опиравшихся преимущественно на центр и правых, вызвали во всех слоях ощущение неблагополучия в системе государственной власти. Для большинства сторонников демократии это не означало отрицания самой идеи демократии. Но в запутанной, кризисной обстановке середины 20-х годов неревolutionные левые партии фактически

Михутина Ирина Васильевна — канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР.

отказались от поисков эффективной концепции решения экономических проблем, реальной и действенной программы политической стабилизации, добровольно уступив лидерство в политической борьбе стоявшему вне партий и парламентской деятельности Ю. Пилсудскому — накануне возрождения Польши наиболее популярному (благодаря гибкой политической тактике в годы первой мировой войны и методам прямых военных действий импониравшим динамичной части общества) деятелю движения за независимость, первоначально возглавившему восстановленное государство, но вскоре оттесненному от управления правыми парламентскими силами, среди которых первенствовали так называемые национальные демократы (эндеки) — главная тогда партия имущих.

Было бы, по-видимому, поверхностно и догматично объяснять подобное положение только «правизной» и тем более «предательством» лидеров социал-демократии и крестьянского движения и игнорировать влияние политического и социально-психологического состояния массовых слоев на формирование политической линии и ее повороты в ту или иную сторону. В частности, наверно, нет такого общества, в котором не нашлось бы властолюбца, готового подчинить себе все и вся. Но осуществить желаемое удастся далеко не каждому, и только в случае соответствующих предпосылок в состоянии и настроениях общества.

Следует сказать, что такой преуспевший в своих начинаниях политик, как Пилсудский, не оставил без внимания эту сторону дела. Еще в январе 1919 г. он отмечал в частной переписке, что «масса польского общества является ничьей..., не охвачена никакими организационными рамками и не имеет собственно никаких убеждений, выглядит массой без костей и физиономии... Основная часть общества — это политический младенец» [1, t. V, s. 38; 2, t. 72, k. 41, 42]. В свою очередь, один из деятелей крестьянского движения С. Тугутт в 1928 г., уже умудренный опытом переворота Пилсудского, с горечью писал о «пассивности нации», которая «охотно возлагает груз строительства государства и управления им на отдельную личность, изъявившую такое желание» [3].

В кризисной обстановке, предшествовавшей перевороту, во всей полноте дали о себе знать малый опыт в искусстве политического выбора и идейно-политическая незрелость масс, готовых следовать не столько за определенной программой, сколько за популярной личностью. Пилсудский в своих взглядах к тому времени не имел ничего общего ни с левым радикализмом, ни с политической демократией, вызывающе понося «сеймократию» и «всевластие разнузданных партий» и самую основу действовавшей парламентской системы — конституцию. «Парламентаризм почти везде переживает кризис, лекарством против которого становится авторитарная власть», — рассуждал он перед французским послом в начале мая 1926 г. [4]. Не менее определенно высказывался он в интервью, опубликованном 29 апреля: «Власть должна осуществляться индивидуально и подбираться под углом зрения ее исполнителей. Попытки управления с помощью неких групп людей, с помощью, допустим, 444 депутатов сейма и 111 сенаторов приводят к нежелательным целям» [1, t. VIII, s. 391].

Сложность расстановки сил — многие считали Пилсудского союзником демократии по причине его непримиримости к воплощавшей реакцию эндеции — и отсутствие у демократических партий достаточных навыков открытых действий в условиях плюрализма привели к подмене принципиальной позиции слепой верой в государственное предназначение Пилсудского и породили наивную иллюзию, будто запевший в тупик политический процесс можно «откорректировать» единовременным антиконституционным действием, после чего он сможет войти в демократическое или даже революционное, как надеялись некоторые коммунисты, русло. Характеризуя тогдашние настроения в рядах Польской социалистической партии (ППС), один из ее деятелей вспоминал, что среди левых в партии появились сомнения в жизнеспособности парламентского строя. Одни говорили о «структурном кризисе капитализма» и предвещали скорую революцию. Другие считали, что раз сейм не справляется, а Пилсудский рвется

к власти, не следует ему мешать. Скорее стоит помогать, ибо «Пилсудский начнет революцию, а мы ее закончим» [5, с. 315].

Таким образом, социально-психологическая атмосфера благоприятствовала властолюбивым помыслам Пилсудского. 10 мая 1926 г. после затяжного правительственного кризиса был образован кабинет правых и центра во главе с лидером крестьянской партии Польске стронництво людове (ПСЛ)-«Пяст» В. Витосом, формально опиравшийся на парламентское большинство. Но само это большинство уже настолько не отражало реального соотношения сил, что Пилсудский счел момент созревшим для решительных действий.

В литературе всех направлений на основании различных свидетельств утвердилось мнение, что заговор планировался как бескровная демонстрация силы, которая побудила бы президента вернуть Пилсудского к государственным делам. Записи высказываний последнего, сделанные по ходу событий одним из ближайших людей его окружения К. Свитальским, сведенные им в 1958 г. в отдельную рукопись [6] и лишь недавно замеченные исследователями, подтверждают эту версию и проливают новый свет на первоначальные планы и предполагавшиеся методы борьбы за власть. Так, под датой 15 декабря 1925 г. читаем: «План коменданта (так называли Пилсудского его соратники по легионам в годы первой мировой войны.— *И. М.*) следующий: правительственный кризис¹ стараться разрешить без сейма. Проникнуть в армию. Пойти, в роли министра военных дел, резко и грубо против сейма. Сейм не распускать, но ограничить его созыв. Сидеть в кабинете и приглядываться к его членам, чтобы ориентироваться, с кем можно пойти, а с кем — нет. Прийти к власти что-нибудь к осени 26 г. Тогда можно будет пойти на акт выборов» [6, з. А, к. 2].

Накануне образования правительства Витоса 9 мая 1926 г. на вопрос президента, готов ли Пилсудский «покончить „с этим“, т. е. с сеймом, комендант ответил: нет». На исходе того же дня, обсуждая положение с депутатами от неревolutionонных левых партий, Пилсудский высказался за повторение широкой коалиции с участием как эндеков, так и социалистов. «Тогда,— считал он,— можно было бы войти в такое правительство, если бы в нем заседали только по одному представителю от каждого клуба — при нейтрализации Министерства внутренних дел и предоставлении в распоряжение коменданта Министерства военных дел. Наиболее правдоподобно,— рассуждал он далее,— что правые не согласились бы на создание такого правительства и тогда их можно было бы разбить их собственным оружием. Но если бы они пошли на такое правительство, то при соглашении между тремя министрами, вошедшими от левых партий (ППС, ПСЛ- „Вызволене“ и Стронництво хлопске — К. Свитальский) под управлением коменданта можно было бы попробовать уменьшить подлость² в Польше» (цит. по: [6, з. А, к. 37—38]).

В заметках, сделанных сразу после переворота, скорее всего 15 мая 1926 г., Свитальский записал, что «комендант в последней фазе создания кабинета Витоса был убежден, что из этого ничего не получится. Еще в полдень того дня, когда был оглашен факт создания правительства, он предполагал, что Витос не найдет кандидатуру на пост военного министра и будет стараться договориться по этому вопросу с комендантом». И только на следующий день, убедившись, по словам Свитальского, что правительство готовит репрессии против пилсудчиков, «комендант принял решение произвести демонстрацию»³ [6, з. В, к. 1].

¹ Предыдущий завершился в ноябре 1925 г. образованием правительства необычной (по сравнению с кабинетами так называемого национального единства) парламентской коалиции, которую вместе с эндецией и партиями центра составила ППС, но не вошли другие неревolutionонные левые, прежде всего ПСЛ-«Вызволене».

² Пилсудчики вели борьбу за власть под лозунгами искоренения коррупции и злоупотреблений, восстановления политической этики и морального оздоровления.

³ В позднейшем примечании к этой записи Свитальский пишет: «Помню, что всякий раз, когда комендант возвращался к воспоминаниям о майских событиях, то всегда говорил, что его первоначальным намерением было прибыть в Варшаву в сопровождении нескольких подразделений, войти в здание генерального штаба и ожидать последствий этого факта» [6, з. В, к. 3].

Утром 12 мая несколько воинских частей, по инициативе генералов-пилсудчиков сосредоточенных неподалеку от Варшавы как бы для военных учений [7], двинулись к столице. Одновременно Пилсудский якобы с утра пытался связаться с президентом С. Войцеховским, который до тех пор очень считался с мнением своего бывшего товарища по ППС и бывшего начальника государства. Эта встреча состоялась в тот же день в 17 часов, когда военные действия между путчистами и верными присяге частями уже разгорелись. Президент не принял требований Пилсудского ⁴.

В ходе боев пилсудчиковские части при решающей моральной и практической поддержке трудящихся Варшавы получили перевес. Столица оказалась в руках заговорщиков, после чего в ночь с 15 на 16 мая правительство Витоса сложило с себя полномочия. Заявил об отставке и президент, передав свои функции, согласно конституции, маршалу (председателю сейма) пястовцу М. Ратаю, который, став таким образом временным главой государства и верховным главнокомандующим, в свою очередь специальным декретом доверил Пилсудскому ликвидацию последствий военного столкновения [9], тем самым как бы узаконив его власть. Пилсудский, по воспоминаниям Свигальского, не скрывал своей признательности Ратаю за это [6, з. В, к. 20]. Пилсудский получил возможность не только стать хозяином положения, но и соблюсти пусть фасадную преемственность власти, что он считал важным для поддержания внешнеполитических позиций, а также для оправдания перед польской общественностью кровавых жертв переворота (по данным специальной ликвидационной комиссии — 397 убитых, 920 раненых [10]).

Конечно, такая «легализация» не могла означать, как позже справедливо писал один из первых исследователей межвоенной истории страны социалист А. Прухник, «что законная власть, вновь обретя после переворота право голоса, могла пользоваться свободой решений» [11, s. 236]. Но в дни переворота и еще долго спустя в демократических кругах этого не понимали, питая иллюзию, будто насильственно откорректированный политический процесс еще может получить демократическое развитие.

В действительности цели Пилсудского были диаметрально противоположны. Он стремился к неконтролируемой власти во всей ее полноте, но одержав верх, не стал ломать прежде парламентские структуры и провозглашать диктатуру. И дело тут было, по-видимому, не только в прагматическом стиле и несклонности к доктринерству и тем более не в показном «уважении» к правопорядку, но в существе принятой им для себя концепции нерегламентированной, опиравшейся исключительно на личный авторитет, даже как бы предопределенной свыше власти. При таком варианте не было нужды в специальном оформлении диктатуры, а также не имело значения, какой использовать тип государственных институтов. Потому

⁴ Из многих версий этого разговора без свидетелей, который произошел на одном из мостов через Вислу, разделявших противостоявшие друг другу части, исследователи до сих пор с точки зрения достоверности отдавали предпочтение записи, сделанной вскоре самим президентом: «Он сам приблизился ко мне,— писал Войцеховский,— я приветствовал его словами: „Я стою на страже чести польской армии“,— что явно вызвало у него раздражение, так как он схватил меня за рукав и сдавленным голосом сказал: „Но, но! Только не это“. Я стяхнул его руку и, не допуская дискуссии, — „Я представляю здесь Польшу. Требую изложения ваших претензий законным путем“. — „Для меня законный путь закрыт“,— он миновал меня и направился к стоявшей в нескольких шагах за мной шеренге солдат. Я понял это как желание взбунтовать солдат против правительства в моем присутствии, поэтому, идя вдоль шеренги к своему автомобилю, призвал: „Солдаты, выполняйте свой долг!“» (опубликовано в [8]).

Представляется, что запись, сделанная Свигальским со слов Пилсудского, хотя и не свободна от тенденциозности, все же добавляет существенные детали в картину этой драматической встречи: «Войцеховский потребовал подчинения законной власти. Комендант пообещал Войцеховскому как его личную безопасность, так и неприкосновенность его поста. Войцеховский обратился тогда к отряду Порвита (командовал на стороне правительства подразделение пехотной школы.— И. М.), расположившемуся в нескольких шагах от обращенных в его сторону пулеметов. Тогда комендант шепнул на ухо Веняе (полковник-пилсудчик.— И. М.), чтобы он разговором отвлек офицеров от пехотной школы, чтобы комендант мог сам отъехать и увести с моста седьмой полк улан» [6, з. В, к. 2].

на первых порах архаическую по своей сути личную власть⁵ он стал возводить над парламентской системой, отодвинув на дальний план проблему институционального переустройства системы, хотя действующая конституция, по его убеждению, в свое время была составлена «под углом зрения враждебности» к нему [6, з. В, к. 22]. Идя к власти, Пилсудский не имел заранее разработанной схемы государственного устройства, о чем без утайки признался в одном из доверительных разговоров с Барановским и добавил, что будущая «конституция должна быть как бы производным от традиции, требований действительности и фактического состояния, а также целей, стремлений и назначения нации». Из сказанного далее явствовало, что под достойной продолжения традицией он подразумевал не более полное воплощение в жизнь свобод, провозглашенных конституцией возрожденного государства и не шляхетскую демократию периода до разделов Польши — их он назвал «карикатурными» проявлениями демократии, — а «сохранение того, что называется парламентаризмом» при единоначалии высшей власти, сосредоточенной в его собственных руках [13, s. 205—206]. Все это укладывалось в рамки старой автократической традиции, господствовавшей в данной части Европы до первой мировой войны.

Реальная сила, обеспеченная военным успехом и общественной поддержкой, а также предусмотренное конституцией согласие Ратая на исполнение функций президента, как бы санкционировавшее задним числом переворот, позволили Пилсудскому стать выше конституционных органов, сделав свою волю для них обязательной. Способ формирования первого после переворота правительства во главе с К. Бартелем в полной мере отразил эту новую ситуацию. Формально, в согласии с конституцией, его назначил Ратай, но по прямому распоряжению Пилсудского, без участия сейма и сената. Последние с тех пор утратили одну из своих важнейших прерогатив — право образования основного исполнительного органа. Такова была цена дальнейшего существования парламента. Благодаря его уступчивости изменение государственного строя происходило мало заметно. Следующим актом принижения роли парламента, с которым поспешил диктатор, стали выборы нового президента. Поначалу побежденные противники Пилсудского еще рассчитывали на некий компромисс в этом вопросе. «Кандидатура Пилсудского (на пост президента. — *И. М.*), — говорил один из лидеров христианской демократии Ю. Хачиньский, — как бы поставила партии перед ним на колени, а они ведь хотят остаться самостоятельными в политической жизни» [6, з. В, к. 16]. Но Пилсудский как раз добивался первого и хотел искоренить второе. «Прежде всего, — делился он с Барановским, — нужно заставить политиков, чтобы они перестали горланить, или разбить их в пух и прах, сломать, уничтожить, — как справа, так и слева» [13, s. 199]. А итальянскому послу говорил в те же дни, будто «парламент и партии являются раком, разъедающим Польшу» и что парламент следует низвести до якобы единственно достойной его роли «поднимания и опускания рук», а партии, «как в сумасшедшем доме, сначала натравить одну на другую, подорвать их центральные руководства, лишить силы и распылить» [14].

Пилсудский торопился с избранием президента, желая истолковать это, по свидетельству Свитальского, как завершающий акт правового оформления новой власти [6, з. В, к. 20]. Сила была на его стороне. Поэтому, собрав 31 мая 1926 г. большинство голосов депутатов и сенаторов и получив, та-

⁵ В те годы в некоторых кругах говорилось об откровенно монархических наклонностях Пилсудского [12, s. 420]. О том, что это не было лишено оснований, свидетельствует такая, например, малоизвестная запись его приятеля дипломата В. Барановского, сделанная со слов Пилсудского 26 августа 1926 г. в Друскининкае, находившемся тогда по польскую сторону границы с Литвой: «„Кто-то мне говорил и как будто серьезно, — размышлял Пилсудский, — что литовцы, если бы я оставался в Сулеювке, вдалеке от политики и не напел бы общего языка с поляками, думали пригласить меня главнокомандующим, а может быть и... королем. Если бы это случилось, то как вы думаете? Мне, наверное, ничего не оставалось бы, как двинуться на Вильню и присоединить Польшу к Литве. Не знаю только, произошла бы такая аннексия кроваво или бескровно“, — заключил, комендант уже шуточно» [13, s. 204].

ким образом, фактическое одобрение ими переворота, он пренебрег мнением национального собрания и избрания не принял под предлогом узости президентских полномочий. По его предложению (Свитальскому он говорил, что президентом должен стать «человек непартийный, чистый морально, уважаемый и скромный» [6, з. В, к. 19]) на этот пост был избран мало известный в политике профессор И. Мосьцицкий.

Помимо формирования послушных диктатору исполнительных органов ответа требовали и поставленные событиями важные вопросы — прежде всего вопрос о характере и целях переворота. Ведь левые силы все еще видели в перевороте способ эффективного противодействия правой опасности, выступавшей под эгидой эндеции. С ее устранением они связывали перспективу ускорения назревших социально-экономических преобразований, а левые социалисты и коммунисты — даже перспективу перерастания в революцию.

Поэтому в дни переворота Коммунистическая партия Польши (КПП) первой из рабочих организаций выдвинула лозунг всеобщей стачки и представила свои четко очерченные социальные и политические требования, с выполнением которых связывала победу над реакцией: «Вооруженные рабочие и крестьяне, освобождение политических заключенных..., хлеб и работа для рабочих, взывание налога на собственность с имущих. Земля для крестьян без выкупа..., свобода для угнетенных наций» [15, s. 500].

Сейчас хорошо известно, что социальная и политическая программа коммунистов, как и демократические постулаты неревolutionонных левых, не могли быть реализованы в союзе с группировкой Пилсудского. КПП в свое время раньше других политических партий поняла ошибочность оценки классового характера этой группировки как мелкобуржуазного и безосновательность расчетов сторонников буржуазной демократии на ее эволюцию влево. Именно это послужило началом обсуждения узловых вопросов революционной теории. Но на определенной стадии дискуссии, проходившей под эгидой Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала, в частности, созданной там Польской комиссии, наряду с идеологическими спорами о причинах так называемой майской ошибки завязалась фракционная борьба, результатом которой стало осуждение всей линии КПП в дни майского кризиса 1926 г. [16, s. 128—135]. В последнее время все шире утверждается мнение, что тактика партии в период переворота проистекала не из мнимых идеологических отклонений, а определялась особой сложностью расстановки политических сил в стране. «...Польские коммунисты,— пишет один из современных исследователей,— располагая в мае 1926 г. небольшими силами и средствами, не были в состоянии применить другую, лучшую тактику. Поддержка переворота Пилсудского при одновременном стремлении КПП сделать борьбу массовой была тем путем, на котором для коммунистов существовала по крайней мере теоретическая возможность достичь успеха. Поддержка правительства Витоса не принималась в расчет. Позиция неучастия в конфликте могла привести только к изоляции коммунистов в обществе. Попытка выйти с лозунгом социалистической революции тогда должна была завершиться катастрофой. Следовательно правильнее говорить не о „майской ошибке“, а о том, что коммунисты не до конца понимали политическое лицо бельведерского лагеря» [17, s. 303—304; 18].

ПИС требовала избрания Пилсудского президентом, немедленного роспуска сейма и сената действующего созыва, чтобы привести их состав в соответствие с реальным соотношением сил в стране, и образования правительства без участия партий, поддерживавших свергнутый кабинет, названного ею рабоче-крестьянским, изменения политики в национальном вопросе и проч.

Новые выборы были лозунгом всех неревolutionонных левых партий. Резолюции с таким требованием на первом месте были приняты их парламентскими клубами 15 мая [19]. ПСЛ-«Вызволене» к тому же настаивала на ускорении аграрной реформы и радикализации ее («земля без выкупа»). В правых кругах, в частности, стало известно, будто делегация

этой партии еще 14 мая предложила Пилсудскому огласить декрет о наделении крестьян землей без выкупа, но получила мгновенный и решительный отказ — адъютант маршала не успел затворить за вошедшими дверь, как им пришлось выйти [20]. Правда, одновременно С. Богушевскому, назначенному пилсудчиками в майские дни комиссаром по аграрным делам (в 30-е годы, будучи сенатором от правящей группировки, порвал с ней и сблизился с коммунистами), было поручено подготовить декрет о наделении крестьян землей, но только на тот случай, если борьба против правительства окажется длительной [21, s. 166]. Когда же власть сравнительно быстро перешла в руки Пилсудского, он окончательно снял этот вопрос с повестки дня. «Наш крестьянин терпелив,— говорил он в июне Барановскому,— может сколько угодно ждать. Аграрная реформа — это сейчас не главное...» [13, s. 199].

Подобный двойственный и сугубо инструментальный подход проявил диктатор и в отношении рабочего класса. Известно, например, что пилсудчики задолго до мая искали контактов с местными организациями ППС, чтобы с помощью рабочих-социалистов вывести из строя железнодорожные узлы вокруг Варшавы [5, s. 316—317], вступали в переговоры с левыми организациями, в том числе и с КПП, стремясь убедить их в мнимой радикализации своего лидера [16, s. 132—133; 22]. Но когда в разгар событий полные веры в правоту борьбы против реакции рабочие хотели активно выступить на стороне Пилсудского, он этого не допустил. Созданный по инициативе ППС в одном из районов столицы рабочий батальон не получил оружия и не был введен в действие [5, s. 324]. Пилсудчики отклонили требования о вооружении рабочих и освобождении политзаключенных, переданные 14 мая делегацией коммунистов во главе с Е. Сохацким. Одновременно митинг коммунистов в поддержку Пилсудского и с требованием легализации КПП был по приказу штаба заговорщиков разогнан конной полицией с саблями наголо [5, s. 325; 17, s. 150; 23].

В доводах, какими Пилсудский мотивировал своему окружению отказ от вооружения рабочих («Армия по моему приказу перестанет стрелять, но перестанут ли стрелять гражданские — не знаю» [24]), заключалась вся безосновательность иллюзий левых, еще скрытая от них в момент переворота.

Пилсудский, обнаружив в критические дни заинтересованность только в пассивной поддержке левых — они располагали могучими людскими резервами, которыми можно было воспользоваться, если бы столкновение армейских сил не выявило победителя,— после ниспровержения законной власти стал тяготиться таким союзом и начал осторожно, но решительно наращивать дистанцию между требованиями левых и своим постепенно обрисовывавшимся курсом. С первых же дней после переворота приближенные слышали его настойчивые предостережения «не дать втянуть себя в упрощенное толкование вопроса, будто Пилсудский — это левица» [6, z. V, k. 19]. В публичных выступлениях он также с определенностью давал понять, что не собирается отождествлять государственную политику с программными требованиями приверженных ему рабочих и крестьянских партий и, наоборот, намерен реализовать давно задуманные «надпартийные и надклассовые», иными словами, солидаристские цели. «Если понятия „левые“ и „правые“ связаны с социальными движениями,— говорил он на одной из частых тогда пресс-конференций,— я лично в новой Польше никогда не был сторонником преобладания одной или другой стороны» [1, t. IX, s. 24]. «Польша должна быть осторожна,— объяснял в другой раз французскому корреспонденту,— потому что она молода и бедна. Ей следует избегать рискованных экспериментов... На время все должно остаться как есть, без применения экспериментальных программ как левых, так и правых» [1, t. IX, s. 22]. Подобные заявления означали отмежевание Пилсудского не только от левых парламентских сил с их социальной направленностью, но и от буржуазно-реформаторских экономических программ (государственное вмешательство, элементы планирования, демократизация финансовой политики и пр.), разработанных в кру-

гу его сторонников и изложенных в ряде публикаций, вышедших накануне переворота [25; 26] и очень беспокоивших сторонившуюся новшества буржуазию. Позиция Пилсудского показала, что новая власть стремилась не к обновлению, а к сохранению и стабилизации существующих социально-экономических порядков, т. е. к тому, чего так неудачно добивались и отстраненные от власти силы. Открыто объявляя о неприемлемости программ, предусматривавших сколько-нибудь глубокие преобразования, Пилсудский умело подменял волнованную массу и их партии социальную проблематику нравственно-этической риторикой, действенной, как замечает польский исследователь А. Гарлицкий, в тех случаях, когда адресаты ее «сильно возмущены окружающей действительностью, но вместе с тем не подготовлены к правильной ее оценке» [27]. Пилсудчики обещали покончить с коррупцией и злоупотреблениями, оздоровить нравственный климат в государстве — от этого установленный режим получил название «санация».

Не менее неожиданным для левых оказалось отношение диктатора к программе политической демократизации и ее вводу в данных обстоятельствах условию — досрочным выборам в сейм и сенат, где левые теперь в соответствии с настроениями масс рассчитывали на большинство. Но Пилсудский боролся за власть вовсе не для того, чтобы делиться ею затем с парламентом, каков бы ни был его состав. Ему больше подходил прежний «слабый, лишенный авторитета..., униженный ощущением понесенного поражения и собственного бессилия..., чем новый, сильный только что оказанным ему доверием масс» [11, с. 249—250]. Умелый тактик и мастер психологической обработки, он теперь стремился закрепить свою победу над конституционной властью путем морального унижения и запугивания последней. «Сейм так непопулярен, — констатировал он в первые дни, — что при помощи президента его можно бить по морде» [6, з. В, к. 18]. И тут же решил испробовать свой столь фигурально сформулированный метод, бросив в лицо представителям парламентских клубов, в основном левых, приглашенных «на чай» к премьеру Бартелю за день до выборов президента (правые предусмотрительно не приняли приглашения): «Я мог не пустить вас в зал Национального собрания, издеваясь над всеми вами. Но я хочу попробовать, можно ли еще в Польше править без кнута» [1, т. IX, с. 32].

Трудно сказать, повлияла ли эта выходка и в какой степени на результаты президентских выборов, которые принесли Пилсудскому желаемое. Но неприятие им президентского поста оскорбило и дезориентировало парламентариев, а содержащаяся в приведенной речи угроза в отношении парламента, интонационно и лексически повторявшая первое в качестве главы фашистского правительства парламентское выступление Б. Муссолини⁶, вызвало в левых кругах предположение о намерении польского диктатора тотально следовать фашистскому образцу. Это могло привести к прямой конфронтации с демократически настроенной частью общества, что при наличии немалой силы и политической организованности у ниспровергнутой эллиты было небезопасно для новой власти. Очевидно, поэтому Пилсудский вскоре, 17 июня, счел необходимым деэзавуировать собственные слова и заявить на совещании с приближенными — там были и его сторонники из ППС и ПСЛ-«Вызволене», — что «не хочет быть Муссолини и не хочет прокладывать дорогу бичом» [6, з. В, к. 22].

В этих словах, по-видимому, не было лукавства, ибо ходила молва, будто он «не выносит дуче и его чернорубашечников», что можно объяснить, как справедливо считает Я. Дембский, нежеланием польского диктатора «связываться с какой-либо организацией политического характера и становиться в зависимость от нее» [21, с. 162]. Пилсудскому претило в фашизме именно то, что отличало последний от других форм реакции —

⁶ «Я мог бы превратить это темное и серое здание в солдатский бивуак, — бросил дуче в лицо депутатам. — Я мог бы разогнать парламент и образовать чисто фашистское правительство... Но палата должна понять, что от нее самой зависит, жить ли ей еще два дня или два года...» (Цит. по: [28]).

идея жесткой организации массовых слоев и их политическая активность. Не случайно вскоре в беседе с Барановским он вновь повторил — и это важно для понимания существа его государственно-политической концепции, — «что не мыслит себе в системе правления по-обезьяньи следовать за фашизмом Муссолини. Эти образцы из-за границы, — продолжал он, — которые могут импонировать нашим националистам, совершенно не подходят для польской психики и не в моем вкусе» [13, s. 206].

Когда после избрания президента во весь рост встала проблема новых парламентских выборов, Пилсудский отклонил настояния левых партийных политиков, запугивая их перспективой избирательного успеха эндеции: «Так называемые правые партии, — утверждал он в середине июня, — не проиграют сегодня выборов. Они имеют опору в государственных учреждениях, которые находятся под их влиянием. В администрации господствуют их более или менее организованные мафии» [6, z. В, к. 22] ⁷.

Одновременно в ходу у пилсудчиков была и аргументация противоположного содержания. В частности, Бартель объяснял Ратаю 22 июня, что правительство «не пойдет на немедленный роспуск сейма, как требуют левые, ибо выборы в нынешних условиях дали бы радикальную голытьбу» [12, s. 370]. Лидеры неревolutionонных левых также оперировали этим доводом, но в пользу форсирования выборов, предсказывая дальнейшее полевение масс. «Отсрочка выборов на более позднее время, — говорил на упомянутом совещании 17 июня представитель ПСЛ-„Вызволене“ пилсудчик Ю. Понятовский, — может привести к тому, что их придется проводить в атмосфере разочарования широких слоев, обманутых в своих надеждах на то, что майские события дадут большие изменения к лучшему» [6, z. В, к. 22]. А социалист Б. Земенцкий, представлявший в сейме рабочую Лодзь, предупреждал, «что если выборы пришлось бы на зимнюю пору, это грозило бы ростом коммунистических голосов» [6, z. В, к. 22].

Таким образом, враждебность к эндеции и вместе с тем страх перед радикализацией масс побудили неревolutionонных левых подчиниться Пилсудскому в вопросе о парламентских выборах. В свою очередь, правые и центр не были уверены в успехе и потому фактически не поддерживали предложение о самороспуске палат, необходимом для назначения новых выборов. Такой безвольный и послушный парламент оказался, как и рассчитывал Пилсудский, вполне подходящим для того, чтобы навязать ему юридическое решение об ограничении его собственных полномочий. 17 июня 1926 г. правительство вынесло на рассмотрение сейма проект закона об «изменении и дополнении» конституции, в котором нашли отражение многие из выдвигавшихся ранее требований правых по поводу реформы конституции. Проект предусматривал ограничение срока бюджетной сессии, а также наделение президента правами вето и досрочного роспуска палат по предложению правительства, а главное, правом издания декретов, имеющих силу закона. Против него выступили революционные клубы КПП и независимой крестьянской партии, украинские и белорусские депутаты, а также клуб ППС. Правоцентристское же большинство не допустило отклонения проекта, наоборот, потребовало дополнить его другими антидемократическими пунктами: о расширении полномочий сената, ограничении законодательной инициативы, о пересмотре избирательного закона таким образом, чтобы сохранить свое преобладание в парламенте. Только при этом правые готовы были согласиться на роспуск сейма существующего состава. Но это, как уже говорилось, не входило в планы Пилсудского, и он не дал согласия на изменение поряд-

⁷ В дальнейших своих рассуждениях он резко критиковал партийную основу парламентского механизма и доказывал, что при подготовке новых выборов, которые, возможно, придется передвинуть на 1927 г., необходимо будет расстроить этот механизм. «Новый сейм, — говорил он, — может стать лучше, когда нынешние его заправилы будут дисквалифицированы и опорочены в глазах общественного мнения и когда этим деморализованным и фальшивым лидерам будет закрыта дорога в законодательные палаты. Я хочу уменьшить также представительства национальных меньшинств и коммунистов» [6, z. В, к. 22—23].

ка выборов. Предложенные правительством поправки к конституции были утверждены палатами 2 августа 1926 г. («августовская новелла»). Формально демократическая конституция осталась в силе, но принципиальному пересмотру подверглось соотношение между законодательной и исполнительной властью. Например, за сеймом и сенатом вроде бы оставалась функция утверждения государственного бюджета и право его изменения или отклонения, однако, вводилось новое, регламентированное жесткими сроками, прохождение процедурных стадий, вследствие чего бюджет мог обрести силу закона без участия сейма. В целом «августовская новелла» формально закрепила изменение соотношения между парламентом и правительством в том смысле, что первый лишился многих законодательных функций, сохранив за собой по преимуществу контрольные [29, s. 26, 32]. В дальнейшем Пилсудский уверенно нейтрализовал несмелые выступления парламентской оппозиции путем так называемых конституционных прецедентов, извращавших дух конституции при механическом следовании ее букве.

Такая необычная, как замечает А. Гарлицкий, ситуация, при которой парламент признал диктатуру и старался создать модель функционирования в ее рамках, а диктатор согласился на существование парламента, оппозиционных партий и их печати, создавала у многочисленных сторонников Пилсудского, в том числе и в его ближайшем окружении, обманчивое представление, будто именно подобная система была целью переворота [30]. В этом плане заслуживает внимания, что коммунисты раньше многих избавились от иллюзий и сделали вывод, что именно антидемократизм является политической сущностью нового режима. «Пушки Пилсудского разбили не только власть нынешнего сейма. В развалинах лежит также парламентская демократия», — говорилось в резолюции пленума ЦК КПП от 12 июня 1926 г. [15, s. 489].

Наделение президента правом издания декретов, имеющих силу закона, означало передачу ему широких законодательных функций. Реализация этих новых положений во многом зависела от личности президента. Он же находился под безраздельным влиянием Пилсудского. Поэтому установления «августовской новеллы» послужили распространению такой практики, при которой деятельность правительства протекала вне зависимости от сейма. Первым на основе «августовской новеллы» был принят декрет о новой системе высшего военного командования — акт, предназначенный урегулировать вопрос, служивший до переворота одним из главных мотивов конфликта Пилсудского с парламентом. Правда, согласно декрету официально сохранялась двойная система командования. Военный министр по-прежнему формально нес конституционную и политическую ответственность. Но наряду с этим президент, являвшийся по конституции верховным главнокомандующим в мирное время, назначал генерального инспектора вооруженных сил, который должен был стать главнокомандующим в случае войны и заранее был наделен практически неограниченными полномочиями. Пилсудский, военный министр со времени переворота, занял также и должность генерального инспектора вооруженных сил. Так осуществился его замысел бесконтрольно владеть руководством армией с тем, чтобы превратить ее в опору своей власти. В этом состояла политическая роль армии и это важно иметь в виду при определении характера «санационного» режима. Что касается чисто военных аспектов, то в литературе отмечается, что единоначалие Пилсудского отразилось на них не лучшим образом. Рассматривая армию как свою главную политическую силу, он поспешил «очистить» ее от генералов и офицеров, не принадлежавших к его политическим сторонникам. Стиль руководства диктатора, не терпевшего в своем окружении ярких индивидуальностей, привел к замене многих способных офицеров послушными исполнителями. Сам же он недооценивал значение военно-технических новшеств. Все это затормозило развитие военной мысли, модернизацию и повышение боевого потенциала войск [31].

Одновременно открылось совпадение социальных целей и политических интересов нового режима и правых общественных сил. Разумеется,

это не означало примирения и союза Пилсудского с побежденным национальным лагерем, на что последний сначала рассчитывал. Наоборот, чтобы лишить своих соперников социальной опоры, правящая группировка приступила к созданию нового политического центра, который представлял бы интересы имущих. Одну из социальных и идеологических опор такого центра Пилсудский хотел найти в консервативно-помещичьих кругах, чьи политические позиции в парламенте демократического типа сильно пострадали. Но они, благодаря репутации хранителей национально-освободительной традиции, вынесенной из шляхетского периода борьбы, поддержали свой общественный престиж и имели значительное идейное и организационное влияние среди интеллигенции, офицерства, чиновничества, в государственном аппарате и сельском самоуправлении [29, с. 48]. Не все консервативные группы сразу пошли на сближение с новой властью: некоторых смущала неконституционность переворота, большинство же останавливало политическое прошлое Пилсудского, прошедшее в сотрудничестве с левыми. Но его все более определенный разрыв с последними, отклонение их политических требований, а также повторяющиеся жесты в сторону консерваторов и деятелей помещичьих организаций вскоре привели к взаимопониманию [32]. Это наложило специфический отпечаток на идейное оснащение и социальный облик нового режима, что, впрочем, нереволюционные левые не сразу распознали прежде всего из-за антиэндековской направленности союза Пилсудского с консерваторами [12, с. 420].

Пилсудский позаботился также о привлечении на свою сторону ведущих промышленных, финансовых и торговых кругов, которые в парламентский период были связаны преимущественно с эндецией. Они настороженно встретили переворот еще и потому, что в силу исторических особенностей отличались идеологическим консерватизмом и, цепляясь за потерявший на монополистической стадии былое значение принцип «свободной конкуренции», решительно возражали против идеи повышения хозяйственной роли государства — этатизации экономики, исходившей от таких пилсудчиковских экономистов, как С. Стажиньский [33]. Поэтому в первую очередь деловым кругам были адресованы декларации Пилсудского об отказе от «рискованных социальных и экономических экспериментов» и еще более конкретные заверения Бартеля о преемственности социальной, экономической и финансовой политики, данные при личной встрече с генеральным директором Центрального союза польской промышленности, горного дела, торговли и финансов (в обиходе «Левнафана») А. Вежбицким [34]. К тому же представители этих кругов получили министерские портфели уже в первых кабинетах «санации». Все это обеспечило поддержку и сотрудничество отличавшихся политическим прагматизмом промышленных, финансовых и торговых сфер с новым режимом. Через некоторое время А. Вежбицкий считал необходимым — и это важно как для выявления социального облика режима, так и для характеристики его сущности и методов, — выразить свою признательность «правительству Пилсудского за то, что несмотря на призывы левых, оно... не пошло ни вправо, ни влево, а как бы пропитало крахмалом внутренние отношения, благодаря чему придало твердую форму старым вещам» [2, т. 69, к. 139].

Из вышеприведенного следует, что политической целью переворота было преобразование государственной власти буржуазно-демократического типа в особый вариант авторитарной диктатуры, при котором парламент уступал свои высшие функции диктатору. Об анахронизме этой системы свидетельствует тенденция к надпартийности, стремление остановить и повернуть вспять процесс политической дифференциации на плюралистической партийной основе, опираясь в политике преимущественно на потенциал армии. Социальный же облик сил, с которыми Пилсудский вступил в союз, и отмежевание в угоду им от любых реформаторских программ социально-экономического содержания показал, что диктатор был настроен на сохранение унаследованной от прошлого отсталой социально-экономической структуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Piłsudski J.* Pisma zbiorowe. Warszawa, 1937.
2. Archiwum Akt Nowych (AAN). Zespoły szczytkowe.
3. *Thugutt S.* Autobiografia. Warszawa, 1948, s. 19.
4. *Laroché J.* Polska lat 1926—1935. Warszawa, 1966, s. 3.
5. *Pragier A.* Czas przeszły dokonany. Londyn, 1966.
6. *Świtalski K.* Wypowiedzi J. Piłsudskiego. Maszynopis.— Biblioteka Uniwersytetu Warszawskiego. Wydział rękopisów, sg. 2773.
7. AAN, Akta L. Żeligowskiego, Sg. 105/11, t. 32, k. 68—69.
8. *Arski S.* My, pierwsza brygada. Warszawa, 1962, s. 408—409.
9. *Comte H.* Zwierzenia adiutanta w Belwederze i na Zamku. Warszawa, 1975, s. 106.
10. Wojskowy Przegląd Historyczny, 1978, № 1, s. 241.
11. *Próchnik A.* Pierwsze piętnastolecie Polski niepodległej (1918—1933). Warszawa, 1957.
12. *Rataj M.* Pamiętniki 1918—1927. Warszawa, 1965.
13. *Baranowski W.* Rozmowy z Piłsudskim 1916—1931. Warszawa, 1938.
14. *Borejsza J.* Marsz na Warszawę. Wersja włoska.— Polityka, 1973, № 1, s. 15.
15. Nowy Przegląd. 1926. (Reedycja). Warszawa, 1961.
16. *Kowalski J.* Rozwój sytuacji wewnętrznej w KPP po przewrocie majowym 1926 r.— Z pola walki, 1963, № 4.
17. *Kolebacz B.* Komunistyczna Partia Polski 1923—1929. Warszawa, 1984.
18. *Salecki J. A.* «Błąd majowy» — Trybuna Ludu, 1986, 28—29 V, s. 4.
19. *Malicki J.* Marszałek Piłsudski a Sejm. Warszawa, 1936, s. 293.
20. *Zdanowski J.* Dziennik. 1915—1935. Maszynopis, t. VI, k. Archiwum PAN w Krakowie, sg. 7862.
21. *Dębski J.* Jak doszło do zamachu majowego. In: Wspomnienia weteranów ruchu ludowego. Warszawa, 1968.
22. *Kawecka K.* Niezależna Socjalistyczna Partia Pracy 1921—1937. Warszawa, 1969, s. 241—242.
23. *Granat R.* «Gruba Ceśka». Warszawa, 1957, s. 83.
24. *Pobóg-Malinowski W.* Najnowsza historia polityczna Polski 1864—1945. Londyn, 1956, t. II, cz I, s. 482.
25. *Starzyński S.* Program rządu pracy w Polsce. Warszawa, 1926.
26. *Leliwa G. (G. Crechowicz).* Problem skarbowy w świetle prawdy. Warszawa, 1926.
27. *Garlicki A.* Przewrót majowy. Warszawa, 1978, s. 290.
28. *Лоньзоо Б. Р.* История фашистского режима в Италии. М., 1977, с. 19.
29. *Ajnenkiel A.* Polska po przewrocie majowym. Warszawa, 1980.
30. *Garlicki A.* Od maja do Brześcia. Warszawa, 1985, s. 174.
31. Historia Polski. Warszawa, 1978, t. IV, cz. 3, s. 23—28.
32. *Władyka W.* Działalność polityczna polskich stronnictw konserwatywnych w latach 1926—1935. Wrocław, 1977, s. 16—40.
33. *Kofman J.* Lewiatan a podstawowe zagadnienia ekonomiczno-polityczne Drugiej Rzeczypospolitej. Warszawa, 1986, s. 27—30.
34. *Wierzbicki A.* Wspomnienia i dokumenty, t. 11, k. 765, 872. Maszynopis. Biblioteka Instytutu Historii PAN, sg. 28.

БОЛЬШАКОВА К. В.

СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИЕ КОНТАКТЫ В ОБЛАСТИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В 1946—1949 ГОДАХ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВОКС И ОПСД)

В ходе войны во всем мире рос авторитет Советского Союза и интерес к советской науке, внесшей весомый вклад в победоносное завершение тяжелейшей войны. Польские ученые, как их коллеги в других странах народной демократии, проявляли особую заинтересованность в достижениях науки в СССР еще и потому, что в условиях революционного ускоренного переустройства самих основ жизни наряду с задачами восстановления материальной базы науки и просвещения необходимо было решить проблемы организационной и методологической перестройки. В начальной фазе культурной революции в Польше, когда еще не была достаточно разработана теория и практика социалистической революции, неизбежным было обращение к опыту Советской страны и в вопросах функционирования культуры при социализме.

Контакты СССР и народной Польши в области высшего образования складывались в труднейших исторических обстоятельствах: война оставила разрушенным народное хозяйство, лишила крова миллионы людей, сопровождаясь другими неисчислимыми потерями и утратами в обеих странах. Целесообразно напомнить некоторые цифры применительно к обозначенной теме. В СССР частично или полностью было разрушено 1710 городов, уничтожены или разгромлены 84 тыс. школ, техникумов и высших учебных заведений, 43 тыс. библиотек. Высшая школа в Польше также понесла огромные людские и материальные потери. Ушли из жизни 39 академиков и 31 член-корреспондент. Польской академии знаний (ПАЗ) [1, 1947, № 2, с. 7]; погибло около 40% преподавателей высшей школы [2]; из 603 научных лабораторий, существовавших при вузах, уцелело только три [3], пострадали вузовские здания, сгорели многие университетские библиотеки, в том числе во Вроцлаве [1, 1947, № 3, с. 3], погибли многочисленные личные библиотеки ученых.

С особенной остротой в СССР и Польше встала задача обеспечения восстанавливаемого и реконструируемого народного хозяйства, культуры, науки и просвещения квалифицированными специалистами с высшим образованием. Увеличение количества вузов и численности обучающихся в них студентов в Польше сопровождалось процессом демократизации высшей школы.

Начальный период контактов вузов двух стран характеризуется тем, что связи возникали в значительной мере стихийно. Известны отдельные факты советской помощи одному из четырех новых университетов народной Польши. Решение о создании Люблинского университета им. М. Кюри-Склодовской принято 23 октября 1944 г., а месяц спустя его ректору

Большакова Капитолина Васильевна—научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР.

проф. Г. Раабе была предоставлена возможность ознакомиться с организацией высшего образования в СССР [4, с. 67]. В 1945 г. университет получил в дар от МГУ книги и некоторые анатомические препараты [4, с. 124], в 1946 г. — от Антропологического музея в Москве комплект гипсовых слепков [5, с. 456], а в 1947 г. из СССР поступила научная литература [6, д. 233, л. 157, 165].

Многие советские вузы и научные учреждения посылали учебным заведениям Польши необходимую им литературу. К началу 1946 г. посольству Польской Республики в Москве было передано свыше 12 тыс. томов книг [5, с. 29]. Проф. Я. Дембовский, атташе по вопросам науки польского посольства, отмечал, что это труды «высокого качества, наличие которых сразу скажется положительно на работе наших университетских библиотек» [5, с. 121].

Задачей этой статьи является освещение первых лет советско-польских контактов в области высшего образования на основании новых, в значительной мере, фактов и материалов. При посредстве ВОКС и ОПСД главным образом, между высшими учебными заведениями СССР и Польши устанавливался (или возобновлялся) книгообмен, велась переписка деятелей науки, вузовских преподавателей, студентов.

Интенсивными были контакты советских и польских специалистов в области юридических наук. В 1946 г. Лодзинскому университету через ВОКС были направлены большие подборки исторической и юридической литературы, в том числе комплект журнала «Мировое хозяйство и мировая политика» за 1942—1944 гг. [6, д. 234, л. 117, 135]. В ноябре того же года в Москве и Ленинграде побывал министр юстиции Польши (с 1947 г. — проф. Варшавского университета) Г. Свентковский; будучи председателем Главного правления ОПСД он возглавил делегацию, которая находилась в СССР в течение трех недель. Состоялись его встречи с советскими специалистами, в Институте права АН СССР он выступил с докладом [6, д. 231, л. 1—23]. С этого времени началась его переписка с акад. И. П. Трайниным, деканом юридического факультета ЛГУ проф. А. В. Венедиктовым [6, д. 233, л. 97, 183]; была налажена регулярная посылка в Польшу юридической литературы (см. [6, д. 231, л. 24; д. 233, л. 56, 97, 102, 138, 152, 155, 157, 158, 171, 175, 183, 186, 297; д. 234, л. 117 об.; 120; д. 241, л. 93; д. 242, л. 68]). В 1947 г. руководителю кафедры советского государственного строя и права в Лодзинском университете и редактору журнала «Państwo i prawo» С. Эрлиху были посланы материалы по курсу международного права и отдельные номера журнала «Советское государство и право» за 1946 и 1947 гг.; польскому государственному деятелю, юристу по образованию В. Барциковскому — литература по международному праву [6, д. 233, л. 76—78, 119, 122]; по просьбе правовой секции ВОКС ей был прислан комплект журнала «Państwo i prawo» за 1946 г. и № 1—4 за 1947 г. [6, д. 233, л. 18, 157; д. 238, л. 51, 128].

В 1948 г. ВОКС послал С. Эрлиху в Варшаву (кафедра советского строя была переведена из Лодзинского в столичный университет) подборку журнала «Советское государство и право» за № 1947 г., несколько книг и рецензии на них [6, д. 250, л. 97, 99—106, 108—112] и получил от него «Обзор польского законодательства» (№ 1 за 1948 г.) [6, д. 250, л. 96]; председатель правления ВОКС юрист проф. А. И. Денисов направил польским коллегам проф. В. Корнатовскому и М. Мушкату свою книгу «Теория государства и права» (в знак благодарности за полученные им польские издания по правовым проблемам) [6, д. 258, л. 141].

В 1949 г. ВОКС неоднократно пересылал юридическую литературу в адрес С. Эрлиха: в мае — работы, вышедшие в СССР в 1947—1949 гг. (14 названий), в конце года — книгу проф. С. В. Юшкова «Общественно-политический строй и право Киевского государства» (она была адресована и проф. К. Корнью во Вроцлав) [6, д. 247, л. 94, 97, 98; д. 259, л. 1]. Среди направленных в Польшу научных изданий были «История государства и права», т. I; «Очерки по истории органов Советской государственной власти»; несколько работ о советском государственном и админи-

стративном праве, в том числе А. Я. Вышинского «Вопросы теории государства и права» (см. [6, д. 234, л. 3—5 об.; д. 247, л. 250—251; д. 257, л. 13, 14, 71, 247; д. 258, л. 4—7, 170—171; д. 259, л. 49, 55—56, 177; д. 261, л. 112—113]). Работа А. Я. Вышинского «Теория судебных доказательств в советском праве» в 1948 г. была переведена на польский язык [6, д. 249, л. 128, 131]; подготовил ее к печати упоминавшийся проф. С. Эрлих¹ [6, д. 257, л. 156—158]. Из Польши поступили научные труды проф. В. Корнатовского (для И. П. Трайнина, А. И. Денисова и С. Ф. Кечекьяна) [6, д. 257, л. 188], специальная литература в адрес юридического факультета Киевского университета [6, д. 257, л. 182; д. 259, л. 163], журналы «Demokratyczny Przegląd Prawniczy», «Nowe Drogi», «Prawo w służbie pokoju» [6, д. 257, л. 24, 28].

Советские и польские юристы обменивались мнениями о вышедшей литературе. Преподаватель Московского юридического института доц. М. А. Гурвич просил проф. С. Розмарина (Варшавский ун-т) ознакомиться с новым советским учебником по финансовому праву (под ред. проф. Н. Н. Ровинского) и высказать о нем свое суждение [6, д. 233, л. 43, 44].

В связях вузов филологического и исторического профиля, специалистов в области искусствоведения книгообмен тогда был единственной их формой. В начале 1946 г. студенты Познанского университета предложили коллегам из Ленинградского университета сотрудничество «в области славянской филологии». Ленинградцы ответили согласием, в их письме выражалась уверенность, что «дружеская переписка, а когда-нибудь, возможно, и встреча принесут взаимную пользу» и предполагалось наладить взаимный обмен газетами, журналами и научными публикациями [9, 1946, № 3/4, с. 24].

В 1946 г. руководителю кафедры эстетики и искусствоведения Лодзинского университета М. Валлису были посланы ВОКСом гравюры на дереве В. Фаворского [6, д. 236, л. 139], а ректору Академии художеств в Варшаве С. Остоя-Хростовскому — специальная литература [6, д. 234, л. 22]. В 1947 г. преподавателю Академии политических наук в Варшаве А. Деруге были переданы учебники по новой истории [6, д. 243, л. 148, 149, 152], ректору Академии художеств в Кракове Э. Эйбишу направлены книги (21 название) о русских художниках, об архитектуре древних городов на территории СССР, путеводители по Русскому музею в Ленинграде [6, д. 233, л. 199, 203; д. 238, л. 98]; ленинградский филолог С. С. Советов (ЛГУ) получил из Польши выпуски журнала «Język Polski» за 1945 и 1946 гг. [6, д. 238, л. 139, 140].

В 1948 г. заведующий кафедрой Томского педагогического института археолог А. В. Маракуев просил прислать ему издания польской Комиссии по ориенталистике и направлял в Польшу отписки своих последних работ по находкам китайской бронзы в Сибири [6, д. 250, л. 13, 15, 16].

¹ В рассматриваемые годы в книгообмен с зарубежными научными учреждениями и вузами ВОКС включал и труды таких псевдоученых, как Вышинский и Лысенко, при этом очень оперативно в Польше, например, переводимые. Работы же их оппонентов изымались из распространяемых за рубежом — так, в период работы в Польше выставки «Советская книга» в 1949 г. ВОКС направил указание своему представителю снять с экспозиции книгу известного советского биолога, теоретика эволюционного учения И. И. Шмальгаузена [6, д. 24, л. 104 об.].

В настоящее время в СССР создана Комиссия по анализу исторического развития советской генетики, которой предстоит, в частности, оценить ущерб, нанесенный «народным академиком» [7]. Но даже не располагая пока данными о степени влияния его деятельности на биологическую науку, можно уже сейчас высказать суждение хотя бы самого общего характера — это воздействие могло быть только деструктивным.

Что касается пропаганды в Польше правовых теорий Вышинского, то, имея в виду их вероятное негативное влияние на юридическую практику тех лет, отметим факт, что не всегда, видимо, им удавалось играть фатальную роль в профессиональной судьбе тех, кто знакомился с ними. Так, о проф. Эрлихе, в конце 40-х годов готовившем к изданию в Польше книгу Вышинского, известно, что в 1988 г. на XIV Всемирном конгрессе Международной ассоциации политических наук этот «старейшина польских политических наук» выступил с основным докладом о политическом плюрализме — актуальнейшей проблеме общественной жизни стран современного социализма [8].

В 1949 г. ВОКС переслал несколько экземпляров учебника И. Х. Дворецкого «Польский язык» для кафедры русского языка Гданьской политехники (политехнический институт) [6, д. 260, л. 100]. Преподаватель кафедры философии этого вуза С. Власюк обратился с письмом к чл.-корр. АН СССР А. А. Максиму, сообщая, что в Польше «очень интересуются вопросами, мастерски истолкованными в Вашем ценном докладе» (речь шла о статье Максимова «Борьба Ленина с физическим идеализмом», опубликованной в журнале «Большевик»²), что «вопрос взаимоотношения физики и диалектического материализма особенно сильно интересует учащуюся молодежь»; в письме затрагивались философские проблемы естественных наук [6, д. 247, л. 4—5]. Отметив в ответном письме, что эти вопросы «волнуют физиков и философов уже в течение нескольких десятков лет», советский философ написал о существующей литературе по данной тематике на русском языке [6, д. 247, л. 1—3]. В Ягеллонский университет в ответ на просьбу руководства кооперативного факультета информировать его об организации высшего экономического образования в СССР, направлялись списки важнейшей советской литературы по народному хозяйству, коллективизации сельского хозяйства и социалистическому соревнованию в колхозах, а во время пребывания в Москве министра просвещения Польши С. Скупшевского (весной 1949 г.) Министерство высшего образования СССР передало ему учебные планы и программы советских экономических вузов [6, д. 247, л. 162—166; д. 248, л. 59; д. 257, л. 172] (см. также [6, д. 250, л. 40—42]). Запросы о программах обучения в советских вузах, об учебных планах различных факультетов поступали в ВОКС и ОПСД неоднократно. В 1949 г. программы сельскохозяйственных вузов были посланы ректору Гданьской политехники С. Турскому [6, д. 257, л. 61]; вузовскую программу курса «Диалектический и исторический материализм» получила Варшавская политехника [6, д. 259, л. 108], а учебные планы и программы всех основных факультетов ВГИКа — управление художественных школ Министерства культуры и искусства Польши [6, д. 259, л. 191, 192].

Поступали из Польши просьбы о присылке программ, специальной литературы для вводимых в польских вузах новых курсов по различным отраслям знаний о СССР. В 1947 г. профессор Академии внешней торговли в Щецине Е. Теребуха, сообщая, что кафедра экономической географии Восточной Европы организует исследования по региону Советского Союза, считал необходимым «войти в тесные научные отношения с советскими учеными» [6, д. 238, л. 49 и об.]. Руководителя Института социальной политики Лодзинского университета В. Шуберта интересовали книги о трудовом законодательстве, заработной плате, стахановском движении, социальном страховании в СССР и т. п. [6, д. 250, л. 32—35]. В связи с включением в программу кафедры музыковедения Варшавского университета курса истории русской музыки по просьбе ее руководителя С. Лиссы ВОКС направил туда 16 книг о русских композиторах и других музыкальных деятелях, несколько номеров журнала «Советская музыка», ноты [6, д. 235, л. 86—88], а позднее послал «всю имеющуюся в нашем распоряжении литературу по советскому музыковедению, вышедшую с мая 1946 г. по настоящее время (лето 1947 г.— *К. Б.*)» — это книги о В. Шебалине, Ю. Шапорине, С. Василенко, А. Хачатуряне, Т. Хренникове, а также Ф. Шопене, последние выпуски журнала «Советская музыка» [6, д. 233, л. 40—42] и библиографическую справку о музыковедческих работах, вышедших в СССР за последние 10 лет [6, д. 247, л. 248, 273—280]. В 1949 г. С. Лисса, обращаясь с очередной просьбой о литературе, писала, что ее кафедра является «в настоящее время единственной в Польше..., опирающейся на марксистский метод изучения», поэтому «единственным для нас образцом и примером могут быть советские книги» [6, д. 247, л. 128 и об.; д. 257, л. 210]. С помощью ВОКСа

² Работы этого советского ученого в области философских проблем естествознания были известны польской научной общественности и по переводам (см. [10]). В современной публицистике в СССР А. А. Максимов характеризуется как ученый догматического направления.

в Польшу тогда неоднократно пересылались программы и учебные планы советских консерваторий [6, д. 233, л. 189, 195; д. 235, л. 38, 76].

Развивались контакты между учебными заведениями геолого-географического, физико-математического, медицинского и сельскохозяйственного профиля.

В 1946 г. студенты географического факультета МГУ, выражая благодарность коллегам из Ягеллонского университета за предложение об установлении сотрудничества, писали: «С удовольствием будем сообщать Вам о нашей работе и обмениваться журналами и книгами» [5, с. 100] (см. также [6, д. 234, л. 178, 180; д. 236, л. 81]). Польские студенты информировали о своем факультете, о работе факультетской научной секции, о научно-краеведческих экскурсиях в каникулы. В одном из их писем говорилось: «Мы надеемся, что наша с Вами корреспонденция приведет к тесному сотрудничеству и будет способствовать сближению и укреплению дружбы между нашими народами³, чего мы горячо желаем»; с письмом пересылались отдельные номера географических журналов, издаваемых в Польше [5, с. 133]. Обмен научной литературой по географии с весны 1946 г. установился между деканом географического факультета МГУ проф. К. К. Марковым и директором Балтийского института Глеб-Косчанской, а также профессором этого института Ю. Боровиком [6, д. 234, л. 138, 139; д. 236, л. 113, 114].

В 1946 г. дирекция Геологического института в Варшаве обратилась в советское посольство с просьбой помочь восстановить контакты с 35-ю научными учреждениями СССР, с которыми до войны библиотека Института обменивалась изданиями. Выполняя эту просьбу, ВОКС разослал в Киевский, Ташкентский и Томский университеты, Торфяной институт в Москве, Палеонтологическое общество в Ленинграде, московское и ленинградское отделения Общества испытателей природы и другие письма, сообщая о предложении польского Института восстановить прерванный войной обмен литературой [6, д. 237, л. 151—156]. В том же году для Горно-металлургической академии в Кракове Академия наук СССР направила большую подборку специальной литературы (751 наименование книги в 1086 экз.) — научные труды ряда академических институтов, специализированных комиссий, комитетов, материалы различных конференций, экспедиций, научные и научно-популярные журналы, монографии, вузовские учебники [5, с. 74; 6, д. 234, л. 228—241].

В 1948 г. Польское метеорологическое и гидрологическое общество и Общество любителей географии и растительного мира Варшавского университета переслали свои научные издания в Томский университет, НИИ им. В. Л. Комарова, Агрономический институт АН СССР в Ленинграде, в библиотеку Никитского ботанического сада [6, д. 244, л. 41—43; д. 248, л. 27].

В 1949 г. известный советский географ проф. Н. Н. Баранский (в 1934 г. был участником Международного конгресса географов, проходившего в Варшаве) информировал польского коллегу С. Петрожицкую, обратившуюся к нему за консультацией, о советских научных изданиях, сведения о которых были необходимы для ее дальнейшей исследовательской работы [6, д. 258, л. 165, 168].

Профессор МГУ П. С. Александров в письме от 20 мая 1946 г. математику К. Куратовскому сообщал об отправке руководимому им Математическому семинару Варшавского университета отписков, книг, журналов «из нашей личной совместной (с проф. А. Н. Колмогоровым. — К. Б.) библиотеки» — журналы на английском языке (42 выпуска); «Труды», «Известия» и журналы, изданные в СССР (всего 240 вып.); 80 отписков работ Колмогорова; монографии советских и зарубежных ученых (15 названий) [6, д. 234, л. 107, 108, 148—149]. Советский математик выразил скорбь о погибших в годы войны польских ученых С. Мазуркевиче и С. Банахе, которых «мы все так высоко ценим по их прекрасным работам

³ Эти слова являются отражением того, что в те годы воспитание чувства дружбы к народам Советского Союза занимало особое место в идейно-воспитательной работе в польских вузах.

и которых многие из нас, в том числе и я, имели счастье знать лично» [6, д. 234, л. 148 и об.]. Советские специалисты в области физико-математических наук проявляли интерес к достижениям всемирно известной «польской школы» математики, о чем свидетельствуют, в частности, просьба Московского института стали выписать из Польши учебные планы и программы по начертательной геометрии (программы и учебники польских вузов по геометрии были получены институтом в конце 1948 г.) [6, д. 248, л. 27; д. 249, л. 159, 164], а также переводы на русский язык в 1948—1949 гг. работ польских математиков С. Банаха и Л. Инфельда, при этом одна из книг Банаха была рекомендована в качестве учебника для вузов [4, с. 203]. В 1946 г. по просьбе директора астрономической обсерватории Вроцлавского университета проф. Е. Рыбки ему были посланы книги (19 наименований) по астрономии, физике, математике, две книги по истории Академии наук СССР, а также выпуски «Астрономического ежегодника СССР» за 1941—1944, 1946 гг. [6, д. 234, л. 117, 120, 122—124, 189, 193, 196; д. 236, л. 82]; для обсерватории Варшавского университета — «Бюллетень» обсерватории Харьковского университета [6, д. 234, л. 22]; а для директора астрономической обсерватории Ягеллонского университета проф. Т. Бонахевича — книги Ленинградского института теоретической астрономии [6, д. 234, л. 274, 283]. О желании Бонахевича «поделиться с советскими учеными... результатами своих работ по прикладной математике» писал в ВОКС в 1946 г. председатель научной секции ОПСД в Кракове проф. К. Столыгво [6, д. 236, л. 127 и об.] В 1949 г. ректор МГУ переслал при посредстве ВОКС в адрес проф. Е. Рыбки, в конце 1948 г. принимавшего участие в ряде научных мероприятий своих советских коллег, учебные планы по математике, механике и астрономии [6, д. 247, л. 243, 286]. В книгообмене в этой области участвовали с польской стороны — Познанский, Краковский, Вроцлавский, Варшавский университеты, с советской — Астрономический институт им. П. К. Штернберга, Институт теоретической астрономии АН СССР, Пулковская обсерватория, Харьковский университет [6, д. 233, л. 125—127, 168; д. 234, л. 283; д. 236, л. 142; д. 237, л. 50; д. 241, л. 2—4; д. 248, л. 173, 174; д. 257, л. 177].

В 1946 г. советские вузовские учебники по физике и теоретической механике были направлены в Познанский университет [6, д. 234, л. 15, 16, 20]. В начале 1948 г. в ВОКС было прислано 48 экземпляров ежеквартальника «Acta Physica Polonica» (1936, № 5) с просьбой разослать их заинтересованным учреждениям. В сопроводительном письме редакция журнала обещала высылать регулярно последующие выпуски по мере их выхода в свет и подчеркивала, что «было бы желательно получать путем обмена советские публикации, посвященные исключительно или частично физике» [6, д. 244, л. 83—85; д. 248, л. 69—70 об., 202, 203]. В 1949 г. физики ЛГУ просили ВОКС содействовать в получении из Польши изданных университетом в Люблине «Анналов» за 1946 г. со статьей В. Жука (или оттисков этой статьи) в обмен на некоторые из работ ленинградских специалистов; в скором времени экземпляр «Анналов» был направлен адресату [6, д. 257, л. 2; д. 259, л. 108 и об.].

В обмене специальной литературой в области медицинских наук известны следующие факты. В 1946 г. при посредстве ВОКСа Военно-медицинская академия им. С. М. Кирова передала в дар польским университетам медицинскую литературу [6, д. 236, л. 119]; Д. А. Энтин, автор книги «Военная челюстно-лицевая хирургия», переслал ее в клинику челюстной хирургии Варшавского стоматологического института [6, д. 233, л. 207; д. 234, л. 221]. В 1947 г. из Польши поступили в ВОКС медицинские книги и журналы [6, д. 236, л. 73]. В том же году польский медик д-р Янковяк прислал в ВОКС свой учебник по физиотерапии и интересовался советской литературой, необходимой для переиздания учебника; ему направили несколько книг, вышедших в СССР после 1939 г. [6, д. 233, л. 133; д. 238, л. 21—26; д. 242, л. 212]. Учебник судебной медицины проф. В. Гживо-Домбровского (Варшавский ун-т) был переслан проф. Н. В. Попову и М. Н. Авдееву в Москве и Ф. М. Жмойловичу

в Одессе [6, д. 257, л. 164, 234; д. 258, л. 97]. Проф. М. Н. Авдеев, направляя в ответ письмо и книги польскому коллеге, высоко оценивал его труд, видя в нем не только учебник, но и солидное практическое руководство для экспертов по судебной медицине [6, д. 259, л. 11, 18]. В 1949 г. советский ученый Ф. П. Майоров направил свою книгу «История учения об условных рефлексах» (М., 1948) проф. Е. Коноорскому⁴ (Лодзинский ун-т) [6, д. 247, л. 131], а из Польши для редактора журнала «Советская медицина» А. Н. Шабанова были получены труды по гематологии проф. Ю. Александровича (Ягеллонский ун-т) [6, д. 257, л. 233].

Кроме перечисленного, в 1946—1949 гг. в Польшу отправлялась ВОКСом следующая медицинская научная и научно-популярная литература: Быков К. М. «Кора головного мозга и внутренние органы»; Коштоянц Х. С. «Очерки по истории физиологии в России»; отдельные номера «Вестника АМН»; «Труды физиологической лаборатории им. И. П. Павлова»; воспоминания И. И. Мечникова, а также несколько книг о нем и об И. М. Сеченове и др. В 1947—1949 гг. были отправлены в Польшу в связи с юбилеем великого русского физиолога И. П. Павлова отдельные тома полного собрания сочинений и другие его работы; первый том «Павловских сред»; альбом наглядных пособий «И. П. Павлов. Жизнь и творчество. 1849—1936» с текстом проф. Ю. П. Фролова о павловском учении; книги об ученом [6, д. 233, л. 190, 205, 208; д. 234, л. 3—5 об., 50, 56, 78, 84, 141, 189, 190, 212 и об.; д. 242, л. 85, 107, 131, 134, 137; д. 249, 128, 131; д. 257, л. 19—21, 61, 64, 71, 81 об.; д. 258, л. 2, 22, 24, 128—130, 177].

Польские ученые в области сельскохозяйственных наук многократно запрашивали в рассматриваемые годы советскую научную литературу, остро в ней нуждаясь. В 1946 г. в ВОКС было переслано (из в/о «Международная книга») письмо директора Института общей биологии Торуньского университета проф. Я. Вильчинского, в котором он рассказал о гибели во время войны своей личной научно-биологической библиотеки (свыше 1300 томов), содержавшей, в частности, полные комплекты «русских научных периодических журналов» (перечислено 8 названий), сочинения Ч. Дарвина под ред. К. А. Тимирязева, труды советских ученых А. Н. Северцова, И. И. Шмальгаузена, Ю. А. Филипченко и др. В письме содержалась просьба о помощи в восстановлении утраченного собрания с тем, чтобы передать впоследствии создающемуся университету им. Н. Коперника [6, д. 236, л. 83, 84 и об.]. Для Вильчинского были направлены книги по биологии (17 наименований) с обещанием «высылать в дальнейшем новые книги по этой специальности», а также с рекомендацией установить непосредственную связь с отдельными советскими биологами, а также НИИ [6, д. 234, л. 189, 194, 197]. В том же году для проф. Котера в Главную школу сельского хозяйства в Варшаве⁵ ВОКС направил книгу акад. Д. Н. Прянишникова «Азот и живые растения», а также несколько книг для проф. А. Я. Мусерович [6, д. 234, л. 90, 93, 95, 135, 139]. В 1947 г. Главная школа сельского хозяйства переслала в ВОКС четыре пакета с литературой, предназначенной для обмена, стремясь «установить постоянный контакт и обмен научными достижениями с соответствующими учебными заведениями Советского Союза» [6, д. 242, л. 11, 12], несколько своих работ прислал в ВОКС для советских зоологов и энтомологов профессор Школы сельского хозяйства М. Нунберг [6, д. 235, л. 27]; в том же году были получены издания Ботанического института Ягеллонского университета [6, д. 242, л. 17]. В 1948 г. по просьбе проф. Теклинского из Пулавского института ветеринарии, пожелавшего ознакомиться с опубликованными в СССР научными работами в области заболеваний и лечения домашних птиц и скота, ему были высланы книги по этой специальности [6, д. 258, л. 127, 137]. ВОКС удовлетворил запрос ректора Главной школы сельского хозяйства проф. Ш. Конопинского,

⁴ Этот ученый-нейрофизиолог в 1931—1933 гг. работал (по приглашению акад. И. П. Павлова) в Институте экспериментальной медицины в Ленинграде.

⁵ Этот вуз был одним из первых в Польше, учебной программой которого предусматривалось изучение состояния сельскохозяйственных наук в СССР [4, с. 183].

нуждавшегося в материалах (литературе, снимках, цифровых данных) по развитию животноводства в СССР в связи с подготовкой к переизданию его учебника «Животноводство» [6, д. 248, л. 185, 247]. В 1949 г. запрашиваемая литература была направлена ректору Университета им. М. Кюри-Склодовской проф. Ю. Парнасу, а одна из его работ о болезнях молодняка — акад. Е. Н. Скрыбину [6, д. 257, л. 26, 55, 65; д. 258, л. 165]; специальная литература (в том числе и учебная) по биологии неоднократно поступала из Польши в адрес проф. И. Е. Глущенко [6, д. 257, л. 7, 27, 186].

В 1946—1949 гг. в Польшу были направлены несколько выпусков «Трудов» Института генетики АН СССР, исследования по агротехнике различных сельскохозяйственных культур, почвоведению, научно-популярные работы акад. В. Л. Комарова о К. Линнее, Ж. Б. П. А. Ламарке, а также работы К. А. Тимирязева, И. В. Мичурина, В. Р. Вильямса, Т. Д. Лысенко и других⁶, книги о проблемах дарвинизма, о мичуринском учении, о характерных чертах русского естествознания, о научной деятельности известных русских ученых [6, д. 234, л. 3—5 об., 50, 56, 78, 212 об.; д. 247, л. 177, 226, 227, 229—239, 250—251; д. 248, л. 60; д. 249, л. 8; д. 257, л. 81 об., 144—146, 167, 216—217, 225, 247; д. 258, л. 4—7, 128, 170—171; д. 259, л. 3, 114—115; д. 262, л. 43—50].

Установление контактов между советскими и польскими вузами не обходилось без срывов в книгообмене: не раз в отчетах о командировках в Польшу советских специалистов говорилось о недостатках в обеспечении советской литературой польских ученых и вузов [11, д. 56, л. 48а, 50, 57, 59, 61, 65, 99, 122], причиной которых нередко были трудности той поры в СССР, в частности — транспортные. Положение дел в этом отношении значительно поправилось в 1949 г., когда в ОПСД было получено от ВОКСа свыше 7 тыс. книг и брошюр и из них «многие научные книги... переданы в пользование высшим учебным заведениям и другим научным организациям» [6, д. 262, л. 88]. Эту литературу ОПСД разослало в Гданьскую политехнику, Вроцлавский и Торуньский университеты, Исторический институт и на кафедру права советского строя Варшавского университета, Академию художеств и др. [6, д. 257, л. 34]. Учебные заведения Вроцлава, например, получили в дар от Советского Союза в 1949 г. литературу и периодику (в частности, библиотека Университета — 632 тома научных трудов, Политехники — около 200); во Вроцлавское научное общество поступило более 500 книг по разным областям знаний [9, 1949, № 49, s. 7].

В рассматриваемые годы наряду с книгообменом, преобладающим в контактах вузов и представителей вузовской науки, начала развиваться и такая форма связей, как командировки специалистов для участия в научных мероприятиях своих коллег, для чтения лекций, докладов.

Вопросы обмена научной литературой были в центре многочисленных бесед с советскими коллегами польского слависта, ректора Ягеллонского университета Т. Лер-Сплавинского во время его участия в праздновании 220-летия Академии наук СССР. В ходе этих бесед подчеркивалась также настоятельная необходимость постоянного обмена профессорами и студентами в славянских странах как важного фактора восполнения понесенных утрат и обеспечения дальнейшего развития славянских исследований [12]. В следующий свой приезд в СССР летом 1946 г. этот польский ученый выступил на Международной конференции славистов, организованной Ленинградским университетом, с докладом, который привлек внимание большой аудитории (400 человек) [4, s. 144, 145].

С научными докладами выступил в Варшаве и Кракове в 1946 г. зав. кафедрой генетики Сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева проф. Р. А. Жебрак (в начале 30-х годов он специализировался по

⁶ В 1946 г. в запросах из Польши о советской литературе в области биологической науки содержались просьбы прислать книги Н. И. Вавилова [6, д. 236, л. 77], научные труды которого и деятельность возглавляемого им Всесоюзного института растений были широко известны польским специалистам в 30-х годах. О последующей трагедии его жизни и научной судьбы вряд ли была осведомлена в первые послевоенные годы польская научная общественность.

генетике в США, в частности в лаборатории Т. Х. Моргана). В интервью Польскому агентству печати он отметил интерес польских коллег к достижениям науки в СССР, подчеркнул необходимость советско-польского научного сотрудничества и предложил расширить личные контакты, а также обмен научными публикациями. Он предлагал, чтобы ученые университетов Москвы, Ленинграда, Киева, Минска выступали в вузах Польши с докладами и лекциями о результатах своих исследований, а специалисты из Варшавы, Кракова, Лодзи, Познани и других научных центров знакомились с работой соответствующих учреждений Советского Союза. Он отмечал также важность студенческих обменов, что вызвало у польской молодежи живой отклик и желание учиться в советских вузах [4, s. 177—179].

Несколько позднее польские преподаватели и студенты-биологи получили возможность познакомиться с теориями лагеря Лысенко в советской науке, изложенными перед ними ярким приверженцем «народного академика» проф. И. Е. Глуценко. После «знаменитой» сессии ВАСХНИЛ 1948 г. лысенковцы активизировали свою международную деятельность. Так, только в Польше Глуценко побывал дважды в рассматриваемые годы: в конце 1948 г., участвуя в юбилейных мероприятиях Польской академии знаний, он выступил с докладом также в Высшей школе сельского хозяйства [11, д. 56, л. 120]. В 1949 г. Глуценко выступал в этом вузе 4 раза (всего же за время своей командировки он прочитал тогда свой доклад 16 раз) [13, s. 632].

Известны факты, свидетельствующие о том, что развитие такой эффективной формы сотрудничества представителей вузовской науки, как их личные контакты, устанавливающиеся в ходе научных командировок, осложнялись различными препятствиями. Так, по каким-то причинам не могли воспользоваться в 1946 г. приглашением на заседание Польского математического общества, посвященное памяти проф. С. Банаха, известные советские математики проф. П. С. Александров и А. Н. Колмогоров, а также акад. Н. Н. Лузин (основатель научной школы по теории функций, с 1928 г. иностранный член ПАЗ) [6, д. 237, л. 171].

Выражением желания познакомиться с советской системой высшего образования явился приезд в СССР в начале 1949 г. делегации деятелей польского просвещения, среди членов которой, наряду с сотрудниками Министерства просвещения, был представитель вузов — проректор Горной академии в Кракове [14, 1949, 26 III]. Делегация побывала в МВТУ им. Н. Э. Баумана, Московском технологическом институте пищевой промышленности, Московском горном институте, МГПИ им. В. И. Ленина [14, 1949, 9, 16 III; 15, 1949, 9, 16, 19 III]. «Учительская газета» в те дни отмечала, что «польские гости проявляют большой интерес к учебно-воспитательной и научно-исследовательской работе в высших и средних учебных заведениях столицы» [14, 1949, 16 III].

Преподаватели польской высшей школы в те годы вели активную работу по пропаганде идеи польско-советской дружбы широкой польской общественности: с советскими научными достижениями они знакомили не только студентов в рамках учебного процесса, но и слушателей публичных лекций, которые организовывало Общество польско-советской дружбы. Так, в 1946 г., участвуя в пропагандистской акции городского отделения ОПСД, прочла доклад о творчестве Шолохова профессор Лодзинского университета К. Яцкевичова [9, 1946, № 8—9, s. 21], в марте 1947 г. в Гданьске отделение ОПСД привлекло проф. С. Турского и Э. Грабского к прочтению лекций, посвященных советской науке [9, 1947, № 3, s. 29]. В 1949 г. на инициативу Комитета по празднованию в Польше 150-летия со дня рождения А. С. Пушкина о проведении особых пушкинских мероприятий в учебных заведениях откликнулись ректоры всех польских университетов; неоднократно выступали тогда с докладами проф. В. Якубовский (Ягеллонский ун-т), вузовский преподаватель Л. Гомолицкий [13, s. 587].

Во время Месячника польско-советской дружбы 1949 г. в Варшаве профессора Университета и Политехники выступили в период с 16 по

25 ноября с докладами о советской медицине (об успехах кардиологии, хирургии, психологии и об учении И. П. Павлова); во Вроцлавской политехнике проф. Р. Ингарден читал лекции о развитии советской теоретической физики, а в зале Ягеллонского университета за время Месячника состоялось 34 публичных лекции его профессоров и преподавателей [9, 1949, № 45, 46, 48, с. 15]. К сожалению, популяризировались в Польше не только действительные достижения отдельных отраслей советской науки, но и успехи сомнительного свойства, такие, которых добились сторонники теории Лысенко в советской биологической науке на сессии ВАСХНИЛ (август 1948 г.). Так, большие заслуги в пропаганде материалов этой сессии в Польше имел, по мнению журнала «Pszujażó», варшавский биолог В. Михайлов, который «приблизил польское общество к учению Мичурина-Лысенко» [9, 1949, № 28, с. 6].

Нередко вузовские преподаватели вели большую работу в ОПСД. Известно, что в 1946 г. проф. В. Якубовский руководил курсами русского языка, открывшимися при Краковском отделении ОПСД [9, 1946, № 9, с. 21]; в числе организаторов ОПСД в Познани был проф. Ю. Гурский, в 1947 г. возглавлявший его воеводское правление [9, 1947, № 3, с. 29]; принимал участие в работе III съезда ОПСД (ноябрь 1949 г.) проф. М. Якубец, в своем выступлении сказавший о том, что, «обращаясь к советским методам исследования в области гуманитарных наук, мы учимся патристической точке зрения на наше прошлое» [9, 1949, № 47, с. 15], он был одним из «энергичных организаторов» объединенного кружка ОПСД в Университете и Политехнике во Вроцлаве [9, 1949, № 48, с. 15]. О том, насколько были вовлечены в работу Общества польско-советской дружбы вузы Польши, их профессура, говорит избрание на III съезде ОПСД в его Главный совет ректоров университетов во Вроцлаве, Лодзи и Люблине, Политехники в Варшаве и Горной академии в Кракове, а также варшавских профессоров М. Михайловича и С. Пеньковского, краковских — Ф. Бернавского и К. Гжибовского, Т. Франковского из Познани и Т. Котарбиньского из Лодзи и др. [9, 1949, № 47, с. 17].

В рассматриваемые годы новый масштаб стал приобретать такой вид сотрудничества, как обучение польских студентов в СССР. В 1946 г. в советских вузах, преимущественно технических, учились 40 студентов и 4 аспиранта [5, с. 161—162]. В конце того года МИД Польской республики отмечал, что «в правительственных и научных сферах СССР» к вопросу подготовки студентов и аспирантов из Польши «относятся с полным пониманием» [5, с. 161]. На 1946/47 учебный год Советское правительство предоставило польским студентам, обучающимся в СССР, стипендии, в связи с чем министр просвещения Ч. Выцех выразил благодарность «за вклад в дело восстановления Польши, которая в тяжелое время своего существования ставит на первое место просвещение молодежи» [5, с. 155]; они обеспечивались путевками в санатории и дома отдыха (см., например, Постановление Секретариата ВЦСПС от 4 января 1947 г. о предоставлении студентам-иностранцам в СССР путевок на время зимних каникул [16, д. 459, л. 123]). В том же учебном году в вузах Министерства высшего образования СССР обучалось около 400 иностранных студентов, в том числе 20 — из Польши. Большая часть их были студентами ленинградских учебных заведений: университета и шести институтов — политехнического, химико-технологического, планового, педагогического, советской торговли и связи; остальные учились в Московском станкоинструментальном и Горьковском медицинском институтах и Казанском университете [16, д. 459, л. 125—127]. В 1948 г., придавая большое значение подготовке высокообразованных специалистов, правительства СССР и Польши подписали соглашение об обучении польских граждан в вузах Советского Союза, в соответствии с которым им было предоставлено 30 мест⁷ [5, с. 283—284]. Рассматривались вопросы о направлении 10—15 человек в советские текстильные вузы и 25—50 выпускников текстильных школ на курсы планирования и нормирования [6, д. 237, л. 88];

⁷ Данное соглашение действовало до 1 сентября 1952 г. [17].

Министерство высшего образования СССР считало необходимым и полезным, чтобы польские студенты проходили производственную практику на советских промышленных предприятиях [6, д. 242, л. 197, 209 и об.].

Осенью 1949 г. в польской печати появилось сообщение об отъезде в СССР группы студентов и научных сотрудников для обучения в советских вузах. Первокурсникам из Польши предстояло овладеть специальностями медиков, педагогов, биологов, экономистов, физиков и т. д., а польские аспиранты должны были подготовить диссертации для получения квалификаций экономистов, агротехников и т. д. Большая часть приехавших были выходцами из семей рабочих и малоземельных крестьян⁸. На время учебы в СССР студенты из Польши объединялись в студенческие кружки — автономные организации, члены которых ставили цель добиваться успешных результатов в учебе. В подобном кружке в Ленинграде осенью 1949 г. состояло 22 человека из университета, химикотехнологического и политехнического институтов и др. Кроме изучения обязательных дисциплин они активно участвовали в научной студенческой работе, учились в вечернем институте марксизма-ленинизма, присутствовали на профсоюзных, открытых комсомольских и партийных собраниях своих факультетов [9, 1949, № 41, с. 4].

В заключение следует отметить немалые трудности, которыми сопровождалась осуществлявшаяся в то время в Польше реорганизация высшей школы, особенно в той части, которая касалась содержания преподавания.

Политика партийного руководства польской наукой и высшей школой в те годы, ориентирующая их на расширение знаний о Советском Союзе, встречала определенное сопротивление в вузовской среде. Так, на состоявшемся в конце 1948 г. пленуме Главного совета по делам науки и высшего образования говорилось о том, что в отдельных польских вузах наблюдается пренебрежительное отношение к научным достижениям СССР и стран народной демократии, что часть вузовских специалистов подходит к советской науке с позиций псевдообъективизма, тщательно избегая всякой оценки [1, 1948, № 10—11, с. 3]. И на пленуме ЦК ПОРП (апрель 1949 г.) Г. Яблоньский, касаясь проблемы преподавания истории в вузах Польши, констатировал отсутствие проблематики истории стран Восточной Европы и Советского Союза [19].

Полагая, что изложенный выше материал не дает оснований для широких обобщений и выводов оценочного типа о советском влиянии, например, позитивном или негативном, на процессы, происходившие в высшей школе Польши тех лет, ограничимся констатацией, что основной формой контактов, существовавших между вузами СССР и Польши, был книгообмен; что он включал в себя научную и учебную литературу по фундаментальным и прикладным дисциплинам, а также методические и вузовские программы; что книгообмен выполнял (конечно, осложняясь многими обстоятельствами, экономического и идеологического свойства, того времени) свою функцию взаимоознакомления с развитием той или иной сферы науки.

Отмечая особенности книгообмена рассматриваемого периода, выразившиеся в том, что прежде всего польские инициативы в установлении и восстановлении обменных контактов в области вузовской науки, польские запросы о советской научной и учебной литературе тогда преобла-

⁸ Более конкретное представление об отправлявшихся на учебу в СССР дает рассказ аспиранта-экономиста В. Цыбуры, сына шахтера. Он закончил гимназию в год, когда началась война, был узником Освенцима и Бухенвальда, по возвращении в Польшу в 1946 г. стал студентом юридического факультета Ягеллонского университета, где особый интерес проявил к экономической науке, однако университетский курс завершался изучением классической политэкономии, т. е. он не получил достаточных знаний о марксистской экономике [9, 1949, № 41, с. 3]. К этому рассказу уместно добавить, что после совместного совещания представителей ППР и ППС, посвященного узловым проблемам партийной политики в области науки и высшего образования (лето 1948 г.), в вузах Польши повсеместно вводилось изучение марксизма, ставилась задача ускорения подготовки кадров марксистов по советскому образцу [18].

дали, следует подчеркнуть, по-видимому, немаловажное значение этой формы контактов и для советской стороны, особенно ввиду того, что в конце 30-х годов в силу ряда причин исторического характера наука в СССР (академическая, вузовская и проч.) все более оказывалась в состоянии самоизоляции. Имея в виду, что обмен информацией (в данном случае поступающей из книг) является основополагающим условием развития любой национальной науки как части мировой, следует со всей серьезностью оценить пусть и весьма скромные масштабы советско-польского научного книгообмена той поры.

Устанавливающийся в те годы книгообмен, наряду с немногочисленными примерами личных контактов специалистов обеих стран и принявшего организованности формы студенческого обмена, прокладывал путь для дальнейшего развития взаимных контактов в сфере высшего образования, которое, претерпев известные искажения начала 50-х годов и преодолев издержки этого в последующие годы, привело к разносторонности и масштабности советско-польского сотрудничества в рассматриваемой области в настоящее время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Наука в Польше.
2. *Mały słownik historii Polski*. Warszawa, 1964, s. 807.
3. День добрый, Польша! 1944—1964. М., 1964, с. 101.
4. *Piliszek J. W.* Radziecko-polska współpraca w dziedzinie nauki i oświaty. 1944—1950. Wrocław etc., 1977.
5. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. IX. М., 1976.
6. ЦГАОР СССР, ф. 5283, оп. 17.
7. Новое время, 1988, № 45, с. 40.
8. *Polityka*, 1988, 5 XI, № 45, s. 11.
9. *Przyjaźń*.
10. *Myśl Współczesna*. 1947, № 9—10, s. 275—299.
11. ЦГАОР СССР, ф. 5283, оп. 21.
12. *VOKS. Bulletin*, 1945, № 7/8, p. 14.
13. *Polsko-radzieckie stosunki kulturalne. 1944—1949. Dokumenty i materialy*. Warszawa, 1984.
14. Учительская газета.
15. *Wolność*.
16. ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 24.
17. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. X. М., 1980, с. 188.
18. *Fijałkowska B.* *Polityka i twórcy. 1948—1959*. Warszawa, 1985, s. 55.
19. *Nowe Drogi*, 1949, № 2, s. 114.

ПУЦКО В. Г.

ГЛАГОЛИЧЕСКИЙ ИЛЛЮМИРОВАННЫЙ КОДЕКС АССЕМАНИЕВА ЕВАНГЕЛИЯ

Древнейшие славянские книги написаны глаголицей. Эти важные памятники культуры и языка необычайно ценны и как источники по истории искусства. Их оформление обычно не отличается роскошью и не слепит глаза блеском золота и яркостью цвета. Но, между тем, ему присущи очарование, тонкое чувство гармонии и беспредельной фантазии иллюминатора. Простыми и незамысловатыми мотивами художник создает вариативность своих оригинальных орнаментальных композиций, даже при однотипности схем. Заставки и инициалы — не только элементы декора: со своими определенными графическими формами и функциональным значением они составляют неотъемлемую часть живого организма искусства книги. И если мы, в целях изучения их типологии, помещаем на одной таблице десятки инициалов с различных листов рукописи, то делаем это только для того, чтобы более наглядно представить богатство художественных форм.

Декор ранних рукописей помогает уяснению природы феномена славянского книжного искусства, а также его истоков. Именно с таких внешне скромных по своему художественному облику кодексов начинается история одного из наиболее важных проявлений духовной культуры славян. Вряд ли надо доказывать важность и необходимость монографического изучения ранних памятников книжного искусства. Одним из древнейших среди них является датированное концом X — началом XI в. Ассеманиево евангелие, хранящееся в Ватиканской библиотеке в Риме [1; 2]. Его происхождение принято связывать с Македонией [3, с. 33—35; 4, s. 126—127]. Согласно записи на л. 157 об. рукопись выполнена для монастыря в Деволе, на что обратил внимание уже Фр. Рачки [5]. Средневековый Девол находился в теперешнем Корчанском поле, южнее Охридского озера, и являлся центром литературной школы, основанной Климентом Охридским, с епископской кафедрой [6, с. 307—308; 7, ч. 1, с. 100—101, ч. 2, с. 75—90].

Художественный декор Ассеманиева евангелия не мог не обратить на себя внимание историков славянской культуры, чаще всего отмечавших наиболее яркие детали декоративного убранства. В. А. Мошин писал о сходстве глаголических рукописей с лангобардской орнаментикой, отмеченной чертами общности с памятниками греко-восточного происхождения, и предполагал, что эта орнаментация могла быть усвоена в паннонскую эпоху славянской книжности [8, s. 12—13]. М. Харисиадис указала на связь тематических инициалов с евангельскими текстами и увидела в них зародыш иллюминации, имеющей параллели в докаролингских рукописях. Моравское происхождение этого типа инициалов исследова-

Пуцко Василий Григорьевич—старший научный сотрудник Калужского областного художественного музея.

Рис. 1

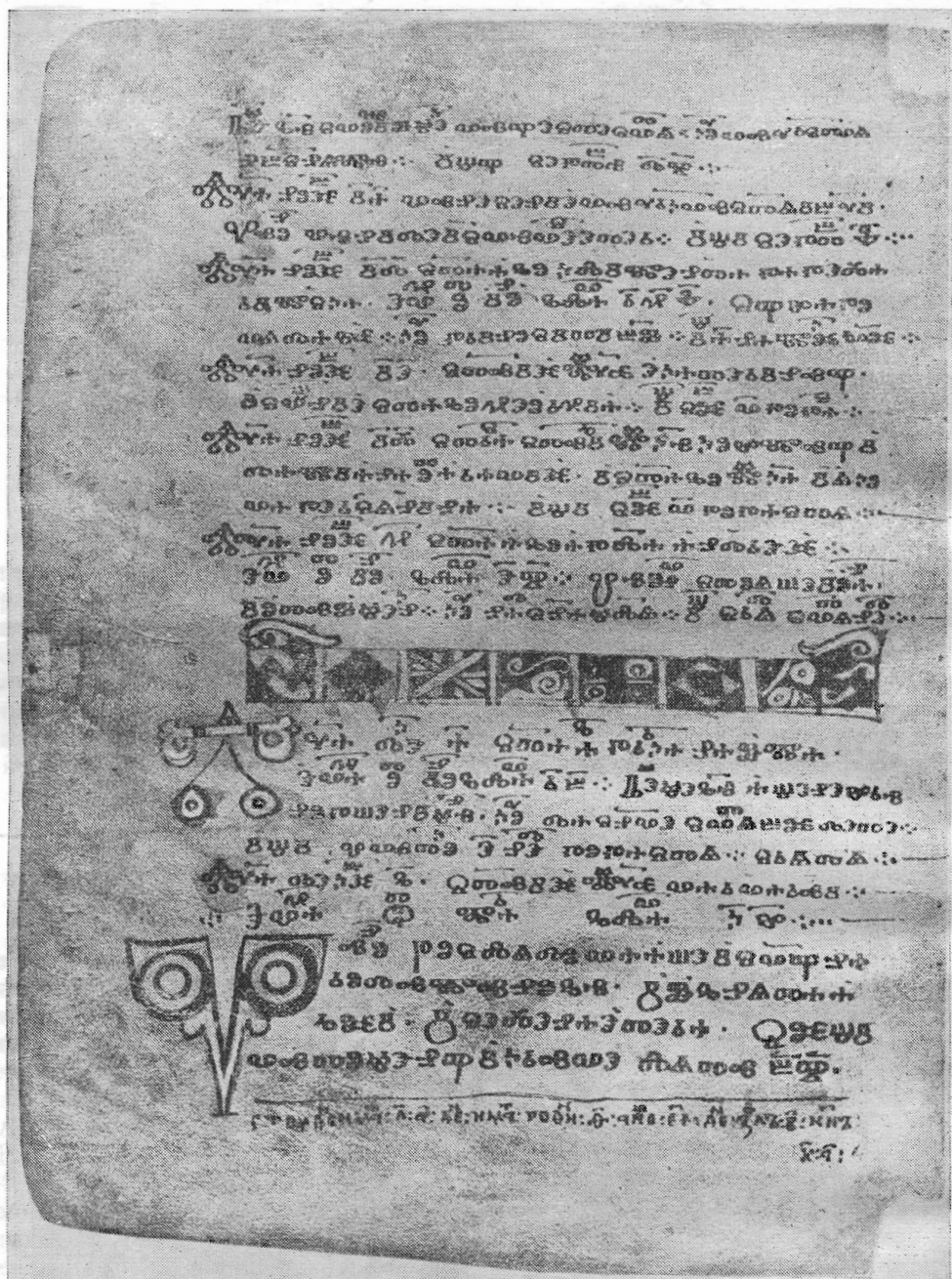

Рис. 2

тельница склонна видеть в характере лиц, указывающем на связь с искусством Запада, тогда как тип заставок византийский [9, с. 114]. Монографическую работу орнаментации Ассеманиева евангелия посвятили В. Иванова-Мавродинова и А. Джурова, подробно рассмотревшие различные элементы декора и их особенности [10, с. 11—65].

В конце первого тысячелетия, в эпоху, когда были заложены основы славянского книжного искусства, как в греко-восточных, так и в ранних латинских памятниках господствовал стиль родственной иллюминации [11, с. 560; 12, с. 215—217]. Характерные орнаментальные рамы заставок с их ремневидными плетениями (рис. 1) столь же распространены в греко-язычных кодексах, как и в ирландских, равно как и «инкрустационная»

манера, примеры которой тоже можно указать в иллюминации Ассеманиева евангелия (рис. 2). Судя по принципам художественного оформления, кодекс, о котором идет речь, входит в большую семью разноязычных рукописей обширнейшего средиземноморского региона. Македонское происхождение памятника многое объясняет в характере его орнаментального убранства. Даже на сегодняшней стадии изучения материала становится очевидным, что деятельность мастеров книжного искусства славянских скрипториев Македонии на рубеже X—XI вв. протекала в том же русле, что и греческих, не исключая работавших в монастырях Южной Италии [13, s. 51—61, fig. 62—88; 14, p. 68 сл.]. Таким образом, декор Ассеманиева евангелия способен сблизить его прежде всего с греко-восточными памятниками. Пока что это общее впечатление, нуждающееся в проверке. Мы пойдем от общего к частному.

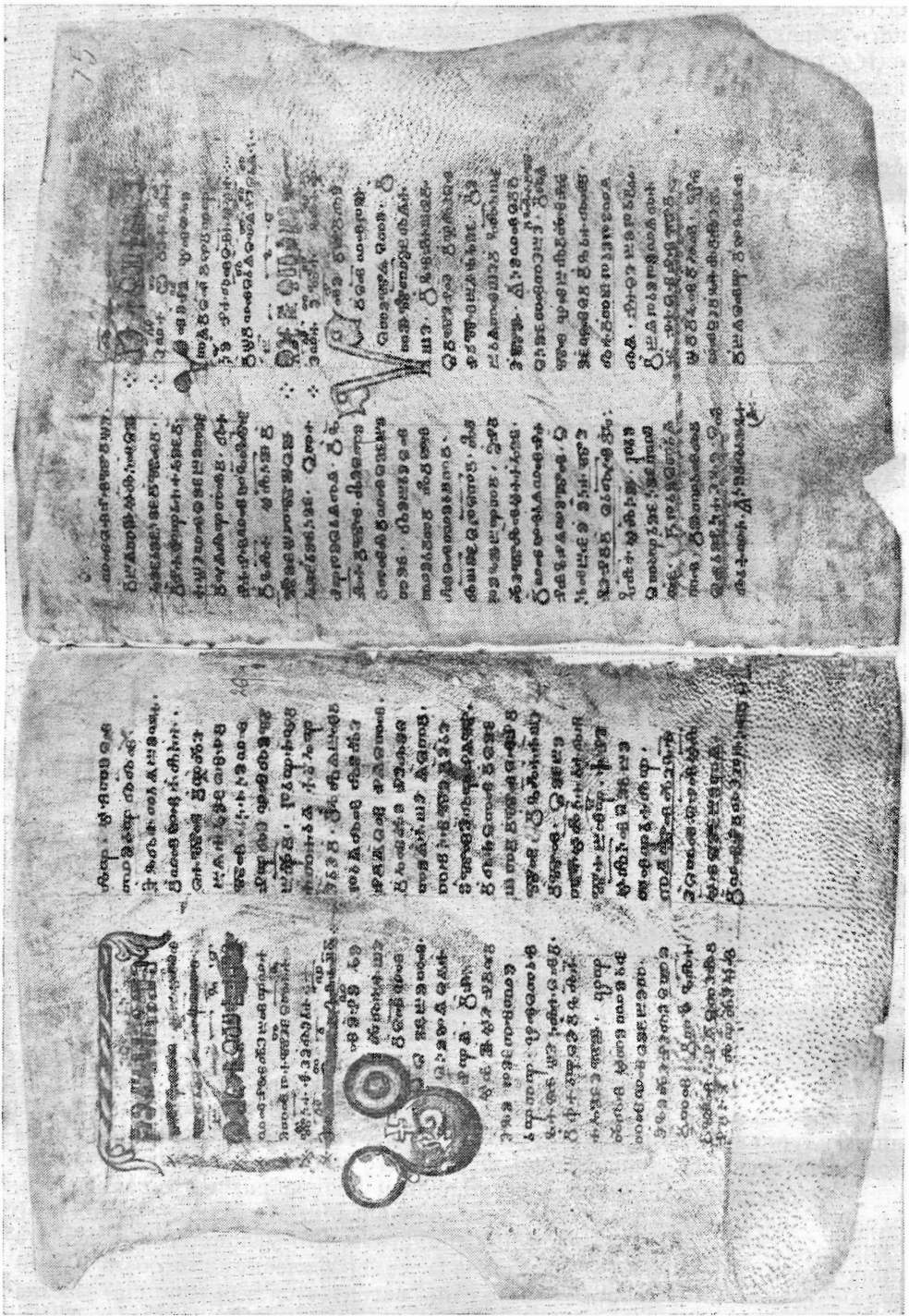
Ассеманиево евангелие — пергаменный кодекс размером 22,5 × 17,5 см, состоящий из 158-и листов. Большая часть рукописи с текстом в два столбца, что обычно для Евангелия-апракоса, а с л. 117 — в один, как в Четвероевангелиях (то же на развороте л. 41 об. — 42). Трудно сказать, какие именно причины обусловили это изменение в приемах распределения на листе текста евангельских чтений внутри календарного цикла (сентября). Расположение текста на странице, в обоих случаях (рис. 1—4) соответствует нормам оформления минускульных греческих рукописей, на облик которых ориентировано и художественное оформление. Инициалы наполовину выходят за пределы столбцов текста. Плотность в размещении заставок и инициалов, независимо от их размеров, свидетельствует о том, что все элементы художественного декора появились на листах одновременно с текстом, причем в каждом отдельном случае предварительно был выполнен инициал: на это указывает плотное прилегание к его контурам строк текста.

Исходя из этих наблюдений, можно говорить о выполнении заставок и инициалов либо переписывавшими текст каллиграфами, либо художником, работавшим в том же скриптории, что могло быть лишь в хорошо организованной книгописной мастерской. Из этого следовало бы сделать вывод относительно изготовления рукописи в одном из македонских монастырей, что вполне согласуется с данными записи, упоминающей монастырь в Деволе. Характер орнаментального декора как будто тоже говорит в пользу этого. Календарь содержит памяти святых не на все дни года, причем для некоторых месяцев необычайно мало, от четырех до десяти памятей [15, с. 94—95].

Кириллические записи на полях рукописи содержат имена писцов. В одном случае не называющий себя по имени каллиграф жалуется на неисправность списка. Три писца, оставившие свои имена, явно работали в одной монастырской книгописной мастерской, причем двое из них были священниками. На л. 46 об. вдоль просвета между столбцами волнистая строка записи: «о папась Иванъ Кравноноси писа евангеліе сие»; на л. 76 об., слева на полях — «азъ попь Станъ писахъ»; на л. 157 об., внизу на полях — «азъ попь Станъ пишѣ монастыроу въ Диволь рѣкѣмоу...».

В оформлении Ассеманиева евангелия можно явно различить две индивидуальные манеры: упрощенную, с угловатыми формами инициалов и заставками относительно несложного рисунка, и иную, выделяющуюся искусной плетенкой и бесконечным разнообразием типологически схожих инициалов, большей частью повторяющих в различных вариантах букву «В». Конечно, следовало бы допустить, что угловатость в начертаниях глаголического «Р» обусловлена ее графическими особенностями, тем более, что на некоторых листах она встречается в сочетании с заставками, которые следовало бы отнести к примерам второй манеры (л. 33 об., 73 об. — 74, 92; рис. 3, 5, 6). Более отчетливо обе манеры прослеживаются в «портретных» инициалах (рис. 7). Можно указать и «промежуточные» формы, которым трудно дать логическое объяснение: они могут принадлежать и особому рисовальщику, и оказаться следствием воздействия образца, использованного при выполнении иллюминации.

В оформлении рукописи преобладают ленточные заставки различного

... ..
... ..
... ..
... ..
... ..
... ..
... ..
... ..
... ..
... ..

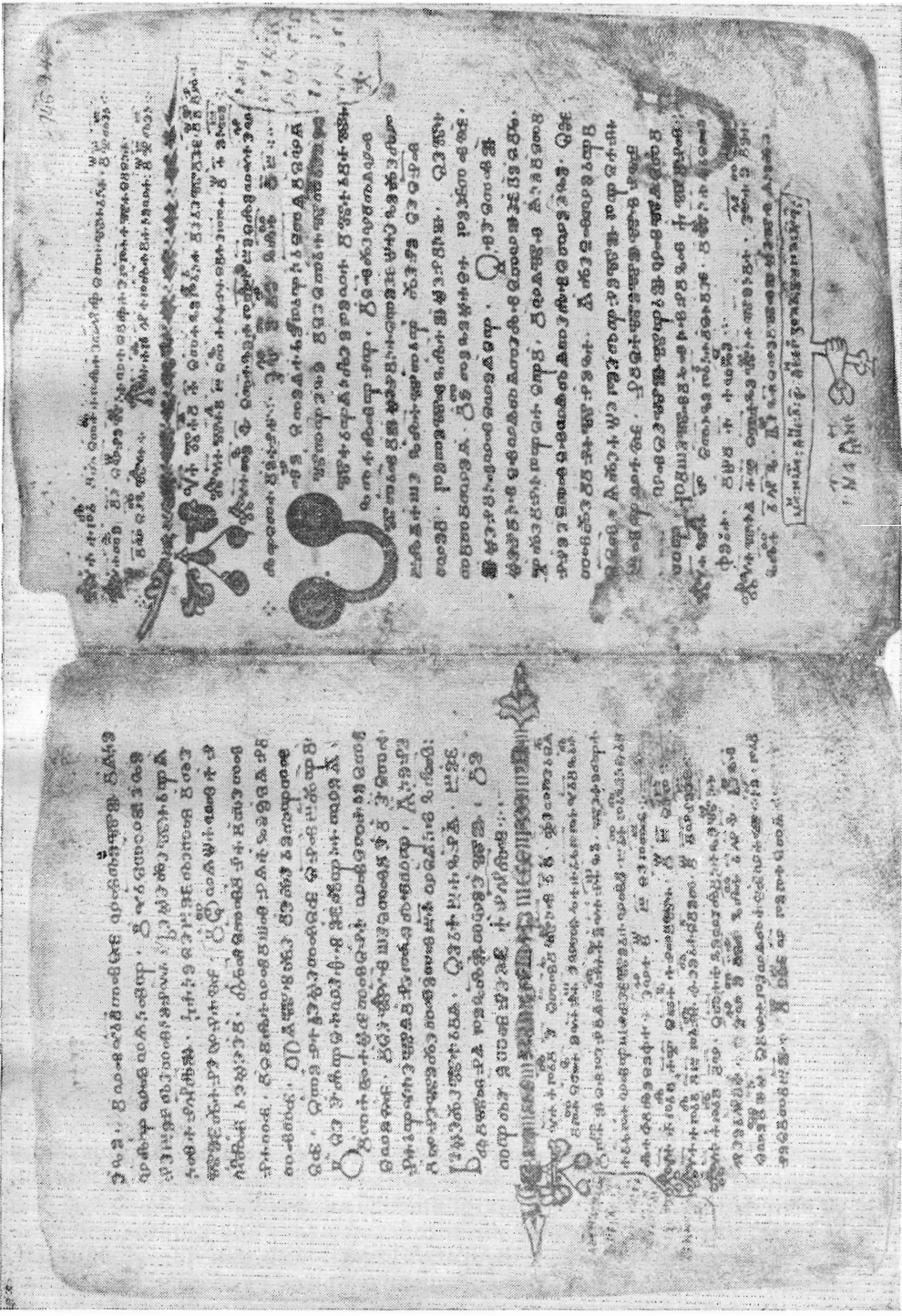

... ..
... ..
... ..
... ..
... ..
... ..
... ..
... ..
... ..
... ..

... ..
... ..
... ..
... ..
... ..
... ..
... ..
... ..
... ..
... ..

... ..
... ..
... ..
... ..
... ..
... ..
... ..
... ..
... ..
... ..

Рис. 3

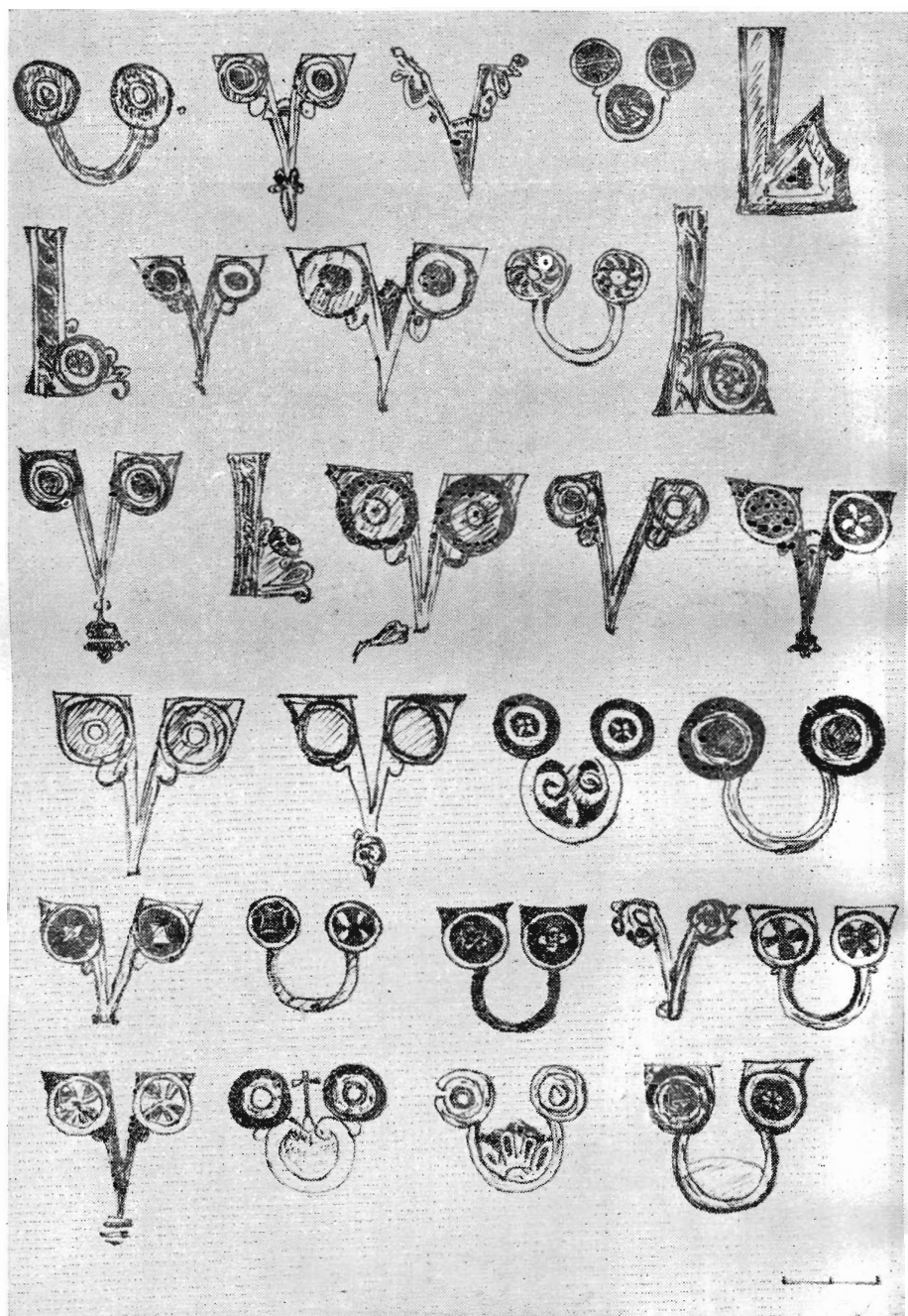

Рис. 5

типа (рис. 2, 3), но встречаются также прямоугольные, образованные ремневидными плетениями (рис. 1), а заглавный лист украшен заставкой п-образной формы, из сплетенных ремней. Тип п-образной заставки был широко распространен в декоре византийской книги, но с иным орнаментальным заполнением полосы [16, Taf. VII; 13, Abb. 29, 43, 44, 89—92]. В греческих рукописях находит аналогии и прием размещения заглавия на первом листе, с указанием на содержание «Евангелия избранного». Однако начальные строки евангельского чтения Пасхи здесь помещены не внизу, а на оборотной стороне листа. Если не видеть в этом элемент случайности, то такой прием надо расценить как некоторое удаление от строгих норм оформления листа византийской книги, и прежде всего

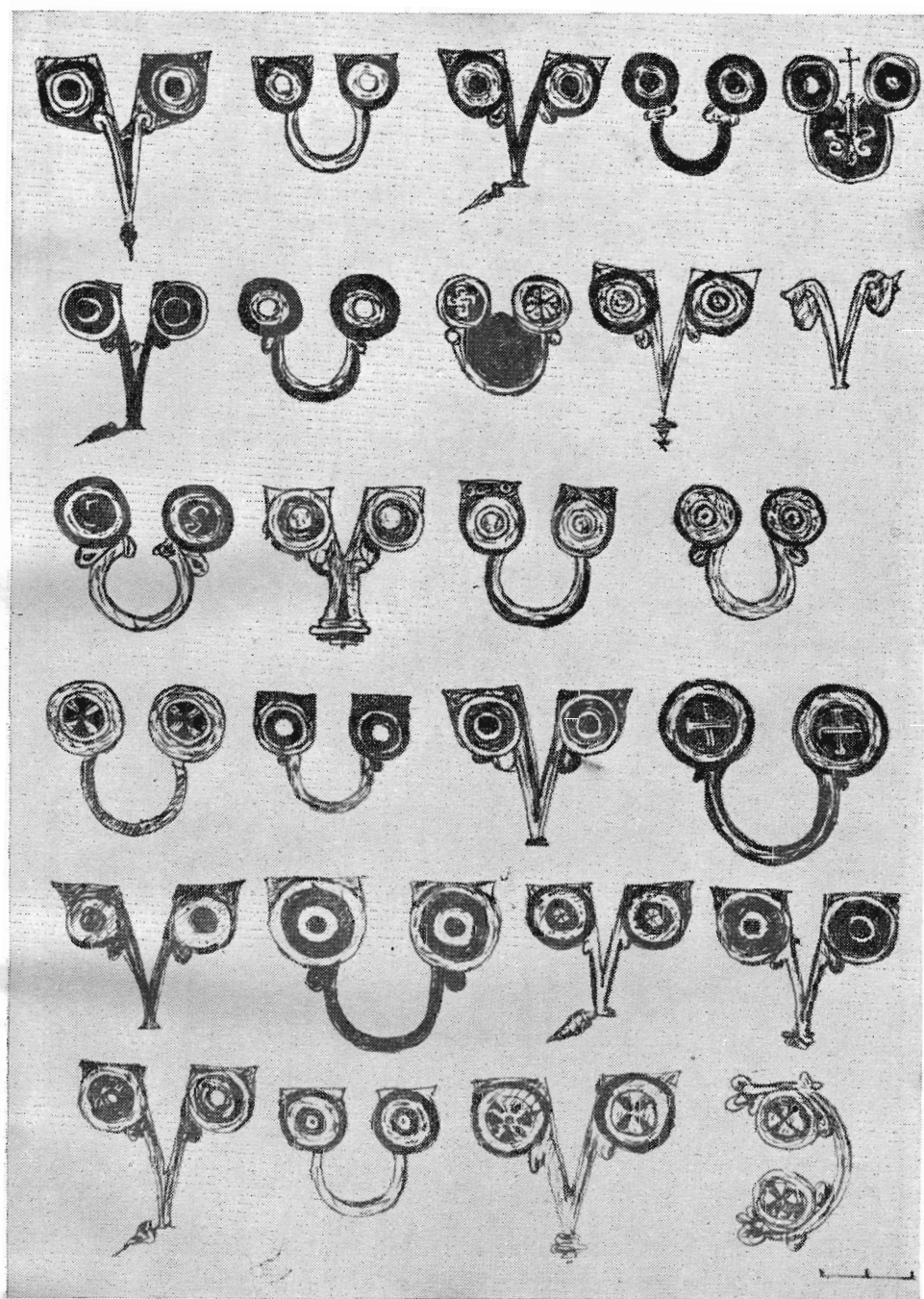

Рис. 6.

классических памятников столичного книжного искусства. Обширная и крайне разнообразная греко-восточная книжность не укладывается в жесткие рамки унифицированной типологической схемы, и это роднит ее с иллюминацией глаголических рукописей. В последних особо надо выделить тяготение к зооморфным мотивам орнаментики и, в частности, отметить мотив стилизованного изображения птичьей головы с веточкой в клюве, определяющий тип целого ряда инициалов Ассеманиева евангелия. Кроме того, в заставке на л. 157 об. (рис. 1) вполне различимы на углах распластанные фигурки птиц со сплетенными лапками. Еще в более наглядной форме этот мотив распознается в заставке на заглавном листе [8, sl. 1]. Мотив птичьих крыльев смутно угадывается и в малой заставке

Рис. 7.

с плотным переплетением ремней на л. 112 об. (рис. 1), а также на л. 153 об.

Другие заставки Ассеманиева евангелия отличаются более простой структурой. Это либо лента плетенки с закругленными (л. 74; рис. 8) или заостренными углами (л. 92, 153 об.), либо одна из разновидностей растительного стебля (л. 151, 121 об.; рис. 4), а также простой перевив веревочки или ленты (л. 74 об., 141 об., 143 об.; рис. 9). Особо следует сказать о двух скромных заставках, помещенных на одном книжном развороте (л. 145 об. — 146; рис. 4). Одна из них может быть охарактеризована как стилизованный растительный стебель с процветшими концами, другая — как подвергнутое стилизации изображение змеи. Несколько особняком стоит заставка почти правильной прямоугольной формы на л. 33 об. с мотивом четырех сплетенных колец (рис. 10). Если говорить об «инкрустационной» манере в иллюминации кодекса, то среди ее лучших образцов наряду с инициалами и большими заставками (рис. 1) надо указать на восьмичастную ленточную заставку на л. 128 об. (рис. 2), ни один орнаментальный мотив которой не повторяется полностью (по-

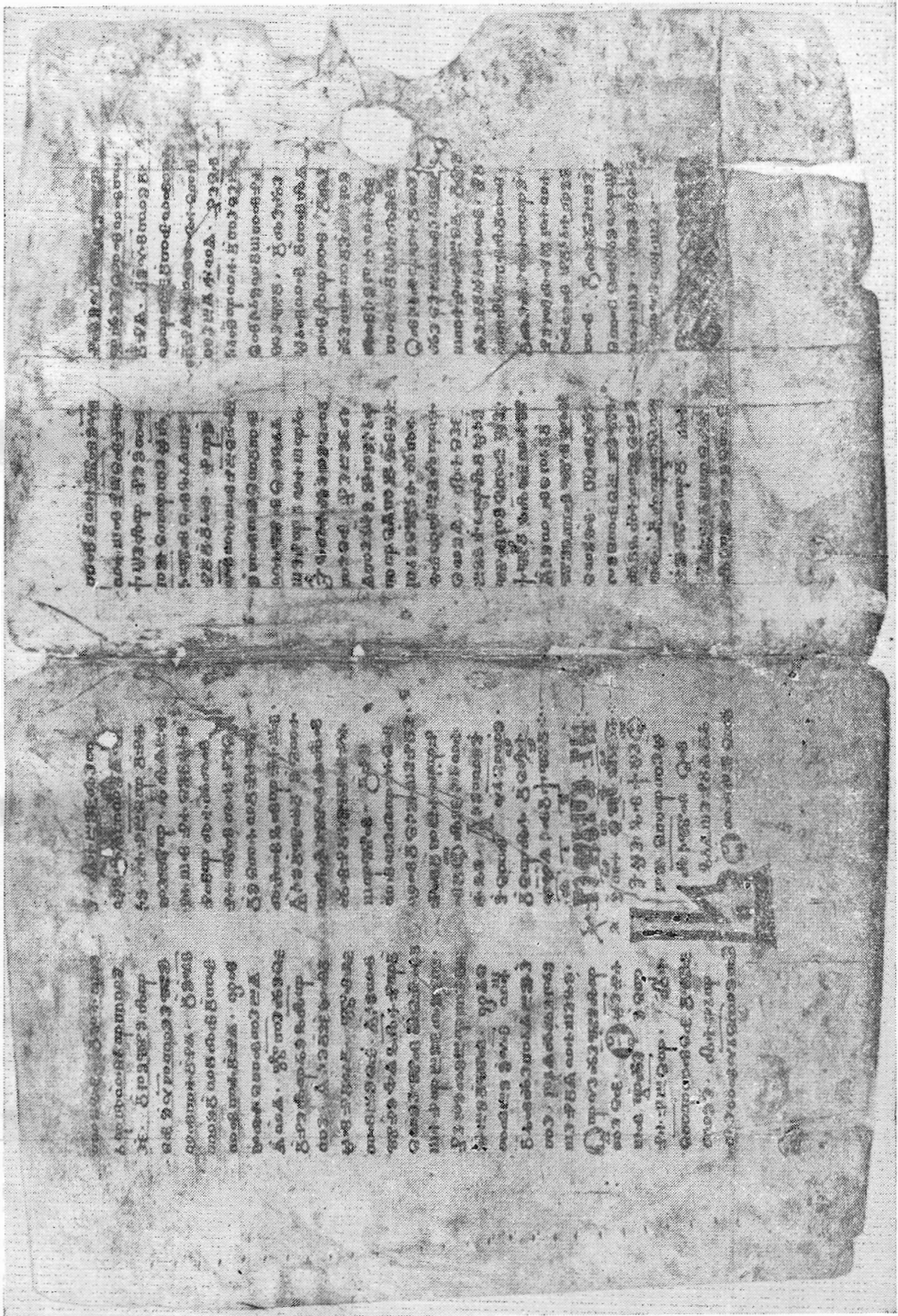
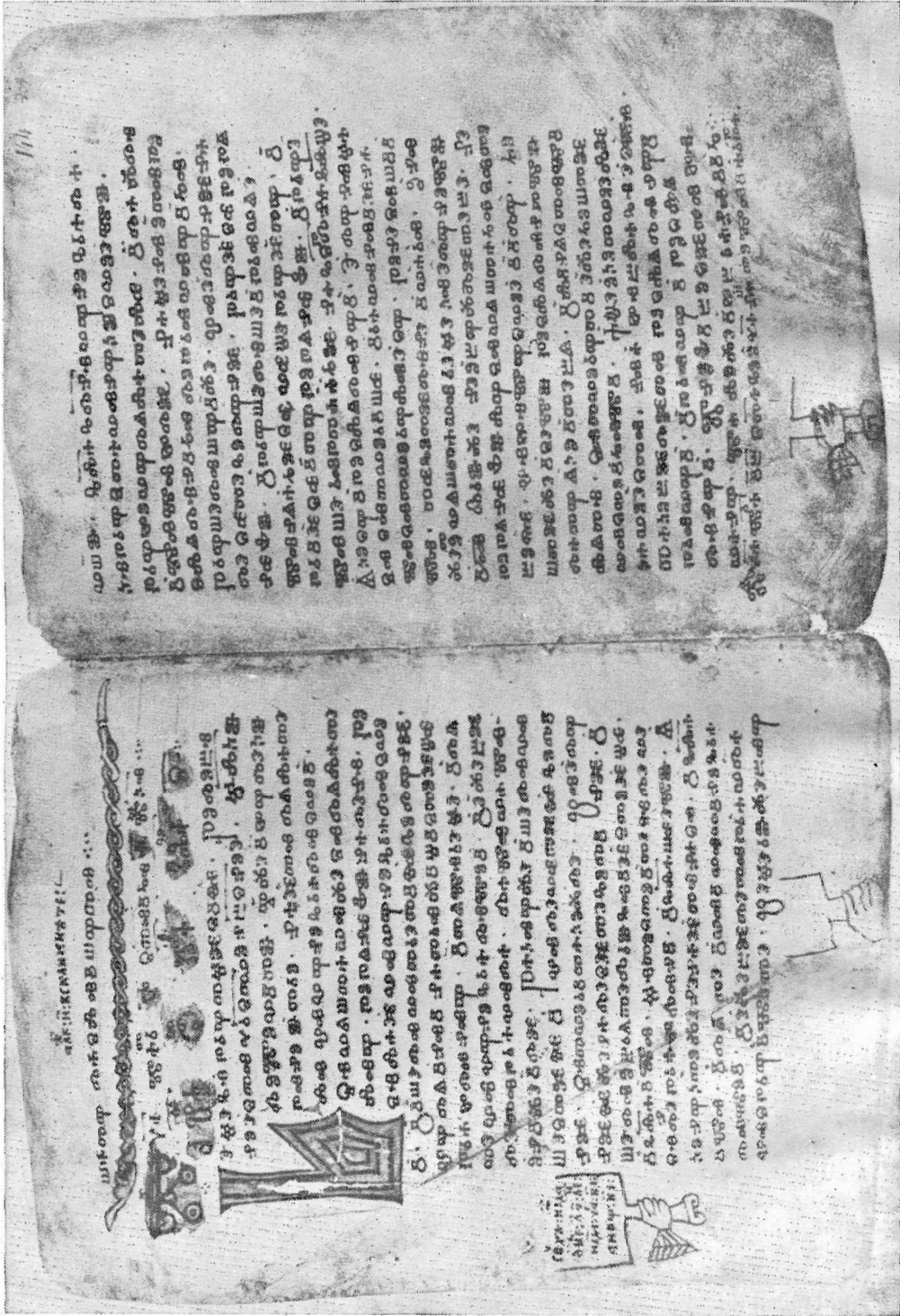

Рис. 8

Handwritten text in an ancient script, likely from a medieval manuscript. The text is arranged in several lines across the page. At the bottom right, there is a small illustration of a hand holding a pen, possibly a scribe's mark or a decorative element. The paper shows signs of age, including staining and discoloration.

Handwritten text in an ancient script, continuing from the previous page. A large, ornate initial letter 'A' is prominent in the middle of the page. The text is arranged in several lines. At the bottom right, there is a small illustration of a hand holding a pen, similar to the one on the top page. The paper is heavily stained and discolored.

Рис. 9

добными оказываются только «петли» крайних делений, что объяснимо принципом композиционной симметрии).

Нельзя не заметить, что расположение, размеры и характер каждой заставки Ассеманиева евангелия находятся в прямой зависимости от ее функционального значения. Именно благодаря этому элементу книжного декора можно безошибочно обнаружить начало каждого из основных циклов евангельских чтений церковного календарного круга. Малые заставки обычно отмечают евангельские чтения определенных праздников и памяти святых, выделяющихся в богослужебной практике (например, л. 141 об.— Сретение Господне; л. 143 об.— сорок мучеников Севастийских; л. 145 об.— св. Иоанна Богослова; л. 151 — мучеников Макавеев). Весьма показательно, что к их числу принадлежит и обозначенная под 2 декабря память св. Спиридона епископа и Даниила Столпника, а евангельское чтение этого дня выделено довольно нарядной заставкой (л. 128 об.; рис. 2). Не исключено, что одному из этих святых был посвящен храм, для которого изготовлен кодекс. Таким образом, заставки имеют в рукописи не только художественное, но и смысловое значение, обусловившее их необходимость и соразмерность.

Инициалы составляют не менее важный и существенный элемент декора, использованный в Ассеманиевом евангелии для выделения каждого из евангельских чтений. Поэтому стереотипность графических форм могла бы внести некоторую безличность. Художник и каллиграфы, трудившиеся над выполнением инициалов, благодаря тому, что пошли по пути разнообразнейшего комбинирования сравнительно небольшого круга геометрических и стилизованных растительных мотивов, варьируя размеры букв и соотношения их элементов, достигают поразительных результатов. По какому принципу можно классифицировать эти инициалы, в большинстве случаев воспроизводящие одну и ту же глаголическую букву «В»? Думается, необходимо прежде всего разграничить два типа инициалов: с округлой петлей или дугой и с нижней частью в виде расколотого ствола или рогатки. При визуальном восприятии инициалов второй разновидности, с непременно «кольцами» в верхней части, возникает иллюзия стилизованного изображения птичьей головы, чему способствует пальметтка в «клюве» с прямым горизонтальным завершением буквы, позволяющим рассматривать круги (концентрические и заполненные крестами или розетками) как «глаза». Это иллюзионистическое сходство с головой птицы в ряде случаев довершают небольшие выступы в местах соединения рогатки с кругами. Однако не все подобные инициалы типологически вполне укладываются в такую схему, а некоторые, напротив, даже от нее достаточно удалены. Инициалы первого типа в одних случаях имеют свободно свисающую петлю, в других она заполнена пальметтой либо локальным цветовым пятном. Такими в общих чертах можно представить два основных типа инициалов Ассеманиева евангелия (рис. 5, 6). Классификация мотивов орнаментального заполнения кругов должна послужить предметом отдельного разыскания, осуществленного с учетом типологии художественного оформления других ранних славянских рукописей.

Особую группу инициалов Ассеманиева евангелия, как уже было отмечено, составляют тематические или «портретные». Они отчасти соответствуют тем двум основным типам, согласно которым группируются все остальные инициалы «В». Всего в кодексе тринадцать «портретных» инициалов [10, с. 57—61]. Одни из них дают представление лишь об определенных образах Христа, другие представляют Христа с одним из евангельских лиц: праведным Лазарем (л. 79 об.), Никодимом (л. 31 об.), исцеленным слепцом (л. 24), самарянкой (л. 18 об.), слугой сотника (л. 37 об.). В композиции инициалов помещены также погрудные изображения юного Иоанна Предтечи (л. 147 об.), апостолов Петра и Павла (л. 149 об.), бесребренников Козмы и Дамиана (л. 125 об.). Не совсем понятным кажется на первый взгляд погрудное изображение в инициале евангельского чтения Недели о блудном сыне (л. 69 об.), истолковываемое В. Ивановой-Мавродиновой и А. Джуровой как образ Христа [10, с. 59].

Тематический состав «портретных» инициалов, как можно видеть, не отличается большим разнообразием. В сущности, он объединяет как бы три маленьких цикла, по отношению к которым отдельные инициалы занимают все же особое положение.

Первый «портретный» инициал, помещенный в верхней части левого столбца на л. 7 («С»), предшествует чтению Недели Антипасхи, повествующему о явлении Христа ученикам и об уверении Фомы (Ио: XX, 19—31). Вписанное в круглый медальон погрудное изображение Христа с крестчатым нимбом типологически близкое Нерукотворному Образу (Мандилиону) [17; 18, с. 163—184]. Совершенно очевидно, что оно мыслится как отражающее явление христового лика в самом широком понимании этого слова (рис. 7). Именно поэтому был здесь воспроизведен образ, восходящий к древней иконографической традиции и пользовавшийся большой популярностью на христианском Востоке. Круглый медальон с изображением Христа, являющийся своеобразной модификацией *imagines clipeatae* [19, p. 209—213], как известно по тексту принадлежащего Павлу Силенциарию описания алтарной преграды Св. Софии Константинопольской, находился на архитраве вместе с другими иконами в форме диска, на которых были представлены ангелы, Мария, пророки и апостолы. В послееконоборческий период диски с погрудными изображениями Христа как символ победившего иконопочитания можно видеть в храмовых росписях и в иллюстрациях византийских книг. В последних отражение чтимых образов можно рассматривать как достаточно широко распространенное явление [20, p. 21—29]. Поэтому и изображение в инициале Ассеманиева евангелия правомерно рассматривать как реплику реальной иконы.

Инициал «В» в нижней части правого столбца на л. 18 об. (рис. 7) выделяет начало чтения Недели о самаряныне (Ио: IV, 5—42). В верхние петли включены два круглых медальона с погрудными изображениями Христа и самарянки; сопроводительные надписи кириллические. Изображения выполнены контурной линией и, подобно другим инициалам рукописи, подвечены. Голова Христа, окруженная крестчатым нимбом, несколько запрокинута, голова самарянки — наклонена, благодаря чему акцентировано действие (учащий Христос и внимающая ему самарянка). Это позволяет рассматривать инициал в качестве иллюстрации евангельского чтения, для выполнения которой рисовальщик воспользовался готовыми иконографическими формулами, античными по своему происхождению. На это, в частности, указывает сходство дисков инициала с круглыми медальонами в верхней части энкаустической иконы апостола Петра, VI в., в монастыре св. Екатерины на Синае [21, s. 23—26, табл. 8—10, 48—51]. Легкий поворот головы, прослеживаемый в раннехристианских памятниках, не исчезает в византийском искусстве и в послееконоборческий период, когда получает преобладание строго фронтальная постановка фигуры.

Медальон, являющийся принадлежностью инициала «Р» в нижней части правого столбца текста на л. 20 об. (рис. 7), в евангельском чтении на понедельник четвертой Недели по Пасхе (Ио: VIII, 42—51) изображает Христа. В тексте, как известно, изложено свидетельство Христа о себе и выяснение причин неприятия его учения иудеями. Сопоставляя этот образ Христа с двумя предыдущими, можно легко заметить необычность облика, хотя крестчатый нимб не оставляет никаких сомнений в том, что это именно Христос. Волосы не разделены на прямой пробор, а начесаны на лоб, что вместе с простриженной тонзурой на макушке, а также ораторским жестом, отличает иконографический образ Христа-иерея [22, с. 19—23], древнейшим примером которого может служить резной сапфир X в. в оглавию панании повгородского архиепископа Пимена [23, с. 115—119, рис. 1—3]. Изображения Христа-иерея немногочисленны и хронологически не выходят за пределы X—XIII вв. О непосредственной связи этого инициала с текстом соответствующего евангельского чтения говорит уже сам факт включения образа в рядовое чтение, непосредственно следующее за недельным (воскресным), иллюст-

рированными изображениями Христа и самарянки. Отсюда становится очевидным, что иллюминатор не всегда стремился к равномерному распределению сюжетных инициалов в Евангелии-апракосе, но помещал их там, где они наиболее соответствовали содержанию текста.

Инициалы на л. 24 и 31 об. (рис. 7) позволяют сделать наблюдение, что иллюстрированными в первую очередь оказались литургийные евангельские чтения недель пасхального цикла церковного календаря. Но поскольку далеко не все чтения украшены «портретными» инициалами, невозможно говорить о цельном тематическом цикле. В евангельском чтении на пятую Неделю по Пасхе, на л. 24, идет речь об исцелении слепорожденного (Ио: IX, 1—38). Согласно содержанию текста, в петли инициала «В» мастер вписал два диска с бюстами Христа и исцеленного им слепца (рис. 7). Иконографический образ Христа обычный: слепой представлен в облике безбородого мужчины с густой шапкой волос, с широкими бровями и глазами, трактованными в виде узких щелочек, указывающих на слепоту. Художник не отрывается от обычных схем, но каждый раз их видоизменяет. Достаточно близким рассмотренной буквице является инициал на л. 31 об., в начале чтения на праздник Пятидесятницы (Ио: VII, 37—52; VIII, 12). Исходя из текста, можно утверждать, что в дисках, вписанных в петли «В», представлены Христос и пришедший к нему Никодим. Этот сюжет относится к числу редко встречающихся в произведениях искусства. В иллюстрациях византийских кодексов Евангелия он связан с совершенно иным текстом (Ио: III, 1—21) [24, с. 210]. Изображение Христа опознается без затруднений, тогда как лицо бородатого мужчины удается персонифицировать исключительно благодаря содержанию соответствующего евангельского чтения. Не имеет сопроводительной надписи и инициал «В» на л. 37 об. чтения четвертой Недели по Пятидесятнице (Мф.: VIII, 5—13). В диске слева лицо бородатого мужчины, в правом — худого коротко остриженного юноши, т. е. сотника и его слуги (рис. 7). Таким образом, три последних инициала в тематическом отношении непосредственно связаны с содержанием евангельских чтений. Исцеление слуги сотника относится к числу наиболее редко иллюстрируемых тем.

Инициал «Р» в начале евангельского чтения в Неделю о блудном сыне (Лк.: XV, 11—32) с погрудным изображением бородатого мужчины с ярко выраженными восточными чертами лица и с коротко подстриженными волосами. Поскольку голова окружена нимбом, в этом изображении на л. 69 об. невозможно предположить ни блудного сына, ни, тем более, его отца. Нет оснований также рассматривать его как образ Христа. Единственно приемлемым нам представляется предположение, согласно которому здесь изображен евангелист Лука, как автор («писатель») текста; семитские этнические черты и иконографический тип не исключают правомерность такого отождествления. В таком случае, это единственный пример авторского портрета, мыслимого, конечно, в качестве идеального.

Инициал «В» евангельского чтения Лазаревой субботы (Ио: XI, 1—45) непосредственно связан с содержанием текста, повествующего о воскрешении Лазаря, диск с головой которого вписан в правую петлю буквы, соответственно изображению Христа в левой (л. 79 об.). Лазарь представлен в виде худого коротко остриженного юноши с большими выразительными глазами. Изображения снабжены кириллическими сопроводительными надписями.

Вверху правого столбца на л. 81 об., в начале чтения Недели Цветной (Ио: XII, 1—18), помещен довольно крупный инициал «П» с подвешенным к его горизонтальной части диском с главным изображением Христа, голова которого окружена нимбом с обычным крестчатым делением (рис. 7). Хотя этот образ Христа принадлежит к самым распространенным в христианской иконографии, нельзя здесь не отметить одну деталь: крест на лбу, возможно, служащий указанием на приближающуюся смерть либо являющийся видимым знаком помазанника — Мессии. Другие изображения Христа в инициалах Ассеманиева евангелия этого знака не имеют

Только лишь четыре инициала из состава «портретных» связаны с чтениями неподвижного календарного цикла. На л. 125 об. в верхней части листа помещен инициал «В», открывающий евангельское чтение на 1 ноября — на память «безмездникоу» Козмы и Дамиана (Мф.: X, 1—8). Головы святых врачей, типологически не отличающиеся одна от другой, заполняют диски, окаймленные круглыми петлями инициала (рис. 7). Иконографический тип бородатых Козмы и Дамиана обычен для восточно-христианской традиции, тогда как на латинском Западе встречаются их изображения и в облике юношей (базилика в Паренцо, Санта Мария Антика в Риме) [25]. Кириллические сопроводительные надписи расположены над инициалом.

На л. 133 об. в нижней части листа находится инициал «И» евангельского чтения на Рождество Христово (Мф.: II, 1—12) с диском, украшенным погрудным изображением Христа-Эммануила, без крестчатого нимба, с кириллическими монограммами, как известно, ничем не отличающимися от греческих (рис. 7). Это образ, восходящий к раннехристианскому идеальному образу Христа, основанному на осмыслении ветхозаветных текстов, указывающих на грядущее воплощение Логоса. Следовательно, указанное изображение непосредственно связано с темой Воплощения и имеет непосредственное отношение к смыслу праздника Рождества Христова.

Инициал «П» на л. 147 об., в начале евангельского чтения на Рождество Иоанна Предтечи (Лк.: 1, 1—25, 57—80), с подвешенным к горизонтальной части буквы диском с погрудным изображением юного Иоанна Предтечи; его имя обозначено кириллицей слева. Иконографический тип Иоанна Предтечи в образе юноши известен главным образом по немногим примерам в искусстве раннехристианского периода (фрески катакомб, саркофаг Мабильона), тогда как общепринятым является представление пророка с бородой.

В нижней части л. 149 об. расположен инициал «В» в виде подковообразной линии, соединяющей два диска с изображенными на них головами апостолов Петра и Павла. Лицо Петра представлено анфас, голова Павла изображена в легком повороте вправо (рис. 7). Инициал помещен в начале евангельского чтения на день памяти апостолов (Мф.: XVI, 13—19). Характерные иконографические типы Петра и Павла делают их изображения легко опознаваемыми даже при отсутствии сопроводительных надписей.

Инициалы Ассеманиева евангелия, и прежде всего «портретные», исключительно интересны в том отношении, что вводят истоки славянского книжного искусства в круг явлений, определяющих развитие восточнохристианской художественной культуры конца первого тысячелетия. Описанные изображения генетически восходят к портретной типологии, созданной далекими предшественниками иллюминаторов славянских кодексов, находившимися под сильным воздействием эллинистической традиции. Именно поэтому можно «портреты» в композиции инициалов Ассеманиева евангелия сопоставить с рельефами из слоновой кости второй половины IV в., украшающими стенки ларца в Музео Чивико в Брешии [26, S. 61, Taf. 85—87]. Достаточно сказать, что сама форма *imago clipeata*, первоначально связанная с императорской иконографией, становится общепринятой при изображении Христа и святых. Этот мотив можно отметить в мозаиках Равенны и Панагии Канакарии на Кипре, в храме монастыря св. Екатерины на Синае и в базилике в Паренцо, в капелле Сан Зено церкви св. Пракседы в Риме [27, fig. 109—112, 153, 177]. Последний памятник, датируемый первой четвертью IX в., по времени является наиболее близким к Ассеманиеву евангелию наравне с парижской рукописью Избранных мест и параллелей из отцов церкви, на полях которой можно найти немало подобных же образов [28]. Наиболее существенные аналогии дает прежде всего искусство христианского Востока. В его богатом наследии можно в первую очередь выделить в данном случае фрески монастыря Иеремии в Саккаре, капеллы VI монастыря Аполлона в Бауите [29, Taf. XVII, 1, XXV, 1], Большого храма в Та-

лине в Армении [30, табл. 41, 45]. Отражение этих же древних реалий находим в книжном искусстве, особенно в иллюминации с ярко выраженной приверженностью к традиционным художественным формам. Такова, в частности, лицевая рукопись IX в. Гомилий Григория Назианзина в миланской Амброзиане, где медальоны с погрудными изображениями апостолов расположены вдоль полей страници [31, tav. XIX, XXI]. В эпоху, к которой относится Ассеманиево евангелие, аналогичные «портретные» изображения встречаем как в Византии, так и в продукции латиноязычных западных скрипториев.

Большая часть изображений, включенных в композиции инициалов Ассеманиева евангелия, образуют достаточно оригинальные схемы, мало чем отличающиеся от канонических и обусловленные характером глаголического алфавита. Довольно простые орнаментальные элементы инициалов нельзя рассматривать в качестве придатка к изображениям, однако и последние не оказываются в зависимости от орнаментики. Колорит сдержанный. Преобладают сочетания зеленого, серого, красного и желтого. При некоторой грубоватости исполнения, изображения прекрасно согласуются с характером письма. В «портретных» инициалах, конечно, существует своего рода серийность, однако она свойственна прежде всего изображениям первого цикла. Несколько озадачивает то обстоятельство, что ни в одном из тринадцати «портретных» инициалов нет изображения Богоматери, хотя все посвященные ей праздники отмечены в календаре Ассеманиева евангелия. Чем это могло быть предопределено: свойством образца? Но в таком случае его происхождение следовало бы предполагать вне ортодоксальной среды. В целом состав «портретных» инициалов не находит соответствия ни в одном из иллюстрационных циклов византийских лицевых рукописей Евангелия. Поскольку кириллические сопроводительные надписи инициалов сделаны кинноварью тех же оттенков, которой залиты детали инициалов и обозначены заглавия евангельских чтений, следует отбросить мнение о позднейшем характере этих надписей, как, впрочем, и записей писцов, о которых уже шла речь в этой статье (ср. [32, с. 94]).

Изложенные наблюдения, касающиеся общих принципов художественного оформления, характера заставок и инициалов, показывают, что корни иллюминации Ассеманиева евангелия уходят в восточнохристианскую художественную традицию. Перед нами одно из ее ответвлений. Было ли оно совершенно новым или оказывалось в зависимости от архаических течений, — время неизменно накладывало свой отпечаток на каждое произведение, и глаголический кодекс, о котором идет речь, в этом смысле не составляет исключения. Но, говоря об истоках славянского книжного искусства, важно помнить и о том, что традиционные образы и орнаментальные схемы становились компонентами нового стиля. Зографское евангелие, Маринское евангелие, Синайский евхологион, Синайская псалтирь, — все это ветви единого дерева, того же, что и Ассеманиево евангелие. И если мы акцентируем внимание на своеобразии в оформлении каждого памятника, то непозволительно забывать также о том, что все они вместе взятые образуют единое целое, отмеченное чертами общности, определяющими ранний период развития славянской культуры, и прежде всего книжного искусства [33, с. 140—152, рис. 1—21; 34, с. 55—88].

Уже после приготовления к печати данной статьи появились публикации, о которых следует упомянуть, хотя они и не влияют на наши наблюдения и выводы. Статья Д. Минева ценна тем, что отражает степень изученности Ассеманиева евангелия и взгляд на него как на рукопись второй половины X в. или начала XI в. [35, с. 124—134]. Этому, как известно, противостоит взгляд на кодекс как на представляющий позднюю (около 1100 г.) македонскую редакцию евангельского текста [36, р. 405—416; 37, р. 113—114]. Со стороны характера художественного оформления рукопись пока не настолько детально изучена, чтобы ее декор можно было сегодня использовать для решения спорных вопросов датировки. Пока она может служить лишь пониманию этнической и культурной среды,

из которой вышли подобные памятники, и помогать уяснению роли традиции в культуре славян. Без выполнения таких задач формальный анализ иллюминации вряд ли будет плодотворным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Vajs J., Kuz J.* Evangeliarium Assemani. Codex Vaticanus. T. I—II. Pragae, 1929—1955.
2. Асеманиево евангелие. Факсимилно издание. София, 1981.
3. *Ogićko I.* Историја церковно-слов'янської мови. Т. 5. Варшава, 1929.
4. *Vajs J.* Rukovet hlalohské paleografie. Praha, 1932.
5. *Rački Fr.* Assemanov ili Vaticanski evangelistar. Zagreb, 1865.
6. *Иванов И.* Български старини из Македония. София, 1970.
7. *Коледаров П.* О местонахождении средневекового города Девол и пределах одноименной области.— *Palaeobulgarica*, 1982, № 1—2.
8. *Mošin V.* Ornamenat južnoslovenskih rukopisa XI—XIII v. Radovi Naučnog društva NR Bosne i Hercegovine. T. VII. Sarajevo, 1957.
9. *Харисијадис М.* Гръчко-словенски врски на подрачјето на македонската ракописна орнаментика.— В сб.: Словенска писемност. 1050-годишнина на Климент Охридски. Охрид, 1966.
10. *Иванова-Мавродинова В., Джурова А.* Асеманиевото евангелие. Старобългарски глаголически паметник от X век. Художествено-историческо проучване. София, 1981.
11. *Грабар А.* «До-история» болгарской живописи. (Археологическая гипотеза). — В кн.: Сборник в честь на В. Н. Златарски. София, 1925.
12. *Грабар А. Н.* Памятники греко-восточной миниатюры.— *Seminarium Kondakovianum*. T. IV. Praha, 1931.
13. *Marava-Chatzinicolaou A.* *Toufexi-Paschou Ch.* Catalogue of the Illuminated Byzantine Manuscripts of the National Library of Greece. T. I. Athens, 1978.
14. *Grabar A.* Les manuscrits grecs enluminés de provenance italienne IXe—Xle siècles. Paris, 1972.
15. *Сергий, архим.* Полный Месяцеслов Востока. Т. I. М., 1875.
16. *Weitzmann K.* Die byzantinische Buchmalerei des IX. und X. Jahrhunderts. Berlin, 1935.
17. *Грабар А. Н.* Нерукотворный Спас Ланского собора.— *Зограф*, т. 3. Прага, 1930.
18. *Weitzmann K.* The Mandilion and Constantine Porphyrogenetos. Cahiers archéologiques. T. XI. Paris, 1960.
19. *Grabar A.* L'ímago clipeata chrétienne.— *Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Comptes-rendu de séances de l'année 1957, avril — juin.* Paris, 1958.
20. *Grabar A.* Les representations d'ícones sur les murs des églises et miniatures byzantines.— *Зборник за ликовне уметности.* Къ. 15. Нови Сад, 1979.
21. *Weitzmann K.* The Monastery of Saint Catherine at Mount Sinai. The Icons. T. I. Princeton, 1976.
22. *Айналов Д. В.* Новый иконографический образ Христа.— *Seminarium Kondakovianum*. T. II. Praha, 1928.
23. *Пуцко В.* Несколько византийских камней из древнерусских городов.— *Зборник радова Византолошког института.* Къ. XII. Београд, 1970.
24. *Покровский Н.* Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских. СПб., 1892.
25. *Skrobica H.* Kosmas und Damian. Recklinghausen, 1965.
26. *Volbach W. F.* Frühchristliche Kunst. München, 1958.
27. *Kitzinger E.* Byzantine Art in the Making. Cambridge, 1977.
28. *Weitzmann K.* The Miniatures of the Sacra Parallela. Parisinus Graecus 923. Princeton, 1979.
29. *Ihm Chr.* Die christlichen Apsismalerei vom vierten Jahrhundert bis zur Mitte des achten Jahrhunderts. Wiesbaden, 1960.
30. *Котанджян Н. Г.* Цвет в раннесредневековой живописи Армении. Ереван, 1978.
31. *Gengaro M. L., Leoni Fr., Villa G.* Codici decorati e miniati dell'Ambrosiana. Ebraici e greci. Milano, 1957.
32. *Велчева Б.* За една кирилска приписка в Асеманиево евангелие.— *Помощни исторически дисциплини.* Т. 3. София, 1981.
33. *Пуцко В. Г.* Славянская иллюминированная книга X—XI веков.— *Byzantinoslavica*, 1985, t. XLVI.
34. *Пуцко В.* Художественное оформление древнейших славянских рукописей.— *Slovo*, 1987, sv. 37.
35. *Минев Д.* Асеманиево евангелие.— В кн.: Кирило-Методиевска енциклопедия. Т. I. София, 1985.
36. *Lunt H. G.* On the Old Church Slavonic Codex Assemanianus.— *Македонски јазик*, 1981—1982, № 32—33.
37. *Lunt H. G.* On the Old Church Slavonic Gospel Texts.— *Byzantinobulgarica*, 1986, t. VIII.

СТЕМКОВСКАЯ Ю. Е.

К ПРОБЛЕМЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ИНОЯЗЫЧНЫХ СУФФИКСОВ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Проблема словообразовательного освоения иноязычных деривационных морфем системой заимствующего языка давно уже привлекает внимание специалистов в области славянского языкознания. Изучение фактов разных славянских языков (русского, чешского, словацкого, польского, сербскохорватского, украинского и др.) в этом аспекте позволило выявить основные проблемы и методы исследования иноязычных словообразовательных морфем (суффиксов, префиксов, основ), накопить большой фактический материал о способах их функционирования в славянских языках, определить основные теоретические аспекты морфемного заимствования (см., в частности, работы Е. К. Беспояско, В. С. Гимпелевича, И. Г. Добродомова, М. Докулила, Й. Йирачека, В. Г. Костомарова, Л. П. Крысина, Я. Кухаржа, Я. Моравского, С. И. Ожегова, Л. Н. Смирнова, З. Н. Стрекаловой, Г. П. Тыртовой, М. Фогараша). Особенную актуальность названная проблематика приобрела в последнее время, когда в связи с процессами интернационализации лексики современных литературных языков [1; 2] в национальных деривационных системах появляются новые словообразовательные элементы и модели, активизируются уже сложившиеся в языке словообразовательные типы с иноязычными морфемами. Развивающийся на наших глазах процесс словообразовательного освоения иноязычных морфем предоставляет уникальные возможности изучения механизмов перехода структурных элементов слов от доморфемного уровня к морфемному, зарождения в языке новых деривационных морфем, перспектив развития словообразовательных систем национальных литературных языков, их сходств и различий.

В настоящей статье на основе изучения предыдущего опыта решения вопросов словообразовательного освоения иноязычных морфем делается попытка уточнения понятия словообразовательной адаптации иноязычных суффиксов (далее — ИС), определения принципов синхронного исследования их функционирования на материале ИС имен существительных современного чешского литературного языка.

К проблеме словообразовательной адаптации ИС имен существительных, степени их освоенности в славянских литературных языках обращались многие исследователи. На материале интернациональных суффиксов русского литературного языка она решалась в работах В. С. Гимпелевича [3], Й. Йирачека [4], А. В. Бобровой [5], интернациональных суффиксов сербскохорватского языка — в работе Г. П. Тыртовой [6]. Характер словообразовательной освоенности ИС в данных работах определялся на основе анализа двух аспектов функционирования суффиксов в системе принимающего языка: 1) структурной адаптации иноязычного элемента

Стемковская Юлия Евгеньевна, младший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР.

(т. е. вычленение его в составе слов I, II и III ступени членимости иноязычных слов по шкале Л. П. Крысина¹, возможность присоединения к славянским мотивирующим основам); 2) функциональной роли ИС в системе языка-рецептора, понимаемой как способность суффикса образовывать новые слова на почве заимствующего языка.

Процесс словообразовательного освоения ИС представлен в работах названных авторов неодинаковым количеством ступеней. В этом проявились различия в решении вопросов членимости слова, определения морфемного статуса конечных отрезков заимствованных слов, возможности их рассмотрения на словообразовательном уровне.

Для В. С. Гимпелевича факт выделяемости конечного сегмента в структуре заимствованных слов, связанных единством лексического и грамматического значений (ср. например, чеш. ampule, kapsule, korpuskule, partikule), является достаточным не только для признания его морфемного статуса в языке-рецепторе, но и для признания вхождения данного элемента в суффиксальную систему заимствующего языка (I ступень адаптации, «выделяемый, заимствованный, неосвоенный» ИС). Ср.: «Любой иноязычный суффикс оказывается заимствован лишь постольку, поскольку в то же время есть и выделяемый в данном языке морфологический элемент» [3, с. 19], и далее: «Общий элемент сходных по смыслу слов (иноязычных. — Ю. С.) может восприниматься как суффикс с определенным значением и в том случае, если ни один из них не выделяет корневой морфемы на почве русского языка» [3, с. 41]².

Действительно, признание за таким отрезком статуса морфемы не лишено оснований. Данный элемент: 1) является регулярно воспроизводимой единицей, поскольку его вычленение происходит на основе структурно-семантической общности группы слов; 2) выражает общие для данных слов значения — лексическое и грамматическое (части речи, рода, числа); 3) является двусторонней единицей, поскольку названные значения приписываются общему структурному отрезку группы заимствованных слов.

Вместе с тем существует и ряд факторов, обуславливающих «дефектность» такой морфемы, невозможность ее рассмотрения на деривационном уровне, признания ее суффиксального статуса. Вычленение данной морфемы происходит в составе немотивированных слов с уникальными корневыми элементами. В связи с этим затруднено четкое определение границ морфемы, исключается установление словообразовательного значения, обязательного для деривационного суффикса, так как речь идет не только о формообразующей единице, но и о морфеме, наделенной определенным лексическим значением.

Полагаем, что названные «дефектные» морфемы, не достигающие статуса деривационной суффиксальной морфемы, не могут считаться вошедшими в словообразовательную систему принимающего языка.

Более строгим и правомерным для вычленения суффиксальной морфемы является критерий производности, применяемый Й. Йирачком, Г. П. Тыртовой при определении I ступени словообразовательной адаптации ИС, — этапа его вхождения в деривационную систему заимствующего языка (Й. Йирачек — «заимствованный нерусифицированный» ИС, Г. П. Тыртова — «суффикс на этапе словообразовательного освоения» [4; 6])³. Данный принцип предполагает выделение морфемы на основе

¹ На первой ступени членимости иноязычных слов аффиксальный элемент вычленяется как общий элемент немотивированных слов, связанных единством лексического значения. На II ступени членимости аффикс вычленяется в составе слов со связанной мотивирующей основой, на III ступени членимости — в составе слов со свободной мотивирующей основой [7].

² А. В. Боброва утверждает, что процесс заимствования ИС (I ступень заимствования) включает этап накопления в языке непронизводной, немотивированной, морфологически неразложимой лексики с невыделяемым ИС [5]. Это утверждение алогично, ибо нельзя заимствовать то, что в языке не существует.

³ По шкале В. С. Гимпелевича, А. В. Бобровой такие элементы определены как находящиеся на II ступени словообразовательной адаптации: «заимствованные неосвоенные» ИС [3], «выделяемые неосвоенные, незаимствованные» [5].

сопоставления мотивированного и мотивирующего слов. «Проникновение иноязычных словообразовательных суффиксов бывает связано с накоплением в языке большого количества слов, образованных по однотипной модели, вместе со словами, от которых они образованы, с которыми они связаны словообразовательными отношениями» [8, с. 261]. Правильное определение границы словообразовательной морфемы возможно только при системном подходе к словообразовательно мотивированным словам. Данный подход предполагает рассмотрение слова не только на фоне лексем, непосредственно его мотивирующей, но и на фоне всех слов определенного словообразовательного типа или типов [9]. ИС, вычленяемые таким образом (II и III ступени членности иноязычных слов по шкале Л. П. Крысина), конституируются в языке-рецепторе как самостоятельные и четко определенные в формальном и семантическом отношении единицы, способные выполнять словообразующую функцию на почве заимствующего языка.

Высшей степенью словообразовательной освоенности обладают, по мнению всех названных исследователей, такие ИС, которые способны образовывать новые слова на почве заимствующего языка: а) безотносительно к происхождению мотивирующей основы («заимствованные освоенные» ИС [3], «суффиксы на стадии словообразовательной активности» [6], б) только от славянских мотивирующих основ («заимствованные русифицированные» ИС [5], «освоенные заимствованные» ИС [5]).

При выяснении словообразовательных возможностей ИС на почве языка-рецептора исследователь неизбежно сталкивается с трудностями установления языка-источника происхождения слова, целиком состоящего из иноязычных морфем (заимствовано или образовано в принимающем языке?). Привлечение метода сравнительной хронологии (используемого В. С. Гимпелевичем [3]) не всегда может дать желаемый результат, так как ввиду широкого распространения интернациональных словообразовательных морфем (корней и суффиксов) одни и те же наименования могли возникнуть в различных языках независимо друг от друга. Сложность решения этой проблемы подтверждает работа Г. П. Тыртовой. В списке слов, образованных на почве сербскохорватского языка от иноязычных мотивирующих основ при помощи ИС, она приводит слова *jubilant*, *madjarizacija*, *rajonizacija* [6]. Наш материал показывает, что в чешском литературном языке в тех же значениях употребляются слова *jubilant*, *mad'arizace*. Слово *rajonizace* не отмечено, но может быть легко образовано от глагола *rajonizovat* по очень продуктивному в современном чешском литературном языке словообразовательному типу «V + -izace; отвлеченный процессуальный признак». С каким явлением мы в данном случае сталкиваемся: лексическим заимствованием или независимым образованием слов при помощи иноязычных словообразовательных морфем в разных языках? На уровне синхронии, даже в ее динамическом аспекте (т. е. так, как проводит исследование Г. П. Тыртова), решение данного вопроса невозможно.

При решении вопроса об источнике происхождения слов, содержащих в своей структуре иноязычные словообразовательные компоненты, на синхронном уровне целесообразно привлечь плодотворную мысль С. И. Ожегова [10] (поддержанную позднее чехословацкими лингвистами [11]) о том, что слова, имеющие в своем составе иноязычные морфемы и достаточно ясную словообразовательную структуру (ср. русск. *метр* — *метраж*, *монтировать* — *монтаж*, *тренировать*, *тренер* — *тренаж*; чеш. *kilometr* — *kilometráž*, *fixovat* — *fixáž*, *montovat*, *montér* — *montáž* и др.), могли возникнуть на почве заимствующего языка. Это положение нам представляется справедливым не только для префиксального образования имен существительных и прилагательных, на которые ссылаются М. Докулил и Я. Кухарж (ср. *demokratický* — *antidemokratický*, *harmonie* — *disharmonie*, *text* — *kontext*, *revoluce* — *kontrarevoluce*, *akutní* — *subakutní*, *akce* — *reakce* и др. [11]), но и для суффиксального образования имен существительных. Важно лишь, чтобы структурные словообразовательные элементы таких существительных входили в язык-рецептор в два

ряда сопоставлений — по корню и по суффиксу. Ср.: *demonstrovat* — *demonstrace* — *demonstrant* — *demonstrátor*, *emigrovat* — *emigrace* — *emigrant*, *akcept* — *akceptace* — *akceptant*, *fixovat* — *fixace* — *fixáž*, *metr* — *metráž*, *gram* — *gramáž*, *adresát* — *adresant*, *aktivovat* — *aktivace*, *aktivátor*, *instruovat* — *instrukce* — *instruktor*, *instruktáž*, *atom* — *atomizace* — *atomismus* — *atomista*, *puč* — *pučista*, *džez* — *džezista* и мн. др. Такой подход не противоречит логике, а потому имеет право на существование. Имена существительные, образованные на почве заимствующего языка при помощи иноязычных словообразовательных элементов, ничем не отличаются от аналогичных заимствованных слов с ясной словообразовательной структурой и находятся в одинаковых отношениях с остальным словарным фондом. Поэтому названные группы лексики являются тождественными и имеют равный вес при определении словообразующей роли ИС в деривационной системе заимствующего языка ⁴.

На основании вышеизложенного мы признаем словообразующую функцию на почве языка-рецептора за такой иноязычной суффиксальной морфемой, которая обладает достаточно высокой степенью автономности, а именно: 1) оформлена в семантическом и структурном плане, 2) выделяется в большом количестве иноязычных слов со свободной и связанной мотивирующей основой, 3) способна вступать, в силу этого, в отношения словообразовательной конкуренции с славянскими и иноязычными суффиксальными средствами.

Ярким свидетельством осуществления словообразующей функции ИС в заимствующем языке является, безусловно, его способность образовывать гибридные наименования, т. е. слова, имеющие славянскую мотивирующую основу и иноязычный суффикс. Возможность присоединения ИС к мотивирующим основам славянского происхождения оценивается исследователями (И. Йирачек, А. В. Боброва, ср. также: Н. С. Авилова, Ю. В. Бельчиков, Ю. С. Сорокин, В. С. Гимпелевич и др.) как важнейший показатель освоения суффикса системой принимающего языка. Правда, в ряде славянских языков, в частности в чешском, такая сочетаемость имеет ряд ограничений. Но для определения степени структурной адаптации ИС этот факт существенной роли не играет, поскольку ограничения обусловлены экстралингвистическими факторами (языковой пуризм), внутривидовые же запреты сочетаемости ИС и славянских мотивирующих основ в данных языках отсутствуют.

Рассмотренные выше принципы исследования процесса и отдельных ступеней словообразовательного освоения ИС — структурная адаптация и словообразующая роль ИС в языке-рецепторе — безусловно отражают важнейшие стороны реализации возможностей иноязычной морфемы в заимствующем языке. Однако не исчерпываются ими. Последние исследования в этой области [2], а также наши наблюдения показывают, что в понятие «словообразовательная адаптация ИС» следует включать также такие признаки и характеристики, как «семантическое освоение ИС», «стилистическое освоение ИС», широко понимаемая «функциональная роль ИС», охватывающая словообразовательную продуктивность (активность) ИС, их взаимодействие с исконными словообразовательными средствами, способность слов, образованных при помощи ИС, участвовать в дальнейшем словообразовательном процессе на почве заимствующего языка. Раскроем подробнее названные аспекты освоения ИС системой принимающего языка.

Под семантическим освоением ИС мы понимаем наличие у ИС словообразовательного значения (или значений), устанавливаемого на основе отношений словообразовательной мотивации двух однокоренных заимст-

⁴ Сходная ситуация проанализирована в монографии [12], где автор, рассматривая случаи конверсии, обусловленные параллельным заимствованием из французского языка (*honour* 'честь' — *honour* 'почитать'), и случаи конверсии, возникшие на базе одного французского заимствования в самом английском языке (*abuse* 'оскорбление' — *abuse* 'оскорблять'), доказывает, что «разграничение их в системе современного английского языка... на основе их различного происхождения не имеет под собой никаких оснований».

вованных слов, повторяемого в ряде дериватов (1). Более высокие ступени семантического освоения ИС системой принимающего языка могут характеризоваться: 2) наличием у ИС значения (или системы значений), служащего базой для формирования продуктивных словообразовательных типов в принявшем языке, 3) появлением нового значения ИС в данном языке, 4) лексикализацией суффикса.

Вычленение и осознание конечного элемента иноязычного слова как суффиксальной морфемы происходит на почве заимствующего языка только тогда, когда семантическое отношение, возникшее между мотивирующей основой и данным конечным элементом, входящим в состав мотивирующего слова, становится очевидным для носителей языка. Осознанию и закреплению этого семантического отношения способствует регулярность его возобновления в словах, образованных по данным словообразовательным моделям [13]. Ср., например, *fixáč* (<*fixovat*), *masáč* (<*masírovat*), *bosáč* (<*bosovat*), *centráč* (<*centrovat*), *demontáč* (<*demontovat*), *kolportáč* (<*kolportovat*) и др., словообразовательное значение суффикса — 'отвлеченный процессуальный признак'.

Требование регулярности воспроизведения словообразовательного значения выделенного ИС является важным для признания его морфемного статуса в языке-рецепторе. Уникальные конечные элементы («унификсы» (Е. А. Земская [14]), «потенциальные суффиксы» (В. С. Гимпелевич [3]), «квази-морфы» (Е. С. Кубрякова [15])) в составе единичных, изолированных дериватов, не могут быть признаны словообразовательными морфемами, так как «не обладают основным свойством аффиксальных морфем — свойством повторяемости» [16]. Изучение функционирования уникальных конечных элементов в заимствующем языке (так же как и изучение функционирования конечных морфем, выделяемых в составе структурно-семантических группировок заимствованных слов) представляет научный интерес, так как может дать материал для исследования потенциальных возможностей словообразовательной системы языка-рецептора, определения путей и способов перехода структурных элементов заимствованных слов от доморфемного уровня к морфемному.

О семантической (и формальной) независимости ИС в заимствующем языке свидетельствуют также такие факты функционирования ИС, как: а) стабильность словообразовательного значения ИС при исконных и иноязычных мотивирующих основах (различаться могут стилистические характеристики заимствованных слов), ср. *šavlista* — *kordista*, *kořalista* (экспр.) — *bukinista*, *zákonista* — *novelista*, *podobojista* — *utrakvista*, *husita* — *adamita* и мн. др.; б) отношения конкуренции, в которые вступает ИС со славянскими суффиксальными средствами, а также другими иноязычными суффиксами, ср. *kombajnista* — *kombajner* (словац.), *windsurfista* — *windsurfer* (чеш.), *freudista* — *freudovec*, *montáč* — *montování* и др.; в) образование имен со значением действия при помощи ИС «непосредственно от имен существительных без посредства реально существующего глагола» [17], ср. *alkoholizace* (< *alkohol*), *tabuizace* (< *tabu*), *etapizace* (< *etapa*) и др.

В процессе семантической адаптации иноязычный заимствованный формант может стать настолько продуктивным и регулярным при образовании слов определенной семантики, что в принявшем его языке происходит отчетливое осознание такого и подобного элементов «как с формальной, так и с семантической стороны — в качестве самостоятельных единиц» [8, с. 263]. В языке появляются тенденции лексикализации данных морфем, как это произошло, например, в истории русского языка с суффиксами *-ист* и *-изм*, чешского языка с суффиксом *-ism(us)*. Например: русск. *изм* / чеш. *ismus* — 'одно из многочисленных направлений в области искусства, философии, науки, политики' [8; 18; 19]. Эти слова имеют ироническую или уничижительную эмоциональную окраску. Чешское *ismus* образует производное слово со значением субъективной оценки — *ismíček*.

Одним из признаков самобытного развития ИС в заимствующем языке, его освоения лексико-словообразовательной системой языка-рецепто-

ра в семантическом плане служит, по мнению В. Страковой [20], появление у данного форманта нового значения, неизвестного языку-источнику заимствования или другим языкам, принявшим тождественную морфему.

Однако доказательство новизны значения ИС в принявшем его языке достаточно сложно, так как требует проведения специальных исследований словообразовательной семантики производных слов с данным ИС во всех языках, где представлены эти слова. Решая этот вопрос в рамках одного языка, новым значением иноязычной морфемы будем считать такое, которое возникло при образовании слов от мотивирующих основ заимствующего языка и не свойственно для дериватов данного языка, состоящих из морфем иноязычного происхождения.

Лексикализация суффикса или появление у него нового значения — достаточно редкие случаи семантического освоения ИС. В современном чешском литературном языке, например, большая часть ИС имеет начальную и вторую ступень семантической адаптации, т. е. является носителями значений (или системы значений), способных служить семантической базой малопродуктивных, среднепродуктивных и продуктивных словообразовательных типов.

Стилистическое освоение ИС определяется как способность данной иноязычной морфемы употребляться в составе слов, функционирующих в различных стилевых пластах языка-рецептора. Направление процесса стилистического освоения иноязычных морфем тесно связано с общей тенденцией стилистической адаптации заимствованной лексики: постепенный переход терминологической и узкоспециальной лексики в процессе детерминологизации из специальных (научного и делового) стилей языка (содержащих наибольший процент лексических заимствований) в публицистический, художественный, разговорный стили, возможное употребление в нелитературных высказываниях, сленге, аргю.

ИС имен существительных в современных славянских языках являются средством образования не только узкоспециальной и терминологической лексики, но и широкого пласта слов общелитературного языка, книжного, публицистического и разговорного стилей, входят в состав нелитературной лексики.

Уровень стилистического освоения ИС зависит от ряда экстралингвистических и внутриязыковых факторов, влияющих на развитие данного языка-рецептора. В чешском литературном языке, например, переход немецкой заимствованной лексики, а также входящих в ее состав ИС (суффикс *-unk (-uňk)*) в разряд нелитературных, экспрессивных и непродуктивных лексических и словообразовательных средств, оказался связанным с действием определенных политических и экономических процессов [21]. Например, влиянием языкового пуризма объясняется «нелитературность» многих гибридных наименований чешского языка, образованных от стилистически нейтральных мотивирующих основ чешского происхождения: *cp. jeřabista, vědátor, chytristika, čapkové, úsekizace, plynofikace, kusáč, pletáč, slepant* и др. Воздействие данного фактора, однако, не является абсолютным, так как в чешском литературном языке употребляются и стилистически нейтральные гибридные наименования: *houslista, sborista, šavlista, slavista, husita, táborita, slovakismus, čechismus, nadace, čechizace, robotizace, jarovizace, senáč* и др.

К собственно языковым факторам, определяющим стилистическую маркированность слов с ИС, можно отнести: 1) эмоционально сниженный характер иноязычных мотивирующих основ (*cp. vagabund (лат.) 'бродяга', vagabundismus, vagabundista*), 2) соединение в одном слове двух элементов различной стилистической окрашенности — иноязычного литературного суффикса и славянской мотивирующей основы, принадлежащей эмоционально окрашенному нелитературному слову [22], *cp.: švandista, šeptandista, srandista, šušandista* и др.

Стилистически сниженный характер слов, заимствованных или образованных от исконных основ при помощи ИС в языке-рецепторе, может приводить к развитию у ИС стилистического модификационного значения.

Эта возможность была реализована при образовании слова *synátor* (от стилистически нейтрального *syn*) 'шутл., пейор., экспресс. сын'.

Функциональная роль ИС в системе принимающего языка устанавливается на основе анализа объективных показателей употребления ИС в данном языке, а именно: 1) уровня продуктивности ИС и формируемых им словообразовательных типов, 2) результатов взаимодействия с исконными словообразовательными средствами (словообразовательная конкуренция иноязычных и славянских суффиксов), 3) способности слов, образованных при помощи ИС, участвовать в дальнейшем словообразовательном процессе на почве языка-рецептора.

Уровень словообразовательной продуктивности ИС показывает способность суффикса участвовать в образовании новых слов, а также общественную потребность в такого рода наименованиях. Уровень продуктивности словообразовательного типа с ИС демонстрирует способность данного типа служить моделью для образования новых слов в языке-рецепторе [23]. Продуктивность ИС и словообразовательного типа с ИС в заимствующем языке может быть установлена на основе: а) фиксации случаев реализации словообразовательной потенции ИС (или типа), т. е. фиксации новых слов, образованных при помощи данного ИС (или словообразовательного типа), б) изучение комплекса «чисто языковых условий, которые определяют употребление того или иного словообразовательного типа или средства» [23, с. 81]. К последним относятся: морфологические и лексико-семантические условия функционирования ИС в заимствующем языке, возможность и результаты словообразовательной конкуренции иноязычных и славянских суффиксов, а также наличный состав лексики с данными ИС.

Словообразовательная конкуренция иноязычного и исконного словообразовательного средства является важнейшим показателем освоения ИС системой принимающего языка (см. работы М. Докулила, В. С. Гимпелевича, В. П. Даниленко, Л. Н. Смирнова, К. Бузашиовой и др.). Способность ИС вступать в отношения словообразовательной конкуренции со славянскими морфемами при иноязычных и исконных мотивирующих основах является прежде всего убедительным доказательством формальной и семантической независимости ИС от основ заимствованных слов, в составе которых он вошел в данный язык. Результаты словообразовательной конкуренции показывают уровень активности (продуктивности) ИС в системе принявшего языка, уточняют лексико-семантическую, структурную и стилистическую спецификацию исконных и иноязычных суффиксальных средств. Кроме того, процесс словообразовательной конкуренции славянских и иноязычных суффиксов служит дополнительным источником формирования контекстуальных и стилистических синонимов в заимствующем языке. Контекстуальными синонимами, например, являются отглагольные существительные *dispozice* — *disponování*, выражающие значение 'отвлеченный процессуальный признак'. Ср.: *disponování čím* (*disponování penězi*) и *mít / být k dispozici* (co): *Čtenář má k dispozici knihu; ...pro rybaření a veslování je k dispozici gubník*. Стилистическими синонимами являются отыменные существительные со значением 'лицо — носитель предметного признака', образованные при помощи коррелирующих суффиксов *-ist(a) // -ák, -oun*. Имена с суффиксом *-ist(a)* относятся к нейтральному стилю, существительные с чешскими суффиксами являются сленговыми наименованиями: *traktorista* — *traktorák*, *statista* — *stat'ák*, *fašista* — *fašoun* и др.

Функциональная роль ИС в системе принимающего языка может быть понята также и как способность слов с ИС служить базой для дальнейшего словообразовательного процесса на почве заимствующего языка, образовывать гнезда производных слов по законам словообразования данного языка. Этот процесс является активным средством освоения ИС, его фонетической, морфологической, семантической и структурной ассимиляции, включения в устоявшуюся систему словообразовательных связей заимствующего языка.

Таким образом, процесс словообразовательной адаптации ИС, его раз-

№	ступени		
	признаки	I	II
1. А. Б.	структурные. Выделение ИС в составе: заимствованных слов II и/или III ступени членности гибридных наименований	+ —	+ +
2. А. Б. В. Г.	семантические. Наличие у ИС: регулярного словообразовательного значения значения, служащего базой для формирования про- дуктивного словообразовательного типа нового значения лексикализация ИС	+ — — —	+ + + +
3. А. Б. В.	стилистические. Употребление ИС в составе: иноязычной литературной лексики иноязычной нелитературной лексики литературных и нелитературных гибридных наименований	+ + —	+ + +
4. А. Б. В.	функциональные: продуктивность ИС — (1), (2), (3) вступают в отношения словообразовательной конку- ренции служат базой для дальнейшего словообразовательно- го процесса	(1), (2) + +	(1), (2), (3) + +

личные ступени могут быть описаны на основе комплексного анализа всех форм реализации ИС в заимствующем языке, т. е. на основе анализа структурных, семантических, стилистических и функциональных параметров. Здесь отметим: 1. Структурные параметры: А) выделение ИС в составе заимствованных слов II и/или III ступени членности; Б) присоединение ИС к славянским мотивирующим основам; 2. Семантические параметры: А) наличие у ИС словообразовательного значения (или значений), повторяемого в ряде дериватов; Б) наличие у ИС значения (или системы значений), служащего базой для формирования продуктивного словообразовательного типа; В) появление нового значения ИС на почве заимствующего языка; Г) лексикализация суффикса; 3. Стилистические параметры: А) употребление ИС в составе заимствованной литературной лексики различных функциональных стилей (специального, публицистического, книжного, разговорного); Б) употребление ИС в составе заимствованной нелитературной лексики (обиходно-разговорная речь, сленг, арг); В) употребление ИС в составе стилистически нейтральных, а также стилистически сниженных гибридных наименований; 4. Функциональные параметры: А) уровень словообразовательной продуктивности ИС ((1) малопродуктивные, (2) среднепродуктивные, (3) продуктивные); Б) способность (1) / неспособность (2) ИС вступать в отношения словообразовательной конкуренции со славянскими суффиксами; В) ИС являются (1) / не являются (2) базой для дальнейшего словообразовательного процесса в заимствующем языке.

При определении степени словообразовательной адаптации ИС необходимо учитывать весь комплекс названных параметров. Такое описание может дать объективную картину результатов и способов словообразовательного освоения ИС. Кроме того, оно может быть применено и для описания функционирования в языке элементов доморфемного и додеривационного уровней.

Ниже приводится шкала словообразовательной адаптации ИС имен существительных современным чешским литературным языком.

1. ИС I ступени словообразовательной адаптации: -eut (farmaceut), -and (doktorand), -issim(us) (generalissimus), -es(a) (baronesa), -át(a) (aspiráta) -ér(a) bomboniéra), -il(a) (flotila), -and(a) (propaganda), -é (komuniké), -s (konkurs), -ement (-má) (angazmá), -ír (-ýr) (kanoýr), -ín (-in, -ýn) (kapucín), -ing (-ink) (dribling), -érij- (-erij-) (badinerie), -anc(e) (-enc(e)) (konsonance), -ur(a) (kubatura), -ij-(faktorie), -ér (-er) (fronder), -át(-at) (direktorát), -ik (asketik).

2. ИС II ступени словообразовательной адаптации: -unk(-uňk) (verbuňk), -án (luterán), -ád(a) (autogramiáda), -áž (pilotáž), -ant(-ent) (diverzant), -it(a) (agresivita), -or (-átor) (dezinfektor), -ism(us) (dimorfismus), -ist(a) (drogista), -c(e) (-ic(e)), -ac(e), -izac(e) (agitace).

ЛИТЕРАТУРА

1. Акуленко В. В. Вопросы интернационализации словарного состава. Харьков, 1972.
2. Смирнов Л. Н. Опыт характеристики тенденций демократизации и интернационализации в современных славянских литературных языках. — В кн.: Функционирование славянских литературных языков в социалистическом обществе. М., 1988.
3. Гимпелевич В. С. Личные имена существительные с иноязычными суффиксами в современном русском литературном языке. Дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Баку, 1966.
4. Йирачек Й. Интернациональные суффиксы существительных в русском языке (структурно-сопоставительное исследование). — In: Vno. Univerzita. Filosofická fakulta. Spisy, č. 168. Brno, 1971.
5. Боброва А. В. Имена существительные на -инг в русском языке (происхождение и функционирование). Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1982.
6. Търтова Г. П. Интернациональные суффиксы в словообразовательной системе существительных сербохорватского языка. Дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1984.
7. Крысин Л. П. Ступени морфемной членности иноязычных слог. — В сб.: Развитие современного русского языка. 1972. М., 1975.
8. Добродомов И. Г. Проблемы заимствования морфем. — В сб.: Актуальные проблемы русского словообразования, ч. 1. Самарканд, 1972.
9. Лопатин В. В. Словообразовательная морфемика. М., 1977.
10. Ожегов С. И. Существительные на -аж в русском языке. — Доклады и сообщения филологического факультета МГУ, вып. 3, 1974.
11. Dokulil M., Kuchař J. Slovtovorná charakteristika cizích slov. — Naše řeč, r. 60, 1977, č. 4.
12. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М., 1956, ч. 254—255.
13. Ногескү J. Dve osobitosti v menách osdb. — Slovenská reč, r. 22, 1957, č. 6.
14. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973.
15. Кубрякова Е. С. Основы морфологического анализа. М., 1977.
16. Тихонов А. П. Морфема как значимая часть слова. — НДВШ, Филологические науки, 1971, № 6. с. 51.
17. Martinová O. Problematika neologismů v současné spisovné češtině. Praha, 1983, s. 78.
18. Костомаров В. Г. Существительные на -ист в русском языке. — В сб.: Проблемы изучения языка. М., 1957.
19. Slovník spisovného jazyka českého. Praha, 1960—1971.
20. Стракова В. Rec. na: Jiráček J. Интернациональные суффиксы существительных в современном русском языке. — Československá rusistika, r. 18, 1973, č. 1.
21. Poštolková B., Roudný M., Tejnor A. O české terminologii. Praha, 1983.
22. Zima J. Expresivita slova v současné češtině. Studie lexikologická a stylistická. Praha, 1961.
23. Dokulil M. Tvoření slov v češtině. T. I. Teorie odvozování slov. Praha, 1962.

ЖУРАВЛЕВ В. К.

Ф. Ф. ФОРТУНАТОВ И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ XX ВЕКА

Минуло 75 лет со дня смерти Ф. Ф. Фортунатова (1848—1914), выдающегося слависта, литуаниста и индолога, лингвиста широкого диапазона, специалиста в области сравнительно-исторической фонетики и акцентологии, палеографии и орфографии. Он редактировал издания старославянских и литовских памятников письменности, возглавлял подкомиссию АН по подготовке реформы русской орфографии, был одним из инициаторов международных славистических предприятий (издание Энциклопедии славянской филологии, подготовка к Международному съезду славистов 1905 г. и т. п.).

Научная деятельность Фортунатова началась в 1871 г. и продолжалась 43 года. За это время он опубликовал всего 35 работ, но его целостная лингвистическая концепция и конкретные решения частных вопросов излагались главным образом в лекционных курсах, в разборах научных сочинений многочисленных учеников, в письменных и устных консультациях. Посмертно было издано лишь четыре лекционных курса 1919, 1924, 1956 [1, т. 1, с. 17—20].

Тем не менее, многое из научных открытий Ф. Ф. Фортунатова вошло в плоть и кровь науки, что еще при его жизни, став обыденным знанием, как бы не нуждалось в упоминании имени первооткрывателя. Со временем все яснее осознается роль Фортунатова в создании базиса лингвистического мышления XX в. Он возглавлял международную лингвистическую школу, сопоставимую со школой Резерфорда в физике. Ученики Фортунатова и ученики его учеников совершили лингвистическую революцию как неотъемлемую часть общенаучной революции XX в.

Ф. Ф. Фортунатов родился в семье выдающегося педагога, директора Петрозаводской гимназии. Окончив гимназию 16-летним юношей, он поступил в Московский университет на историко-филологический факультет, где под руководством Ф. И. Буслаева увлеченно занимался сравнительно-историческим языкознанием.

Большую роль в формировании научного мировоззрения Фортунатова сыграло изучение живой народной речи литовцев, литовских говоров (1871) и древнейших памятников письменности (ведический и санскрит). Публикуя литовские народные песни (1872), он выработал строгие научные принципы издания фольклорных материалов. Позже он применил те же принципы к изданию памятников письменности. Наблюдая диалектные различия литовского языка, Фортунатов впервые выдвинул фундаментальное положение компаративистики: праязык, как и всякий язык, должен иметь свою историю и диалектное членение. Еще в пробной лекции (1871) он обосновал приемы относительной хронологии.

Журавлев Владимир Константинович, профессор, ведущий научный сотрудник Института языкознания АН СССР.

Магистерская диссертация Ф. Ф. Фортунатова «*Sāmakeda — Āraṇya-kā — Samhitā*» (1875) включала в себя критическое издание, перевод и комментарий текста, а также «Приложение», где излагались фундаментальные положения сравнительно-исторического метода. Здесь, в частности, выражен скепсис против бытовавшего тогда преувеличения значения данных древнеиндийских письменных памятников при реконструкции праиндоевропейского языка [2].

С 1876 по 1902 гг. Фортунатов возглавлял кафедру сравнительной грамматики индоевропейских языков Московского университета. В результате многолетней преподавательской деятельности Ф. Ф. Фортунатова в Московском университете сложилась лингвистическая школа с генеральным принципом: лингвистические задачи следует решать лингвистическими методами. Это было направлено против господствовавшего представления о языкознании как о конгломерате разрозненных дисциплин, когда, по свидетельству идеолога и ведущего теоретика немецкой лингвистики конца XIX в. Германа Пауля, синтаксис принадлежал логике, морфология — психологии, фонетика — акустике и физиологии, а лексика — «истории народа». Школа Фортунатова возглавила борьбу против логицизма в синтаксисе, выдвинув во главу угла «формальные», т. е. собственно лингвистические критерии. Фортунатов излагал в своих лекциях целостную синтаксическую концепцию: учение о словосочетаниях как минимальных единицах синтаксической структуры. Далее, еще в лекционном курсе 1882/83 гг. он ввел термин «морфология» вместо бытовавшего тогда термина «этимология». Фортунатов создал целостное, свободное от психологизма, учение о форме слова, заложив тем самым основы морфологии как особой научной дисциплины. Здесь наиболее существенно то, что он опирался на реальные, существующие в данном языке на данном этапе его развития соотношения материально (формально) выраженных языковых сущностей. Форма слова, по Фортунатову, выводится из наличия соотносительных рядов слов на основании сходства и различия между ними.

Перенос внимания исследователя с субстанции на структуру, на отношения, Фортунатов независимо от И. А. Бодуэна де Куртене и Ф. де Соссюра разработал принципы системно-функционального подхода к языку [3], на которые опиралось последовательное разграничение внутренней и внешней лингвистики, диахронии и синхронии. Пафос формальной школы Фортунатова — в протесте против смещения грамматики с психологией и логикой. Это и определяло генеральное направление поиска более совершенных методов и приемов лингвистического анализа, что и составило сущность лингвистической революции XX в. Действительно, наука становится самостоятельной там и тогда, где и когда она «захочет» и сможет решать свои собственные задачи собственными методами.

Фортунатову принадлежит приоритет в создании системы сравнительно-исторических грамматик индоевропейских языков (лекционные курсы, начиная с 1876 г.). Здесь он развивал взгляды на язык как систему, строго различая синхронию и диахронию, реально засвидетельствованные факты и гипотетически реконструируемые, отдавая предпочтение свидетельствам живой народной речи. Для Фортунатова, в отличие от зарубежных компаративистов, сравнение — не самоцель, а средство реконструкции предшествующего состояния языка с целью выявления его истории. Он призывал не ограничиваться сбором и описанием фактов, а искать «законы, управляющие фактами», «взаимосвязь причины исследуемых явлений». Постулат безысключительности фонетических законов и связанная с ним методика установления относительной хронологии органически вытекает из целостной концепции Фортунатова о всеобщей лингвистической связанности элементов, явлений и процессов в языке и его истории.

Жесткой модели родословного древа младограмматиков с концепцией последовательного распада праязыка он противопоставил теорию дивергентно-конвергентной эволюции языка, обусловливаемой дифференциацией и распадом «общественных союзов» или их объединением в более

крупные. Положение о взаимосвязи истории языка с историей общества он углублял требованием разграничивать внешние и внутренние связи и причинность. Фортунатову принадлежит ряд конкретных открытий в области сравнительно-исторической грамматики индоевропейских и славянских языков: теория сонантов, выяснение природы s-mobile, лабильного ряда задненебных, состава вокализма индоевропейских языков, связи долготы и характера интонации, закон переноса ударения в балтийских и славянских языках («закон Фортунатова — де Соссюра») и др. [4].

Огромную роль в развитии славистики играли лекции Фортунатова по старославянскому языку. Он требовал строго разграничивать понятия «старославянский» и «церковнославянский», нередко смешиваемые до сих пор. Под старославянским он понимал язык кирилло-мефодиевских переводов, отраженных прежде всего в паннонских памятниках (Зографский, Мариниуский, Ассеманов Кодекс и др.). Церковнославянский, по мнению Фортунатова, представлен в русской, сербской и болгарской редакциях. При этом, подчеркивал он, старославянский язык — не родоначальник, а лишь «старший брат славянских языков» [1, т. 2, с. 7].

Курс фонетики старославянского языка был своеобразным введением в сравнительно-историческую грамматику славянских языков и историю праславянского («общеславянского») языка. Внутренним содержанием курса сравнительной фонетики индоевропейских языков фактически является процесс перехода от «общиндоевропейского» (праиндоевропейского) к праславянскому состоянию. На протяжении многих десятилетий конца XIX и начала XX в. научные достижения Фортунатова играли решающую роль в реконструкции праславянского языка [4]. Фортунатова и следует считать основоположником науки о праславянском языке.

Многочисленные ученики Фортунатова в России (А. А. Шахматов, А. И. Соболевский, М. М. Покровский и Б. М. Ляпунов, А. И. Томсон, В. К. Поржезинский, Д. Н. Ушаков, А. М. Пешковский, Н. Н. Дурново, Г. К. Ульянов, В. Н. Щепкин, Е. Ф. Будде и Р. Ф. Брадт, С. М. Кульбакин, В. А. Погорелов, М. Г. Долобко и др.) детально разрабатывали фундаментальные положения своего учителя. Круг его учеников далеко выходил за пределы нашей страны. У него учились О. Брок (Норвегия), А. Белич (Сербия), Э. Бернекер (Германия), Н. Ван-Вейк (Голландия), Х. П. Педерсен (Дания), Т. Торбьернсон (Швеция), Ф. Солмисен (Германия), И. Миккола (Финляндия), И. Богдан (Румыния), М. Мурко (Чехия) и др. «Цвет лингвистической мысли, — по словам С. П. Обнорского, — шел от школы „московской“, от школы Фортунатова» [5].

Возвращаясь к себе на родину, они организовывали своеобразные филиалы фортунатовской школы, научные центры славянского и общего языкознания. По свидетельству современников, Фортунатов стремился формировать у своих учеников лингвистическое мировоззрение, способность вырабатывать собственное мнение. Не догматические постулаты, а общность четких научно-этических принципов объединяла международное содружество ученых, к которому примыкали и выдающиеся лингвисты, получившие образование вне школы Фортунатова (В. И. Ягич, А. М. Селищев, Г. А. Ильинский, Е. Д. Поливанов и др.). Так называемая формальная школа занимала главенствующее положение в отечественном языкознании (компаративистика и общая теория языка, славистика, русистика и др.) вплоть до 30-х годов XX в., оказав существенное влияние на развитие отечественного и зарубежного языкознания [4].

Развивая идеи Фортунатова, его ученики добились выдающихся успехов в области реконструкции праславянского (Поржезинский, Миккола, Торбьернсон, Белич, Кульбакин и др.) и древнерусского языка (Шахматов, Дурново и др.). Разработка приемов относительной хронологии (Педерсен и др.) позволила подвести важнейшие фонетические процессы праславянского языка под две основные тенденции (Ван-Вейк и др.). Ученики Фортунатова заложили основы праславянской акцентологии (Шахматов, Долобко, Кульбакин, Ван-Вейк и др.), праславянской морфологии (Поржезинский, Ульянов, Ляпунов и др.) и лексикологии (этимологический

словарь Бернекера). На этом фундаменте построено современное здание науки о праславянском языке как наиболее продвинутый раздел индоевропеистики. По свидетельству Х. Бирнбаума [6], в области реконструкции праязыка слависты достигли выдающихся результатов, каких не знает ни одна ветвь сравнительно-исторического языкознания.

Дальнейшая разработка и реализация фортунатовских принципов издания и анализа памятников письменности (Щепкин, Кульбакин, Ильинский, А. И. Яцимирский и др.) привела к требованию строго разграничивать не только звук и букву, но и графику и орфографию, орфоэпию (идея Дурново о специфике книжного произношения) и лишь затем — собственно фонетику как отражение говора писца, постоянного взаимодействия «книжного наречия» и живых диалектов (Шахматов).

Живая народная речь всегда была в центре внимания ученых фортунатовского направления (Шахматов, Брок, Будде и др.). Они были инициаторами систематического сбора диалектных данных, им принадлежит первый образец системного описания отдельного говора (Дурново) и первый опыт диалектологической карты восточнославянских языков (Ушаков и др.). О. Брок, тщательно изучив живое произношение славян, представил первое систематическое описание фонетики славянских языков и наречий.

С 1903 г. организационным центром Московской школы фактически стала Московская диалектологическая комиссия, где обсуждались конкретные исследования и широкий круг проблем общелингвистической значимости. Здесь делали первые шаги в науку ученики учеников Фортунатова (Р. О. Якобсон, Н. Ф. Яковлев, Н. С. Трубецкой, Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров и др.), заложившие основы фонологии.

Углубляя учение Фортунатова об «общественных союзах» как социальном субстрате языкового дробления либо схождения, Трубецкой ввел разграничение двух типов языковых групп: языковые семейства и языковые союзы. Тем самым была преодолена антиномия «родословного древа» и теории волн.

Теория Фортунатова «о форме слова как результате „живых соотношений“» положила начало разграничения форм словоизменения и словообразования, учения о грамматических категориях и разрядах слов, учения о частях речи при строгом разграничении внешней и внутренней формы (значения и его формального выражения). Все это стало фундаментом современной морфологии, оформившейся в самостоятельную научную дисциплину усилиями ученых фортунатовского направления (Шахматов, Дурново, С. Карцевский, Г. О. Винокур, В. В. Виноградов и др.). Морфологический критерий строения слова положен Фортунатовым в основу типологической классификации языков, пронизанной идеей динамизма и хронологической иерархии (языки изолирующие или корневые, агглютинирующие, флективные). Формальные классы слов, по Фортунатову, не универсальны, не раз навсегда заданы, а различны в разных языках на разных этапах их развития.

Учение Фортунатова о форме словосочетания и способах связи между его членами стало фундаментом современного синтаксиса, теоретические основы которого успешно разрабатывались Шахматовым, Пешковским, М. Н. Петерсоном и др.

Разграничение внутренней и внешней (содержательной и звуковой) форм слова, идея о взаимосвязи между словами отдельного языка, между семантической и морфологической формами слова, а также представление о материальности языкового знака стали фундаментом семасиологии, оформившейся в самостоятельную научную дисциплину в трудах учеников Фортунатова (Покровский и его ученики). В противовес западноевропейской лингвистике, отрицавшей возможность уловить закономерность в истории значения слов, сложилась семасиология как учение о строгих законах семантических сдвигов, вскрыть которые возможно лишь при изучении связей данного слова с другими словами того же языка (синонимия, семантическое поле, морфологическое оформление) и с историей общества.

В последние годы жизни академик Фортунатов «дирижировал» подго-

товкой реформы русской орфографии. С 1904 г. он был целиком поглощен разработкой теоретических основ и принципов орфографии вообще. Дискуссия по проблемам русской орфографии (конец XIX — начало XX в.) сконцентрировала огромный научный потенциал на проблемах взаимоотношения между письменной и устной формой языка, между языком и речью, между буквой и звуком, между буквой и ... графемой, звуком и ... фонемой, буквой и ... фонемой. В дискуссии приняли участие А. А. Шахматов, Ф. Е. Корш, И. А. Бодуэн де Куртене и др.

Анализ требований к орфографии, сформулированных в 1904 г. Фортунатовым, и первичный Проект (май 1904 г.) свидетельствуют о том, что создатель морфологии выдвигал в качестве основного принципа скорее фонологический, как теперь бы сказали, нежели морфологический принцип, зачастую вопреки требованиям последнего. Так, по Фортунатову, «орфография должна иметь опору в фактах современного языка» [7]. Усиление морфологического принципа в окончательном тексте реформы 1917 г. произошло уже после смерти Ф. Ф. Фортунатова.

Идея Фортунатова о всеобщей связанности элементов языка нацеливала на поиск системообразующих связей в фонологической системе (Дурново, Трубецкой и др.). Относительная хронология, основанная на положении о взаимосвязи параметров фонетических законов, стимулировала создание диахронической фонологии. Это и позволило высказать идею о том, что «и диахрония системна», сняв антиномию Соссюра, утверждавшего системность и взаимосвязь элементов лишь для синхронии [8].

Сосредоточив усилия на историческом аспекте изучения языков, главным образом, славянских, строго разграничивая диахронию и синхронию, школа Фортунатова постепенно включала в сферу своих интересов проблемы синхронии. Шахматов ввел в практику университетской науки курс современного (русского) языка, описание языка в синхронном аспекте.

Фортунатов еще на первом совещании преподавателей (1889) сформулировал задачу и наметил пути сближения школьной и научной грамматики с целью совершенствования преподавания родного (русского) языка в школе. Первый Международный съезд славистов (1929) рекомендовал «Синтаксис» Пешковского в качестве образца школьного пособия по родному (славянскому) языку. Десятки изданий выдержали учебники русского языка Петерсона, Ушакова, Аванесова, Б. А. Шапиро и др.

Фортунатов создал целостную систему лингвистического образования, введя в практику вузовского преподавания теоретические курсы общего и сравнительного языкознания, спецкурсы по санскриту, готскому и литовскому языкам. Его последователи создали ряд оригинальных пособий по введению в языковедение (Томсон, Поржезинский, Ушаков, А. А. Реформатский и др.). Уточнение предмета языкознания и его отдельных разделов привело к разграничению фонетики и фонологии (Трубецкой и др.), сравнительной грамматики славянских языков и грамматики общеславянского (праславянского) языка (Поржезинский, Миккола и др.), исторической грамматики и истории литературного языка (Виноградов и др.). Тенденция к уточнению и систематизации понятийного аппарата языкознания проявилась в создании первого в истории науки словаря лингвистических терминов (Дурново) [9].

Идеи и методы лингвистической науки, предложенные Фортунатовым и его школой, будучи апробированными на материале русского и славянских языков, были перенесены в финноугроведение (Д. Бубрих и др.), тюркологию (Н. К. Дмитриев и др.), кавказоведение (Трубецкой, Яковлев и др.), германистику (А. И. Смирницкий и др.). Фундаментальные положения Московской школы сыграли существенную роль в создании пражской (В. Матезиус, Якобсон и др.) и копенгагенской (Л. Ельмслев и др.) лингвистической концепции, а также и массачусетской ветви американского структурализма (Якобсон и его ученики — М. Халле, Э. Станкевич, Г. Лант и др.).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фортунанов К. Ф.* Избранные труды. Т. 1—2. М., 1956—1957.
2. *Петерсон М. Н.* Фортунанов и Московская лингвистическая школа.— Уч. зап. МГУ, 1946, вып. 107.
3. *Гаспаров Б. М.* Лингвистическая концепция Московской школы и проблемы структурного описания языка.— Уч. зап. ТГУ, 1970, вып. 274.
4. *Бережин Ф. М.* Русское языкознание конца XIX — начала XX в. М., 1976.
5. *Обнорский С. П.* Итоги научного изучения русского языка.— Уч. зап. МГУ, 1946, вып. 106, с. 12.
6. *Birnbaum H.* Common Slavic. Progress and Problems in Its Reconstruction. Cambridge, 1975, p. 339.
7. *Чернышев В. Н.* Ф. Ф. Фортунанов и А. А. Шахматов — реформаторы русского правописания.— В кн.: А. А. Шахматов. Сборник статей и материалов. М.— Л., 1947, с. 176.
8. *Журавлев В. К.* Фортунанов и фонология.— В кн.: Сравнительно-типологические исследования. М., 1983.
9. *Дурново Н. Н.* Грамматический словарь (Грамматические и лингвистические термины). М., 1924.

КНИЖНАЯ ПОЛКА СЛАВЛСТА

Тодоров Д. Т. Балгарската етнография през Възраждането / БАН. Етногр. р-нт с музей. София, 1989, 224 с., 12 л. ил.

У крилу златна јабука: Антологија српских нар. приповедака, бајки и легенди / Приред. Божовић Р. Крушевац, 1988, 190 с.

Цветковић Т. Шалива народна приповетка Вука Караџића и Вука Врчевића: (Типолошки оглед). Нови Сад, 1988, 161 с.

Чурчић Л. Српске књиге и српски писци 18 века. Нови Сад, 1988, 346 с.

Юлиан Тувим: Библиографички указ. / Сост. и авт. вступ. ст. Базилевский А. Б.; отв. ред. Хорев В. А., Всесоюз. гос. б-ка иностр. лит. М., 1989, 208 с., ил., факс.

Matuszak G. Kryzysy społeczno-polityczne w procesie budowy socjalizmu w Polsce Ludowej. Warszawa, 1988. 465 s.

Michalski H. Andrzej Strug. Warszawa, 1988, 398, s., il.

Michalski R. Socjalizm a niepoległość w polskiej myśli socjalistycznej (1878—1918). Toruń, 1988, 197 s.

Miklaszewska J. Antyutopia w literaturze Młodej Polski. Wrocław, etc., 1988, 234 s.

Mikołajczyk M. Problematyka dialogu chrześcijańsko-marksistowskiego w literaturze polskiej: Bibliografia publikacji za lata 1945—1985. Warszawa, 1988, 195 s.

Nasza przeszłość: Studia z dziejów Kościoła i kultury katolickiej w Polsce / Red. nac. Dukała J. Kraków, 1988, 319 s.

Nowakowski S. Miasto polskie w okresie powojennym. Warszawa, 1988, 459 s.

Odrodzenie i reformacja w Polsce / PAN. Inst. historii; Kom. red. Tazbir J. et al. Wrocław etc., 1988. T. 33, 297 s.

Okoń W. Sztuka i narracja: O narracji wizualnej w malarstwie polskim II połowy XIX wieku. Wrocław, 1988, 136 s.

Ożóg J. Katalog Poloników XVI w. Biblioteki uniwersyteckiej we Wrocławiu. Wrocław, 1988. T. I. Katalog. Cz. I. A—K, 359 s.

Parczewski M. Początki kultury wczesnośląskiej w Polsce. Krytyka i datowanie źródeł archeol. Wrocław etc., 1988, 300 s., il.

Pilarczyk Z. Obronność Poznania w latach 1253—1793. Warszawa; Poznań, 1988, 258 s., il.

Podług nieba i zwyczaju polskiego: Studia z historii architektury, sztuki i kultury ofiarowane Adamowi Miłobędzkiemu / Kom. red. Bania Z. et al. Warszawa, 1988, 685 s., il.

СООБЩЕНИЯ

НИКИФОРОВ К. В., ПИМОНЕНКО И. С.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА СОЦИАЛИЗМА В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

В центре внимания участников международной конференции, состоявшейся в Институте славяноведения и балканистики АН СССР (ИСБ) 22—24 ноября 1988 г., находились вопросы изучения политической системы и идеологических процессов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы и СССР в переходный период от капитализма к социализму. В ее работе приняли участие ученые-обществоведы НРБ, ВНР, ГДР, ПНР, ЧССР, а также советские историки из уже упомянутого института и институтов истории СССР АН СССР, истории АН Литовской ССР, истории АН Латвийской ССР, информации по общественным наукам АН СССР (ИНИОН) и Московского государственного историко-архивного института (МГИАИ).

Конференция была четвертым по счету совместным заседанием (предыдущие проводились в 1985—1987 гг. в Праге и Москве и были посвящены проблемам изучения историографии и социально-классовой структуры переходного от капитализма к социализму общества) в рамках целевого проекта многостороннего международного сотрудничества на 1986—1990 гг. ученых ИСБ и Института истории СССР АН СССР с обществоведами братских стран.

Широкие рамки обсуждавшейся тематики, а также представительный состав участников позволили заслушать и обсудить на конференции 25 докладов и сообщений, ряд ученых выступили в прениях. Затрагивалась проблематика от народно-демократического развития стран региона, складывания многопартийной системы или ее трансформации в однопартийную систему — до осуществления экономических и политических реформ 60-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, эволюции роли коммунистической партии в ходе социалистического строительства, развития самоуправления. Открыл конференцию директор Института славяноведения и балканистики АН СССР д-р ист. наук В. К. Волков.

Выступления советских историков, посвященные формированию политической системы в СССР в 20—30-е годы и в начале 40-х годов (в советских прибалтийских республиках), были сосредоточены главным образом на анализе ключевых факторов, приведших к постепенному отходу от ленинской концепции социалистического строительства, а затем — и к полному ее демонтажу в соответствии с постулатами И. В. Сталина и его ближайшего окружения. Эти выступления перекликались с рядом докладов как советских, так и зарубежных ученых, в которых получили освещение

Никифоров Константин Владимирович — канд. ист. наук, научный сотрудник ИСБ.

Пимоненко Игорь Семенович — канд. ист. наук, научный сотрудник ИСБ.

проблемы становления и функционирования строя народной демократии и его политической системы в странах региона во второй половине 40-х годов. Были затронуты вопросы о роли внутреннего и внешнего факторов в ходе осуществления народно-демократических революций, об «экспорте» сталинской модели и распространении ее «внутренними» носителями на политические и идеологические структуры стран народной демократии в начале 50-х годов и др.

В докладе «Политическая система СССР в переходный период» д-р ист. наук Т. П. Коржихина (МГИАИ) отметила, в частности, что политическая система обществ, строящих социализм, является переходной, а потому должна рассматриваться как некапиталистическая, при этом не исключается возможность ее постепенного перерастания в социалистическую. Из трех качеств советской политической системы — власть трудящихся, для трудящихся, через трудящихся — первые два являются постоянными ее характеристиками, а третье, как выяснилось, величина переменная. Выделяя поэтому в качестве критерия классификации этапов, через которые прошла в своем развитии советская политическая система, степень и место участия трудящихся в управлении государством, Т. П. Коржихина предложила следующую периодизацию: 1917 г. — начало 20-х годов, начало — конец 20-х годов, начало 30-х — середина 50-х годов.

Характеризуя каждый из этапов, докладчик подчеркнула, что с конца 20-х годов демократические институты государственного управления начинают подменяться административно-командной системой управления на основе сращивания партийного и государственного аппаратов и личной власти Сталина, системой «с глубокими репрессивно-бюрократическими деформациями в рамках формально демократических институтов». Это было обусловлено рядом причин: неверными решениями при выборе путей развития экономики; острейшей внутривластной борьбой, когда большинство пошло не за теми, за кем была истина, а за теми, за кем была сила. В результате происходила узурпация власти сначала узким кругом партийных верхов, а затем одним человеком.

Т. П. Коржихина отметила, что ни политическая теория, ни конституции (1924 и 1936 гг.) не предполагали административного вмешательства партийных органов в решение текущих проблем управления государственными делами. Однако уже с середины 20-х годов на практике происходило дублирование партийными органами функций государственного управления, подмена ими исполнительных, законодательных, а нередко и судебных органов. Сложилась парадоксальная ситуация: из организации, коллективно вырабатывающей решения, партия все больше превращалась в организацию, проводящую решения, принятые «наверху». Коллективное руководство заменялось единоличным (на всех уровнях — от высшего до низового), но при формальном соблюдении демократических процедур. Таким образом, демократизм Советов был сведен к формальным процедурам и они были подчинены исполнительным органам. Если на начальном этапе Советы представляли собой власть для трудящихся через передовой слой пролетариата, то затем они стали властью для трудящихся через партийно-государственных функционеров. Существенные перемены в этот период произошли и с общественными организациями, которые сохранили демократический фасад, а по существу превратились в «приводные ремни» партийно-государственной бюрократии. Построенное общество, по мнению Т. П. Коржихиной, можно отнести к ранним незрелым формам социализма, да еще отягощенным деформациями («откат с потерей качества»).

В выступлении канд. ист. наук Г. Б. Куликовой (Ин-т истории СССР АН СССР) «Закономерности и этапы формирования политической системы переходного периода в СССР» большое место также было уделено характеристике политической системы советского общества в 20—30-е годы, ее периодизации, вопросам осуществления роли коммунистической партии в начале 20-х годов и позднее, когда (по выражению докладчика) процесс поступательного развития демократии «захлебнулся». История переходного периода в СССР, отметила Г. Б. Куликова, показывает неразрывную

связь между строительством социализма и демократизацией общества и наоборот. В 20-е годы наблюдался противоречивый характер развития политической системы в СССР: наряду с робкими попытками оживления деятельности Советов все большую силу набирал повсеместный процесс свертывания демократии. После гражданской войны меры по демократизации политической и всей общественной жизни предпринимали в основном в городе. В то же время шло постоянное сращивание партийного и государственного аппарата, то есть «совдепия» превращалась в «исполкомью». Происходил быстрый рост бюрократического аппарата, объективно подталкиваемый реальными трудностями (в том числе низким культурным и образовательным уровнем населения).

С конца 20-х годов ленинский план развития политической системы заменяется сталинским. Победило и сталинское понимание роли партии («командный штаб»), а репрессии стали восприниматься как необходимый элемент наступления, то есть чрезвычайная ситуация не только была узаконена, но и рассматривалась уже чуть ли не в качестве идеала общественного устройства. Таким образом, подчеркнула Г. Б. Куликова, потенциал социализма реализован не был.

Канд. ист. наук М. Н. Кузьмин (ИСБ) в своем докладе подверг сомнению распространенный тезис о среднеразвитости России с точки зрения социально-культурных (образовательных) характеристик населения на момент совершения Октябрьской революции. Даже сейчас, отметил докладчик, мы находимся на 42 месте в мире по образованности по данным ЮНЕСКО. Поэтому, считает он, была обречена на неудачу проводимая в жизнь до весны 1921 г. попытка непосредственного включения этого населения в социализм. Затем В. И. Лениным была разработана концепция перехода к социализму методом опосредованным, постепенным, в несколько этапов. Такие мероприятия как индустриализация, кооперативный план и план культурной революции, вытекали из уровня культурного развития населения и являлись задачами не социалистического, а демократического (или общедемократического) характера. Они решались и решаются в переходный период наряду с собственно социалистическими задачами.

Отвечая на вопрос, являлось ли неизбежным возникновение административной системы при таком «стартовом» уровне образованности, М. Н. Кузьмин указал, что аргументы Г. В. Плеханова, Н. Суханова, К. Каутского и других имели основание, что бюрократия и крестьянство как класс-сословие взаимосвязаны и взаимодополняемы и представляют собой объективную базу для такой системы. Однако нельзя забывать, что был также и сознательный курс на свертывание нэпа.

По мнению докладчика, с изменением социальной структуры населения должны меняться его культурные характеристики, это — двуединый процесс. Однако сталинский подход к культурной революции данный процесс разорвал, утвердилось понимание культурной революции только как чисто просветительской меры.

Тема складывания советской государственно-бюрократической модели в 20—30-е годы, влияния сталинских установок по вопросам политического развития на решения, принимавшиеся в странах народной демократии во второй половине 40-х — начале 50-х годов, прозвучала в докладе канд. ист. наук Т. В. Волокитиной (ИСБ) «Государство в политической системе переходного периода». Подчеркивалось, в частности, что вопреки ленинскому представлению об отмирании государства, о его постепенном перерастании при социализме в самоуправление народа, получила распространение, а затем и заняла господствующие позиции сталинская концепция всемерного укрепления государственной власти, безусловного подчинения личных и коллективных интересов интересам социалистического государства.

Важное место в докладе заняла проблема места и роли коммунистической партии в политической системе, ее корреляции с другими элементами политической организации. Была поднята проблема восприятия советской модели государственного строительства в странах региона. Отмечено, что советская модель наиболее охотно воспринималась менее развитыми

странами, представляла как своего рода идеальная, обеспечивавшая «подчиняемость» общества новой государственной власти и самоутверждение политического режима, разрывавшего с вековой отсталостью. Вместе с тем, подчеркнула докладчик, назрела необходимость определить причины, по которым советская модель утвердилась в таких развитых странах, как Чехословакия и ГДР. Видимо, неправомерно все причины сводить только к внешнему фактору.

Т. В. Волокитина рассмотрела тенденции развития государства в странах региона в переходный период. Применительно к периоду с конца 40-х и в 50-е годы констатировалось, что имели место такие негативные явления, как разрыв между демократическими конституционными нормами и реальной командной практикой государственной жизни; приоритет исполнительной власти над законодательной, которая была лишена реальных прав контроля за деятельностью правительственных органов; отсутствие во многих случаях опоры на конституционные нормы в текущем законодательстве и прочее. В связи со всем этим в настоящее время перед социалистическими странами встала задача создания правового государства.

В выступлениях историков из Прибалтики было подчеркнуто, что политическая система прибалтийских республик после их присоединения к СССР формировалась под грубым антиконституционным нажимом из центра и восприняла все основные черты репрессивной сталинской системы.

В докладе канд. ист. наук Д. Блейере и канд. ист. наук И. Шнейдере (Ин-т истории АН Латв. ССР) отмечалось, что после падения правительства К. Ульманиса в Латвии ожидали демократизацию государственного устройства. Кроме того, в условиях, когда уже шла война, население республики было настроено прорусски (просоветски), выступило даже за социализм, хотя и не всегда в составе СССР. Однако деятельность Коммунистической партии Латвии была сразу же подчинена А. Я. Вышинскому, а после вхождения республики в СССР на нее автоматически были перенесены административно-командные методы, сформировавшиеся уже на остальной территории Советского Союза. Социальная база новой власти резко сократилась в связи с массовыми депортациями, роспуском Рабочей гвардии, подавлением всех общественных организаций. Национальные кадры старого государственного аппарата заменялись наводнившими республику «новыми кадрами», контролировавшимися охранно-репрессивными органами НКВД. Была создана также мощная система политического просвещения для распространения сталинских догм.

На процесс сталинизации Прибалтики обратил внимание в своем докладе д-р ист. наук Т. Шаджюс (Ин-т истории АН Лит. ССР). Он подразделяет этот процесс на несколько этапов. Первый — с 1939 г., когда после советско-германских соглашений Прибалтика стала сферой влияния Советского Союза. Второй — с 1940 г. после предъявления республикам Прибалтики ультимативных нот Советского Союза и направления туда специальных эмиссаров. Конкретно в Литву был послан В. Г. Деканозов — подручный «железного наркома» Л. П. Берия. Революционной ситуации в республике не было, компартия находилась в подполье. Кроме двух альтернативных решений — вхождение в состав СССР или захват фашистской Германией — тогда для Прибалтики, по мнению докладчика, существовал и третий путь — союз с Советским Союзом, но без вхождения в его состав. Тем более, что после ввода в Литву частей Красной Армии представители СССР запретили даже компартии вести агитацию против своего буржуазного правительства. Однако с 24 июля 1940 г. политика Сталина и Молотова изменилась, и третий путь стал невозможен.

На вопросах о судьбах литовской интеллигенции остановился канд. ист. наук А. Гарляускас (Ин-т истории АН Лит. ССР). Он поддержал тезис о том, что после ввода войск Красной Армии в 1940 г. альтернативный путь развития Литвы еще существовал. Правительство отражало интересы народа, в него входили и представители демократических кругов, интеллигенция. Большинство населения республики это правительство поддерживало. Затем начался процесс подавления демократических прав и

свобод, произвол и репрессии. Особенно сильно это ударило по интеллигенции. Специалистов арестовывали только за то, что они работали до 1940 г. в буржуазных государственных учреждениях. Гонения на интеллигенцию продолжались и после войны, усилившиеся в связи с известным постановлением о журналах «Звезда» и «Ленинград».

О влиянии сталинских установок на политическое и идеологическое развитие в странах народной демократии шла речь и в выступлениях ученых из социалистических стран. Так, в докладе канд. ист. наук Р. Богдановой (Ин-т истории БАН) «Идеологическая система народной демократии (из опыта НРБ)» отмечалось, что эта система в Болгарии не была статичной, а прошла ряд этапов и зависела от конкретной политики компартии. Идеологией же БКП был заимствованный у СССР сталинизм, о чем свидетельствовало, например, и неоднократное переиздание в Болгарии в 40-х годах «Краткого курса истории ВКП(б)». В целом политика БКП в то время была ориентирована на ограничение идеологического и политического плюрализма.

Р. Богданова поставила ряд проблем, которые до последнего времени относились к числу «деликатных» и сегодня нуждаются в серьезном анализе: соотношение идеологии и политики в практике народной демократии; понимание творческого марксизма в 40-х годах; соотношение между теоретической моделью пути к социализму и реальной практикой; переоценка тезиса о созревании революционной ситуации в странах народной демократии; роль внешнего и внутреннего факторов в развитии народно-демократических революций. Касаясь, в частности, вопроса, почему в Болгарии после 9 сентября буржуазная демократия была лишена перспектив в политическом отношении, исследовательница отметила, что при анализе революционной ситуации (как считает и ряд ученых СССР) необходимо значительно больше, чем раньше, учитывать присутствие советских войск в стране, деятельность СКК и достигнутые договоренности между великими державами о политике в этом регионе. Объективных внутренних предпосылок для социалистической революции в Болгарии, по мнению Р. Богдановой, не было; революции благоприятствовал внешний фактор.

Другой представитель Болгарии канд. ист. наук А. Иванов (Ин-т истории БКП при ЦК БКП) рассмотрел вопрос о влиянии сектантско-догматического «поворота 1948 г.», вызванного резолюцией Информбюро «О положении в коммунистической партии Югославии», на дальнейшее развитие НРБ. В основу «поворота» легла трансформация тезиса Г. Димитрова о народной демократии, исполняющей функции диктатуры пролетариата, в тезис о народной демократии как форме этой диктатуры. С 1948 г. стал форсированно осуществляться переход к сталинской модели социализма, сопровождавшийся отказом от демократических институтов, существовавших в предыдущий период в условиях народной демократии. В целом, как считает А. Иванов, до 1948 г. элементов социализма в Болгарии было больше, так как не было такого отчуждения трудящихся от государственной и кооперативной собственности и результатов своего труда, существовала свобода выборов директоров, контроль над деятельностью «верхов», «низы» имели больше политических прав. После 1948 г. развернулась узурпация власти формирующейся бюрократией. Поворот 1948 г., как считает докладчик, носил ярко выраженный левацкий и мелкобуржуазный характер. Это не только переворот сверху: помимо люмпен-пролетариата довольно широкие слои поддерживали переход к единовластию коммунистов, шельмованию их вчерашних союзников, идеологической и политической унификации в теории и практике строящегося социализма. Тем более, что под социализмом тогда понимали именно сталинскую модель.

В докладе проф. И. Виды (Ин-т истории ВАН) «Проблемы прямой демократии в политической жизни Венгрии» была предложена периодизация венгерской истории 40-х годов в зависимости от развития (или свертывания) различных форм демократии. С осени 1944 г. по лето 1945 г. развивались прежде всего органы прямой (непосредственной) демократии.

Затем с лета 1945 г. по осень 1947 г. прямая демократия упразднилась и развивалась только косвенная (т. е. представительная и прямая демократия разошлись). Непосредственная конституционная роль народа не осуществлялась. Наконец, с осени 1947 г. по весну 1949 г. вследствие догматического использования правящей партией марксизма и опыта СССР в Венгрии происходит полная ликвидация всех форм демократии. Проводником этого курса стала сектантская группа Ракоши — Герё.

О «схоластическом понимании социализма», недооценке конкретных специфических условий, отступлении от традиций широкого народного фронта, механическом заимствовании советского опыта с его деформациями, «черно-белом» видении ситуации в Чехословакии после февраля 1948 г. говорилось в докладе д-ра ист. наук Я. Млынскогo (Ин-т славяноведения, Брно). По его мнению, сразу же после войны советская политика в Чехословакии была направлена прежде всего на недопущение гражданской войны, на собиpание революционных сил и т. д. Специфический путь Чехословакии к социализму рассматривался чехословацкими коммунистами как реальность. Я. Млынскй отметил, что усиление командно-бюрократической системы стало нарастать в Чехословакии со второй половины 1948 г., тогда же в рядах партии получила распространение сталинская теория усиления классово́й борьбы по мере строительства социализма. После февраля 1948 г., когда установилась диктатура пролетариата (хотя в литературе долгое время об этом не упоминалось), в Чехословакии еще ставился вопрос о собственном, «чехословацком», пути в социализм. На изменение позиции тогдашнего руководства КПЧ большое воздействие оказали сталинские установки и резолюции Информбюро. Политика в духе широкого Национального фронта стала постепенно сходить на нет. Некоммунистические партии были вытеснены из активной политической жизни страны. Деятельность общественных организаций — формализована. Вместо контроля снизу стало процветать администрирование.

В начале 1950-х годов в Чехословакии было сфабриковано дело об «угрозе» словацкого национализма». Рост сектантских тенденций в КПЧ ознаменовался заявлением К. Готвальда в 1953 г. о том, что народная демократия — это низшая форма диктатуры пролетариата, а также о необходимости достижения ее высшей формы, под которой подразумевалась сталинская модель.

О формах и методах осуществления руководящей роли компартии говорил в своем выступлении канд. ист. наук, Я. Шулич (Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПС, Братислава). Он, в частности, отмечал, что, хотя рабочий класс под руководством КПЧ и осуществлял свою диктатуру, до 1953 г. это нигде не провозглашалось. Нигде не говорилось и о руководящей роли КПЧ. Ничто не изменилось даже после февраля 1948 г., когда некоммунистические партии, которые остались в Национальном фронте, фактически признали руководящую роль компартии, хотя идеологически с коммунистами себя не отождествляли. Дело в том, что в то время КПЧ старалась заручиться поддержкой большинства народа, укрепить свою связь с массами. Однако вскоре стали усиливаться сектантско-левацкие настроения, и руководящая роль партии стала отождествляться с командными методами, которые в начале 50-х годов трансформировались в целостную систему.

Т. И. Комкова (ИСБ) остановилась на функционировании Национального фронта в Чехословакии, который был призван укрепить союз между трудящимися города и деревни. Однако на практике поиски конкретных форм его деятельности оказались делом весьма сложным. Сказывалась и определенная недооценка Национального фронта со стороны КПЧ, что в значительной мере вело к ослаблению ее связи с массовыми организациями.

Доклад канд. ист. наук П. Вошагликовой и И. Коциана (Ин-т чехословацкой и всеобщей истории ЧСАН) был посвящен судьбе некоммунистических партий Чехословакии после февраля 1948 г. Эти партии сохранились и после 1948 г., хотя в КПЧ существовали взгляды, что они должны исчезнуть. Более того, само руководство некоммунистических партий

иногда выступало за самороспуск, за слияние с КПЧ. Все же, несмотря на то, что численный состав партий заметно уменьшился, они оставались формальными субъектами политической системы Чехословакии на протяжении всего переходного периода. Признав руководящую роль компартии, они участвовали в социалистическом строительстве в качестве союзников, даже если их представления о социализме и путях его построения существенно отличались от взглядов КПЧ. Социальной базой этих партий были непролетарские слои города и деревни. Резко повысился интерес к некоммунистическим партиям в связи с событиями 1968 г. Затем он опять упал. По мнению чехословацких ученых, этот интерес может опять возрасти в связи с успешным ходом современных реформ в ЧССР.

В докладе канд. ист. наук С. Милановой (Ин-т истории БАН) «Парламент и революционный процесс в Болгарии (1945—1949 гг.)» были проанализированы основные направления деятельности болгарского парламента, определена четко обозначившаяся тенденция сужения его влияния на политическую жизнь страны. На внешнеполитической деятельности Болгарии остановился проф. А. Наков (Ин-т истории БАН). По мнению докладчика, к 50-м годам в основном складываются три принципа внешней политики Болгарии: социалистический интернационализм; солидарность и поддержка народов, отстаивающих свою свободу, социальный прогресс и т. д. и мирное сосуществование с капиталистическими странами.

В выступлении ученых из ГДР канд. ист. наук Э. Шерстяной и канд. ист. наук Й. Черны (Цент. ин-т истории, Берлин) «Народный контроль в советской оккупационной зоне Германии в 1947—1949 гг.» речь шла о постепенном становлении в этой части Германии органов народного управления и контроля. В их задачи входили прежде всего хозяйственные функции, борьба с черным рынком и т. п. Контроль являлся также средством укрепления союза рабочего класса с другими слоями общества. В 1947—1949 гг. влияние советской догматической практики тех лет было незначительным. Однако к 1953 г. возникли трудности. Кризис 1953 г. не был попыткой фашистской контрреволюционной реставрации, как считали раньше. Причины нужно искать в экономических трудностях рабочего класса. Кризис удалось преодолеть только с помощью Советского Союза.

Канд. ист. наук К. Урбан (Ин-т истории партии при ЦК ВСРП) посвятил свой доклад политике компартии Венгрии в отношении интеллигенции. Жизненный уровень интеллигенции (особенно юристов и педагогов) заметно упал в годы войны и сразу после нее. Определенная стабилизация и рост численности интеллигенции начинаются с 1946 г. (прежде всего за счет увеличения количества инженеров в связи с курсом на форсированную индустриализацию). Одновременно наблюдается рост бюрократизации общества. К 1953 г. государственный аппарат вырос на 164%. Этот год, год смерти Сталина, характеризовался резким изменением отношения к интеллигенции. К ней стали проявлять больше внимания, лучше оценивать ее труд. Однако в результате борьбы двух группировок — Надя и Ракоши, после марта 1955 г. возобладал прежний подход.

Значительное внимание на конференции уделялось влиянию резолюций Информбюро 1948 и 1949 гг. на теорию и практику общественно-политического развития стран региона в конце 40-х — первой половине 50-х годов. Отмечалось, что этот вопрос требует тщательного изучения на базе расширения информационной основы. При этом выявились некоторые нюансы в подходе участников конференции. Ученые из ГДР, профессора Лейпцигского университета им. К. Маркса Э. Кальбе и Л. Берендт, оценивая значение совещания Информбюро в июне 1948 г., полагают, что, хотя после него возможности использования революционно-демократических форм перехода от капитализма к социализму — в теоретическом плане — были сокращены и упор делался на советский опыт, а политические последствия факта нападков на КПЮ были с самого начала негативными, дискуссия о формах перехода к социализму, закономерностях и особенностях социалистического строительства «дала и положительные результаты». Поэтому, по их мнению, видеть только ошибочность оценок Информбюро нельзя.

И. Вида заметил, что принятие резолюции Информбюро «О положении в коммунистической партии Югославии» стимулировало внедрение сталинской модели в Венгрии. По мнению канд. ист. наук М. Барновского (Ин-т истории САН) подобное происходило и в Чехословакии, где возник культ личности Готвальда, правда, не сравнимый со сталинским. Сталинская модель не только навязывалась извне, у нее была собственная социальная опора во всех странах. Поэтому, подчеркнул чехословацкий историк, даже после 1956 г. весьма трудно развивалось возвращение к ленинскому пониманию социализма. Другие участники конференции говорили о проблеме так называемых «югославского национализма» и «югославской агентуры», о репрессиях, коснувшихся целых социальных групп в странах народной демократии после 1948 г.

В докладе Э. Кальбе и Л. Берендта «Политическая организация и общество в переходный период от капитализма к социализму в европейском сравнении» был сформулирован ряд критериев, которые, по мнению историков из ГДР, могут быть положены в основу сравнения политической организации общества в СССР и в странах народной демократии. К ним относятся: определение гегемона и социальных движущих сил революции и революционного этапа; учет силы пролетариата и революционного рабочего движения, политической зрелости и влияния марксистско-ленинской рабочей партии на массы; политическая и социальная структура центральных и местных органов власти и ее изменение; классовый характер, военная сила и политическая позиция создающихся или существующих вооруженных сил; классовая сущность контрреволюционных сил, вес их политических и экономических позиций и их влияние на колеблющиеся слои населения; роль государственного и кооперативного секторов экономики и масштабы экономических преобразований; международное положение страны, находящейся в фазе революции или в процессе социалистического строительства. Изучение предложенных критериев в ходе революционных преобразований в различные периоды, в различных регионах и странах, считают докладчики, поможет лучше понять социализм «в его общих закономерностях и национальном многообразии».

В дискуссии, возникшей после доклада, отмечалось, в частности, что в предложенную типологизацию не вписывается, например, вопрос о руководящей роли партии в революции как обязательной закономерности, о чем свидетельствует, скажем, опыт Кубы; указывалось, что «традиционный» подход к закономерностям переходного периода не учитывает в достаточной степени необходимости диалектического использования опыта предшествующего («допереходного») развития.

Выступившая в прениях Т. П. Коржихина подчеркнула, что прежде, чем определять критерии переходного периода, необходимо разработать критерии социализма; лично ей представляется, что переходный период от капитализма к социализму в Советском Союзе еще не завершен. Канд. ист. наук Е. Ю. Гуськова (ИНИОН), касаясь развития политической системы в Югославии в послевоенный период, отметила, что одним из критериев социализма может быть только реальное народовластие. Поэтому осуществленная в СФРЮ попытка приблизить народ к управлению общественными делами имеет большое значение. Сами югославы, указала Е. Ю. Гуськова, считают, что у них продолжается переходный период от капитализма к социализму. Канд. ист. наук Ю. Ф. Зудинов (ИСБ) также подчеркнул, что в странах региона переходный период не завершен; говорить о его завершенности нельзя до тех пор, пока не заработают принципы народовластия.

Ряд выступлений на конференции был посвящен более позднему периоду в развитии социалистических стран. Ю. Ф. Зудинов в докладе «Социально-политические аспекты реформ 60-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» остановился на значении и уроках этих реформ, которые, по его мнению, далеко вышли за пределы чисто экономической сферы. Призванные стимулировать процессы демократизации, устранить чрезмерный централизм, администрирование в различных областях жизни общества, способствовать повышению благосостояния трудящихся, утверж-

дению социальной справедливости, реформы, однако, если брать в целом не достигли поставленных целей. Среди причин Ю. Ф. Зудинов выделил прежде всего то обстоятельство, что не были своевременно и соответствующим образом реформированы политическая система, методы управления, не обеспечено массовое и заинтересованное участие граждан, трудовых коллективов, низовых хозяйственных и территориальных единиц в осуществлении реформ. Демократия проиграла бюрократии, что привело к усилению негативных тенденций и явлений в экономической, социально-политической и морально-правственной сферах.

Докладчик отметил, что административно-командные методы, бюрократический аппарат продемонстрировали свою большую живучесть и великую способность приспосабливаться к самым радикальным лозунгам и политическим установкам. В этом состоит главный урок реформ 60-х годов, который необходимо учитывать при осуществлении нынешнего курса на качественное обновление социализма. Отвечая на вопрос в ходе дискуссии, насколько были сильны тенденции к новой модели в социалистических странах в период осуществления реформ 60-х годов, Ю. Ф. Зудинов высказал мнение, что в рамках тенденции к новой модели — альтернативной сталинской — дальше всех продвинулась Венгрия, что связано, видимо, с учетом венгерским руководством уроков 1956 г.

Тема демократизации управления общественными делами в ходе социалистического строительства нашла отражение в докладе канд. ист. наук К. В. Никифорова (ИСБ), который, в частности, остановился на трактовке понятия «самоуправление» в Югославии и Советском Союзе. В югославской исторической и политической литературе проблема самоуправления неразрывно связана с общей концепцией переходного от капитализма к коммунизму периода (социализм в качестве определенного рубежа, как правило, не выделяется). При построении нового общества югославские ученые фиксируют определенные фазы развития: административную, когда господствует государственный социализм, и самоуправленческую. Считается, что все социалистические страны, кроме Югославии, задержались на этапе построения государственного социализма. Как попытки преодоления этой низшей, по существу, еще несоциалистической фазы развития оцениваются кризисы и попытки реформ в странах социализма, в том числе и перестройка в СССР.

Главными задачами перехода к самоуправлению признаются демократизация, деэтизация и децентрализация общества, которое должно функционировать в условиях развития товарно-денежных (рыночных) отношений. Другими словами, необходим отказ от сталинизма в теории и на практике. Критерием осуществления самоуправления является степень овладения непосредственными производителями средствами производства и всеми вновь создаваемыми ценностями. Разница между самоуправлением и государственным социализмом такая большая, что, по мнению югославских ученых, можно говорить о двух типах общественной (социалистической) системы.

В отличие от югославской концепции самоуправления, имеющей почти формационный характер, в советской теории под ныне реабилитированным понятием «социалистическое самоуправление» часто подразумевают лишь более широкое вовлечение трудящихся в принятие решений на всех уровнях. Причем считается, что самоуправление выступает не только в общественных, но и в государственных формах, т. е. государственные механизмы отождествляются с системой самоуправленческих отношений. Докладчик выразил сомнение в таком подходе, когда затушевывается принципиальная качественная разница между двумя — сталинской и демократической — моделями социалистического развития. На его взгляд, нельзя ограничиться механическим соединением элементов этактистской структуры с самоуправленческой. К сожалению, подчеркнул К. В. Никифоров, теоретические положения югославской концепции остаются нереализованными. Возникшая в ответ на догматическое понимание марксизма, она сама стала догмой, а созданные новые и названные самоуправленческими отношения оказались забюрократизированными.

В докладе канд. ист. наук И. С. Пимоненко (ИСБ) «Роль партии в условиях рабочего (общественного) самоуправления. Опыт Югославии. 1948—1974 гг.» отмечалось, что первые элементы изменения трактовки роли партии и принципов ее деятельности восходят к концу 1940-х — началу 1950-х годов, т. е. хронологически совпали с началом интенсивной разработки теории рабочего (позднее — общественного) самоуправления. В решении VI съезда СКЮ (1952) в общих чертах был определен новый подход к деятельности партии: провозглашалась переориентация с административных («оперативно-приказных») методов к преимущественно политическому и идейному влиянию; вводился ряд изменений в организационное устройство партии. Однако в дальнейшем курс на трансформацию роли партии осуществлялся непоследовательно; некоторые противоречивые с точки зрения ставившихся задач положения о роли СКЮ и принципах ее деятельности, а также отпор нововведениям со стороны недемонтированных в полной мере бюрократических структур, прежде всего сформировавшейся на разных уровнях унии руководства государственно-самоуправленческих органов и партии, привели фактически к консервации ряда прежних «дореформенных» методов и принципов. Под влиянием общественно-политического кризиса в Югославии на рубеже 60—70-х годов, усиления центробежных тенденций в республиках и краях в тот период, тенденций к федерализации в самом Союзе коммунистов, осуществление югославской концепции роли партии в том виде, в каком она существовала с 50-х годов, было фактически приостановлено в начале 70-х годов с «новым курсом» СКЮ.

И. С. Пимоненко подчеркнул, что «уроки» югославского опыта свидетельствуют о том, что демонтаж сталинской модели роли партии — сложный и противоречивый процесс, требующий не только выработки новых демократических принципов деятельности партии, практической проверки их эффективности, но и глубоких структурных изменений в процессах политического принятия решений и руководства общественными делами. Одной из нерешенных проблем, по его мнению, остается нахождение оптимальной формы согласования «импульсов» к демократии, обусловленных самой демократической направленностью идеи самоуправления, и стремлением к организующим началам, исходящим от правящей коммунистической партии.

Выступление магистра Р. Моравца (Ин-т социалистических стран ПАН) «Новые формы демократического контроля в ПНР» было посвящено главным образом рассмотрению роли, значения, функций Конституционного трибунала, действующего в Польше в настоящее время. В этой связи подчеркивалось, что учитывая опыт кризисного развития в стране в предыдущие годы и с целью воспрепятствовать трансформации конфликтной социально-политической ситуации в кровопролитные столкновения, был создан и механизм общественного референдума, рассматривающийся в ПНР как форма общественного контроля на высшем уровне власти. Обладая полномочиями относительно рассмотрения вопросов о соответствии постановлений и законов государственных органов Конституции страны, Конституционный трибунал в то же время не получил права отменять неконституционные решения и не рассматривает законы с точки зрения их соответствия международному праву. И все же этот орган представляет определенные конституционные гарантии осуществления законности на высшем уровне, подчеркнул Р. Моравец.

В своем докладе канд. ист. наук М. Б. Ешич (ИСБ) отметил, что в настоящее время, хотя и очень медленно, происходит преодоление традиционного в исторической науке взгляда, по которому культуре, духовной жизни общества приписывается не только «вторичность», но и роль некоего побочного продукта истории, мало воздействующего на ход развития исторических процессов. Вопрос культурности объективно приобретал огромное значение, когда та или иная страна вступала на путь строительства социализма. И вставал он как проблема не просто «просветительская», но и духовной (мировоззренческой, профессионально-трудовой, нравственной) подготовленности социальных классов и слоев к изменению

и экономической, и политической систем, и всего уклада и образа жизни. Всей этой проблематике изучения культуры как одного из движущих факторов развития общества, в том числе и социалистического, в исторической науке уделяется пока недостаточно внимания.

Докладчик остановился также на вопросе о действии закона неравномерности исторического развития стран и народов, который, по его мнению, продолжает действовать и в условиях социализма (социалистического строительства). Однако в нашей науке, в том числе и исторической, действию этого закона на ход событий и процессов в отдельных странах и во всем социалистическом содружестве не придавалось того значения, которое оно имеет. Необходима, во-первых, четкая типологизация стран по уровню их реальной «стартовой» основы для перехода к социализму, и, во-вторых, типологизация их по характеру экономических, социальных, политических и культурных процессов на каждом из этапов их дальнейшего развития после свержения власти эксплуататорских классов.

Выступившая в дискуссии канд. ист. наук И. В. Михутина (ИСБ) затронула проблему роли исторической традиции в формировании политических систем. Она подчеркнула, что революция 1917 г. означала бесповоротное отрицание того анахроничного авторитаризма в области государственной формы, каким был царизм. Однако на коротком временном отрезке невозможно было добиться радикальной перемены в формировании нового социально-психологического механизма взаимодействия государства и общества. Огромное большинство населения, не получившее при царизме навыков политического участия и опыта политического выбора, оказалось неподготовленным к активной роли в системе народной власти, какой призваны были стать Советы. Именно состояние неподготовленности общества к непосредственному участию в политических решениях, по ее мнению, питало централистские и командно-бюрократические тенденции государственной власти и образовало почву для авторитаризма сталинского образца. Нечто подобное наблюдалось в межвоенный период и в обладавших сходной с Россией традицией власти странах Центральной и Юго-Восточной Европы, где возникшие после первой мировой войны системы буржуазно-демократического типа не смогли закрепиться и в течение первого же десятилетия эволюционировали к государственному авторитаризму.

Канд. филос. наук В. Д. Кузнецовский (ИСБ) остановился на вопросе о формировании концепции политической системы социализма нового периода. Она, по его мнению, должна отвечать новому качественному состоянию социализма и прежде всего включать в себя теоретическую, концептуальную цель нашего движения. Важно при этом выяснить, что представляет собой новое качественное состояние социалистического общества? Является ли оно новым по отношению к нынешнему состоянию или — по отношению к концепции социализма, сформулированной в работах К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина?

Итоги работы конференции подвела руководитель целевого проекта д-р ист. наук А. Ф. Носкова (ИСБ). Она отметила, что заслушанные и обсужденные в ходе заседаний доклады носили сравнительно-типологический или углубленный страноведческий характер, позволили в какой-то мере сделать шаг вперед в изучении политической системы на разных этапах ее развития и в выявлении механизма государственной власти в обществе переходного периода от капитализма к социализму. При этом, как было подчеркнуто, усилия участников конференции сосредоточивались не на огульном охаивании происходивших процессов, а на выяснении реальных причин, обусловивших именно такой, а не иной ход развития. Отмечено в связи с этим, что многие проблемы, затрагивавшиеся на конференции и считавшиеся ранее достаточно исследованными, нуждаются в более глубоком и разностороннем изучении. Одной из них является, например, проблема союзнических партий.

Было принято решение провести очередное заседание участников целевого проекта в 1990 г. на тему «Теория социализма: концепции и реализация (вторая половина 40-х — первая половина 60-х годов)».

ЛИПАТОВ А. В.

ЛИТЕРАТУРА ПОЛЬСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ И РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ИДЕИ «ВЕКА РАЗУМА» (НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ УЧЕНЫХ ПНР)

Эпоха «интеллектуального переворота» (определение В. Смоленского) в Польше, будучи естественным продолжением национально-исторических процессов, в то же время немыслима вне идей, которые подготовили Великую французскую революцию. Заключительная фаза польского Просвещения не только отражала национально-политические свершения этой революции, но и непосредственно была с ними связана. Был пройден путь от польских отзвуков-переосмыслений Вольтера, Руссо, Дидро, Монтескье и других известных французских представителей «века разума», выработки с учетом французского опыта польских политико-правовых и социально-философских доктрин, местных вариантов классицизма, сентиментализма и рококо до провозглашения Конституции 3 мая 1791 г., создания якобинских клубов, восстания Костюшко, революционного движения и связанных с ними поэзии и публицистики, возникновения легионов Домбровского, сражавшихся в составе французской революционной армии. Только в таком контексте и с учетом такого рода межнациональных связей, инациональных воздействий и национальных устремлений возможно объективное понимание философско-эстетических идей и литературных направлений польского Просвещения, уяснение художественных особенностей творчества польских писателей и постижение самой ментальности польских просветителей. В этом отношении привлекает внимание книга З. Либеры «Просвещенный век» [1]. Для автора характерен комплексный подход: учтены материалы истории, литературы, публицистики, культуры, образования, театра, истории, изобразительных искусств, философии, эстетики во Франции и Польше. Это позволяет увидеть не механическое целое, а единство его составляющих. Плодотворность такого исследовательского пути проявилась и в выделении критериев, определяющих саму суть эпохи, что позволило достаточно убедительно установить ее хронологические границы (проблема, до сих пор вызывающая споры не только в польской науке [2]).

Примером преодоления традиционного — «плоскостного» — образа литературы Просвещения, которое раньше рассматривалось лишь в свете рационалистического (свойственного классицизму) и эмоционального (свойственного сентиментализму) мироощущения, является исследование иррациональных и пророческих мотивов в поэзии конца 60-х — начала 70-х годов и конца XVIII — начала XIX в. [1, с. 193—202]. Так исторические катастрофы в жизни нации способствовали появлению в воззрениях и литературе мотивов и идей, предвещающих романтизм и роман-

Липатов Александр Владимирович — старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР.

тизмом развиваемых. При этом следует отметить, что подобные процессы были характерны не только для поэзии. З. Либера не учитывает, что они имели более общий характер, охватывая сферы литературно-теоретического мышления и художественной прозы, как во Франции, так и в Германии и Англии (см. [3]).

Рассматривая литературу эпохи Просвещения в категориях стиля, З. Либера выделяет барокко, которое в этот период переживает упадок. В русле барокко проявляет себя поэзия Барской конфедерации, его черты дают о себе знать в лирике К. Бениславской, в сатирах А. Нарушевича, в прозе Е. Китовича, религиозной поэзии Ф. Карпиньского, комедиях Ф. Богомольца, а также в народном творчестве [см. [4]]. Добавим, что наши собственные исследования польского романа последних десятилетий XVIII — начала XIX в. приводят к выводу о живом и благотворном влиянии барокко на предромантическую прозу, свидетельствуя о витальности этого направления и его несомненном значении для генезиса польского романтизма.

Доминантой польской просветительской литературы был классицизм, особенностью которого — в сопоставлении с французским — является, по мнению З. Либера, выдвигание на роль ведущих жанров не трагедии и поэмы, а сатиры, басни, поэтического послания, идиллии, оды, стихов на случай. Сентиментализм в польской литературе, в отличие от других европейских литератур, наивысшие свои проявления обрел не в романе, а в лирике и драме. Рококо получило в основном отражение в анакреонтической поэзии и эпиграммах.

Стилевое разнообразие обуславливалось богатством художественной жизни эпохи со свойственными ей идеями, темами, мотивами, отражая культурную атмосферу периода резких перемен и революционных веяний, непередаваемых средствами одного стиля.

В отсутствие монографического обобщения истории польской прозы эпохи Просвещения вызывают интерес исследования З. Либера, посвященные написанному по-французски роману Я. Потоцкого «Рукопись, найденная в Сарагоссе». Это произведение нередко рассматривалось в отрыве от польской литературы. З. Либера, обращаясь к проблемам, мотивам, некоторым художественным приемам романа, показывает их связь не только с современными философско-эстетическими идеями Франции, но и литературной культурой Польши последнего тридцатилетия XVIII в. (проза И. Красицкого, публицистика Ф. С. Езерского, трактат Я. Богомольца).

Исследования, посвященные крупным представителям эпохи (С. Коначскому, И. Красицкому, Я. Ясиньскому и др.) как бы «индивидуализируют» материалы статей общего характера, конкретизируя и приближая облик создателей и носителей идей «просвещенного века».

Литература польского Просвещения — одна из значительнейших в славянском мире. Она имела отзвуки в России и сыграла видную роль в процессе национального возрождения других славянских народов. З. Либера опирается на опыт национального литературоведения и исследования западноевропейских (в основном — французских) ученых, что, несомненно, способствует уяснению польской специфики в западноевропейском контексте. Привлечение материалов современной славистики поможет глубже осознать международное значение польской литературы «просвещенного, века», а тем самым — и полнее увидеть как ее национальные особенности, так и созданные ею ценности, ставшие межнациональным достоянием.

В пору расцвета западноевропейского Просвещения П. Гольбах писал: «Вольнодумцами называют тех, у кого голова на плечах и кому не дана достаточно гибкая спина, чтобы гнутья перед духовенством» [5]. Вольнодумство было одним из радикальных явлений и проявлений Просвещения также и в славянском мире, однако до сих пор мы знаем о нем крайне мало. В этой связи несомненно значение книги Е. Снопка «Откровение и Просвещение. Из истории вольнодумства в Польше» [6]. Привлекая обширную литературу предмета (польскую и западноевропейскую), автор рассматривает вольнодумство как историческую категорию, означающую

«определенный комплекс явлений, выступающих в христианской культуре Европы в XVI — XVIII вв.» [6, s. 5—6]. В польской литературе образ вольнодумца впервые появляется в одном из сатирических стихов кальвиниста М. Рея (1505—1569). Характерными чертами этого явления здесь становится не столько моральная провокация, сколько прежде всего концепция свободы воли и вытекающие из нее выводы, противоречащие ортодоксальной доктрине христианства. Подобным образом трактовали вольнодумство и католические противники материализма, пантеизма и эпикурейства XVII—XVIII вв. во Франции и других странах. «В XVII в. ... понимание вольнодумства как распущенности нравов отнюдь не доминировало. Оно стало всеобщим в конце XVIII в.» [6, s. 9]. К польскому вольнодумству эпохи Просвещения, по мнению Е. Снопика, приложимы прежде всего мировоззренческие критерии, а не оценки в духе морально-эротического эпатажа.

Заслугой автора является рассмотрение польского вольнодумства в широком европейском контексте, при этом не ограниченное рамками одной эпохи, а охватывающее развитие явления от его зарождения (XVI в.) до фазы зрелости (XVIII в.). Привлекая обширный фактографический материал, Е. Снопек приходит к выводу, что предвестия просветительского вольнодумства появлялись преимущественно внутри религии, были связаны с реформационным расколом, в результате которого отдельные секты начали подвергать сомнению важнейшие принципы христианства [6, s. 47]. Воззрения радикальных представителей вольнодумства в польской литературе Возрождения — Д. Билиньского, Я. Слешиньского, Ф. Доманиовского были близки концепциям действий времен Просвещения.

Среди сект послереформационного христианства особую роль сыграли ариане [6, s. 48]. Свойственная им тенденция к рационализации религии была созвучной вольнодумству в Англии и Нидерландах. Широкою известностью в Европе XVII в. снискали их идеи веротерпимости.

Эпикурейство как составная часть вольнодумства присутствует в польской литературе с XVI в. (у Я. Дантышека, Я. Кохановского и др.), прослеживается он и в следующем столетии (у Я. Гавинького, Я. А. Морштына и др.).

Вольнодумство польских просветителей было продолжением и развитием предшествующих национальных традиций наряду с усвоением современной западноевропейской (особенно французской) мысли.

На обширном материале Е. Снопек приходит к следующему выводу: в Польше 70-е годы XVIII в. прошли под знаком вольнодумства нравственного, сублимировавшегося в эпикурейской поэзии следующего десятилетия, когда усиливалось и течение вольнодумства, связанное с общественной проблематикой. Последнее доминировало в 90-х годах, позднее экстремальные тенденции пошли на убыль [6, s. 84]. Выделяя такую линию эволюции польского вольнодумства, автор характеризует «девять эталонов платформы вольнодумства, вписанных в литературные произведения эпохи Просвещения» [6, s. 84]. Определителем таких эталонов являются критерии социальные, отражающие принадлежность к определенной среде, свойственные ей обязанности, общественная роль и т. п.¹

Суммируя свои наблюдения Е. Снопек утверждает, что вольнодумство было одной из важных составных культуры польского Просвещения, о чем свидетельствуют и переводы и адаптации вольнодумных текстов западного (особенно французского) Просвещения в Польше с 60-х годов XVIII в., появление образов вольнодумцев в произведениях польских авторов, сам читательский интерес к такой литературе.

Эта книга — первое обобщение проблематики вольнодумства в Польше эпохи Просвещения — открывает возможности для дальнейших, более детальных разработок и создает солидную основу для выявления роли и значения традиций вольнодумства в последующие времена.

Восходящая к средневековой латинской традиции в польской литературе находит продолжение и во времена Просвещения. Постепенно,

¹ Основные положения этого труда изложены в [7].

начиная с эпохи Возрождения, сходящая на второй план, она тем не менее продолжает играть значительную роль в общественной жизни и художественной культуре Речи Посполитой. Латиноязычная польская литература XVII — XIX вв. еще недостаточно изучена, поэтому понятен тот интерес, который вызывает книга М. Гарбачовой «Латинская поэзия в Польше эпохи Просвещения» [8].

В польских школах к середине XVIII в. стали ощутимы преобразования в духе «века разума», идущие, в частности, из Франции. Позднее развитию классических знаний способствовала Эдукационная Комиссия — первое в Европе министерство народного образования.

В Краковском и Вильненском университетах латынь занимала главенствующее положение по отношению к польскому языку до конца XVIII в., будучи проводником межнациональных контактов. Система государственного и частного меценатства обуславливала преобладание в латинской поэзии польского Просвещения панегирика и стихов на случай. Во множестве произведений такого рода запечатлены события, связанные с жизнью страны, общества, королевского двора, магнатов и шляхты. Стихи, отражающие просветительские воззрения, посвящались также видным ученым (например, М. Копернику, О. Копчиньскому), литераторам (Ш. Шимоновицу, М. К. Сарбевскому, С. Конарскому, А. Нарушевичу и др.), политическим деятелям (Станиславу Августу, Т. Костюшко). Панегирики, элегии и эпиграммы писались также в честь городов (особенно Кракова и Варшавы), архитектурных сооружений, парковых ансамблей, регалий и гербов, типографий.

В польско-латинской поэзии нередко поднимались важные общественно-политические и моральные проблемы, содержался призыв к патриотическим и гражданским чувствам, наличествовала тональность серьезного и рассудительного размышления, вобравшего идеи современной французской философии и этики. О широком значении такой поэзии могут свидетельствовать ее переводы на польский как язык общедоступный.

Автор анализирует латинскую политическую поэзию Ю. Шишковского, С. Конарского, Ф. Лесьневского, М. Корыцкого и др. Она отражала широкую картину европейской современности, затрагивая и отношения к России. В латинской поэзии отражались идеи французских мыслителей, политическая и общекультурная деятельность Станислава Августа, прозвучала поддержка просветительской Конституции 3 Мая 1791 г., воплотилась героика восстания Т. Костюшко.

Латинская религиозная поэзия времен Просвещения уступает не только латинской поэзии польского барокко, но и современной религиозной поэзии на польском языке. По мнению автора, это свидетельствует о том, что «латынь значительно раньше стала пережитком в выражении религиозных чувств, чем любых других» [8, с. 33]. На рубеже XVIII—XIX вв. этот тип латинской поэзии почти полностью исчезает.

В польской латинской поэзии эпохи Просвещения преобладали жанры лирики (ода, элегия, эпиграмма, идиллия), а с точки зрения литературных направлений — классицизм. При этом давал о себе знать и предшествующий период барокко (сатиры А. Пониньского, элегии и оды А. Нарушевича, лирика С. Конарского). Воздействия в основном французского сентиментализма и рококо в латинской литературе Польши появились даже раньше, чем в литературе на родном языке, однако они давали о себе знать в виде отдельных элементов и не выкристаллизовывались в особые направления. Так, сентиментализм отразился в реализации нового образа — человека деликатного и чрезмерно чувствительного, сохраняющего живые связи с природой; рококо — в некоторых формах поэтического украшения, остроумно-интеллектуальной словесной игре, в неожиданном раскрытии главной мысли в конце.

На рубеже XVIII—XIX вв. начинает ощущаться отход от поэтики классицизма, совпадающий с общим увяданием латинской поэзии.

Во второй половине XVIII в. переводам с латыни на польский сопутствовали и переводы с польского на латынь. Среди них — произведе-

дения величайшего поэта польского возрождения Я. Кохановского и крупнейшего поэта национального Просвещения И. Красицкого. Появлялись и двуязычные публикации текстов, либо служившие дидактическим целям, либо предназначенные для образованного иностранного и широкого польского читателя.

Рассмотренные в книге материалы свидетельствуют, что латинская литература до конца XVIII в. являла собой важную составную часть литературы польскоязычной. Первое поколение поэтов польского Просвещения еще испытывало сильное воздействие барокко. Затем возобладала связанная с французскими воздействиями классицистическая поэтика. Для польских поэтов писание латинских стихов было хорошей школой литературных приемов и стилей, поэтической техники и искусства композиции.

Книга М. Гарбачовой, значительно восполняющая общую картину литературной жизни польского Просвещения, в то же время как бы вычленяет латинскую литературу из общего контекста национальной литературы. Между тем, существуя в его рамках, она обуславливалась теми же общественно-историческими и философско-эстетическими факторами, что и творчество на родном языке, более того, нередко создавалась одними и теми же авторами. Отсюда и общие закономерности, проявлявшиеся как в сфере литературных направлений (переход от барокко к классицизму), так и в сфере генологии (в частности, роль панегирика и оды, описательной поэзии и стихов на случай), не говоря уже о ведущих темах и насущных проблемах. В этих сферах польская и латинская струя не только встречались, но и взаимосочетались на основе общих, в основном французских, идей в философии, этике и эстетике. При этом они не только взаимодополняли друг друга, но и образовывали определенное национальное единство — литературу польского Просвещения, которая служила стране и народу, делу общественного преобразования.

Может быть наиболее наглядным и живым свидетельством связи Просвещения с современностью XIX—XX вв. является польский национальный гимн. Его созданию и последующим судьбам посвящена книга Д. Вавжиковской-Верчиховой «Песнь надежды и победы. История польского национального гимна» [9]. Его автор — Ю. Выбицкий — политический деятель, публицист, поэт и драматург эпохи Просвещения. Вместе с Я. Г. Домбровским он создает в Италии польские легионы, сражавшиеся в составе революционной французской армии. Легионы были своеобразной школой гражданственности и революционной демократии. В такой атмосфере в июле 1797 г. и была написана «Песнь легионов», которая именовалась также «Мазуркой Домбровского» или — по первым словам текста — «Еще Польша не погибла». Знаменательна и музыкальная основа «Песни», выбранная самим автором: мелодия народной мазурки. Публикуя первоначальный вариант текста Д. Вавжиковская-Верчихова, к сожалению, не рассматривает его как памятник просветительской поэзии и идеологии. Безыскусная, написанная в стиле популярной народной лирики, эта песенка уже своей формой отображает демократизм идейных устремлений, а в сфере содержания — рационалистический по своей натуре оптимизм, связанный с верой в обретение национальной независимости собственными силами. В этом отношении знаменательны слова: «Все, что чужеземным насилием было захвачено, мы отберем саблей». Здесь не провиденциализм, не упование на Бога, а революционный энтузиазм и рационально-просветительская вера в собственные силы и разум. Сопоставление «Мазурки Домбровского» с позднейшим (времен Королевства Польского) национально-религиозным гимном А. Фелиньского «Боже, который избавишь Польшу» показывает не только различие настроений, мировосприятия преобладающей части польского общества — с одной стороны, и революционной, политической эмиграции — с другой, но и различия между заключительной фазой Просвещения и предшествующими его периодами.

Д. Вавжиковская-Верчихова сосредотачивает внимание на истории гимна и его рецепции. Как каждый популярный текст «Песнь» подвер-

галась изменениям (первые из них зафиксированы в свидетельствах 1799 г.) Так, например, фраза «если мы живем» на польских землях трансформировалась в «пока мы живем». Эта несовпадающая с мыслью Выбицкого строка текста, распространившись на польских землях, оставалась до 1926 г., когда специально созданная комиссия возрожденной Польши восстановила первоначальный вариант, теперь уже официально провозглашенный национальным гимном. В 1948 г. это решение было подтверждено Министерством культуры и искусства ПНР.

В конце XVIII — начале XIX в. в различных частях бывшей Речи Посполитой возникали строфы, продолжающие текст оригинала и отражающие местные настроения. Первое издание текста на польском и французском языках вышло в Варшаве в 1806 г. С созданием в 1807 г. Княжества Варшавского в его революционной атмосфере «Песнь» начала играть роль национального гимна и исполняться на торжествах. Появляются стихотворные произведения, стилизованные под «Песнь» и исполняемые на ее мотив. Запрещенная во времена Королевства Польского, она продолжала жить в тайных патриотических организациях, в среде молодежи наряду с новыми актуализирующими первоначальный текст продолжениями. (Среди наиболее известных — «Песня буршей» — варшавский и краковский варианты, «Песнь молодежи» А. Боруцкого).

В 20—30-е годы XIX в. за границей с ростом национального движения заметно возросла популярность «Песни». Известная там и раньше благодаря легионам, она обрела распространение среди южных славян. На чешских и словацких землях на ее мелодию пелось множество песен.

В самой Польше «Песнь» обрела прежнее значение во время восстания 1830 г. Тогда же введением в текст имен генералов Хлопицкого, Дверницкого, Сквишинецкого (вместо Домбровского) актуализировался и ее смысл. В этот период возникли и совершенно новые варианты, отражавшие современные реалии (зафиксировано свыше 20-и текстов, среди авторов — известные поэты С. Витвицкий, К. Бродзинский и др.). Однако на официальных торжествах и во время сражений звучал первоначальный текст. С этой песней отряды покидали пределы страны, когда восстание уже было обречено. Вместе с ними «Песнь» обрела новую жизнь в Саксонии, Вестфалии, Гессене, Вюртемберге и других немецких государствах, охваченных революционным и национально-освободительным движением, где польских изгнанников встречали транспоранты («*Noch ist Polen nicht verloren*» (немецкий перевод первой строки гимна). В течение 1831—1833 гг. было создано несколько немецких вариантов «Песни легионов». Она звучала на словацких, чешских и моравских землях, через которые проходили польские изгнанники на пути во Францию. Здесь их встретили «Мазуркой Домбровского» на французском языке. В 1830—1840-е годы она распространилась в скандинавских странах. Автор книги отмечает, что особенно заметный след оставила «Песнь» в славянском мире. Словацкий поэт и общественный деятель С. Томашик написал по ее образцу в 1834 г. на чешском языке (который в то время был и литературным языком словаков) «Гей, славяне!». Много лет спустя, переведенная на словацкий, она стала словацким национальным гимном. Потный текст первых изданий сопровождало примечание: «Поется, как „Еще Польша“».

В 1833 г. Л. Гай (по его собственному свидетельству), используя в качестве образца «Еще Польша», создал «Еще Хорватия не погибла, пока мы живем» — песнь, ставшую хорватским гимном. Нынешний государственный гимн Югославии, как отмечает Д. Вавжиковская-Верчочова, основан на польской мелодии, исполняющейся в более медленном темпе.

В 1840 г. Г. Цейлер написал — также по польскому образцу — «Еще Сербия не погибла», песнь, ставшую гимном сербов лужицких. В 1849 г. появился венгерский перевод «Песни легионов», которая стала особенно популярной в период Весны Народов.

«Всюду, где появлялась солидарность славянских народов, — пишет автор книги, — звучала польская мелодия с текстом, видоизмененным

в соответствии с актуальной ситуацией» [9, с. 46]. В частности, это проявилось на первом съезде представителей западных и южных славян в Праге в 1848 г. Позднее вместе с польскими эмигрантами «Песнь» попала и на американский материк. В Польше новые, актуализированные ее варианты связаны с событиями восстания 1863 г. В дальнейшем, по мере нарастания социалистического движения возникли революционные песни «Красное знамя» Б. Червиньского, «Варшавянка» В. Свенцицкого, «Кандальная мазурка» Л. Варыньского и другие, которые, как отмечает исследовательница, по содержанию и мелодии близки «Песне», характеру ее призывов. Автор также рассматривает историю распространения и бытования «Песни легионов» в различных регионах Польши конца XIX — первых десятилетий XX в., отмечает ее отзвуки в творчестве известных польских писателей, показывая ее общественную роль и общенациональное значение.

Так прошлое смыкается с настоящим, давая начало истокам будущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Libera Z.* Wiek Oświecenia. Warszawa, 1968.
2. *Липатов А. В.* Проблемы периодизации литературы польского Просвещения. — Советское славяноведение, 1971, № 3. *Липатов А. В.* Периодизация литературы польского Просвещения. — Советское славяноведение, 1972, № 6. *Липатов А. В.* Теоретическая проблематика стыка литературных эпох. — Советское славяноведение, 1979, № 6.
3. *Липатов А. В.* Предромантизм на Западе и в Польше XVIII в. (Опыт дефиниции и сопоставления). — В кн.: Польский романтизм и восточнославянские литературы. М., 1973; *Липатов А. В.* У истоков польского предромантизма. — В кн.: Славянские литературы. VII Международный съезд славистов. М., 1973.
4. Литература эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1982, с. 123—170.
5. *Гольбах П.* Карманное богословие. М., 1967, с. 57.
6. *Спорек J.* Objawienie i Oświecenie. Z dziejów libertarianizmu w Polsce. Wrocław etc., 1986.
7. Общественные науки за рубежом, сер. 7. Литературоведение, 1988, № 4.
8. *Garbaczowa M.* Poezja łacińska w Polsce doby Oświecenia. Wrocław etc., 1986.
9. *Wawrzykowska-Wierciochowa D.* Pieśń nadziei i zwycięstwa. Dzieje polskiego hymnu narodowego. Warszawa, 1985.

КНИЖНАЯ ПОЛКА СЛАВИСТА

Балканите и междубалканските отношения (XV век — 80те години на XX век) в българската научна книжнина, 1878—1984 / Съст. Ангелова С., Григорова А.; Междунар. информ. център за извори по история на Балканите и Средиземорие. София, 410 с.

Бошков Ж. Яков Игњатовић. Нови Сад, 1988, 211 с., ил.

Ђурић С. Дневник победа: Србија у балканским ратовима 1912—1913. Београд, 1988, 431 с., 24 л. ил.

Българо-германски отношения и връзки — *Bulgarisch-Deutsche Beziehungen und Verbindungen* / БАН. Ин-т за история. Комисия на историците на НРБ и ГДР — Бълг. секция; отг. ред. Хаджиниколов В. София, 1989.

Т. 4. 407 с. Текст на болг. и нем. яз.

Ванцарова Б. Ванцаров сред събратята си по перо. София, 1989, 308 с., 12 л. ил.

Гольберг М. Я. Украинско-сербские литературные связи во второй половине XIX века: Автореф. дис. на соискание уч. ст. д-ра филол. наук / АН УССР. Ин-т лит. им. Т. Г. Шевченко. Киев, 1989, 33 с.

Гордић С. Поезија и окружје. Нови Сад, 1988, 194 с.

Грозданова Е. Българската народност през XVII век: Демографско изслед. София, 1989, 725 с.

Дамјанов С. Корени модерне српске фантастике: Фантастика у књижевности српског предромантизма. Нови Сад, 1988, 271 с.

Дьяков В. А. Маркс, Энгельс и Польша: Польская тема в творческом наследии основоположников научного коммунизма, их личные контакты с поляками. М., 1989, 218 с.

Ермолаева И. И. Социальная политика польского правительства в период экономического кризиса (1929—1935 гг.): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук / АН СССР. Ин-т славяноведения и балканистики. М., 1989, 18 с.

Игњатовић Ј. Одабрана дела / У ред. Бошкова Ж. и др. Нови Сад, 1988.

Кн. 7. Романтичарско историјске приповетке / Приред. Новаковић Б. 443 с.

Кн. 8. Друштвене приповетке / Приред. Новаковић Б. 579 с.

Кн. 9. О књижевности / Приред. Бошков Ж. 375 с.

Кн. 10. Мисли о српском народу / Приред. Бошков Ж. 550 с.

ДОКТРИНА МИРОВОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И РИЖСКИЙ МИР 1921 ГОДА

Откликом на научную и общественную потребность в объективном освещении советской внутренней и внешней политики 20—30-х годов стал «круглый стол», организованный в ноябре 1988 г. сектором межвоенной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения и балканистики АН СССР. Участники «круглого стола» обсудили опубликованные в советской прессе статьи профессора Дипломатической академии МИД СССР В. Г. Сироткина [1], которые несмотря на свой публицистический характер, привлекли внимание ученых стремлением автора в новом ракурсе рассмотреть связь некоторых внутренних и внешних направлений политики Советского государства в межвоенный период.

Ведущий «круглого стола» заместитель директора Института славяноведения и балканистики АН СССР д-р философ. наук Ю. С. Новопапин отметил новизну статей В. Г. Сироткина в постановке самой проблемы — мировая пролетарская революция или социализм в одной стране, — которая не ставилась в нашей науке уже более 50 лет, после выхода в свет «Истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс». Он подчеркнул, что проблемы, выдвинутые в статьях Сироткина, разрушают схему, идущую от «Краткого курса» и доказывающую, что наша «славная ленинско-сталинская политика» была всегда абсолютно верна. Эта схема трещит по всем швам. Оказывается, многие руководители РКП(б) весьма и весьма страдали такой болезнью, как левизна (В. И. Ленин назвал ее «детской»). И часто они оказывались левее своего вождя по многим вопросам, а он оставался в меньшинстве. А на самом левом фланге стояла колоритная фигура Л. Д. Троцкого. Сейчас мы подходим к оценке упомянутой левизны без уничижительных ссылок на то, что это было обязательно вредительство, смыкание с империалистической политикой, с зарубежными разведками. Начинаем осознавать, что и лидеры большевистской партии, в том числе Ленин, могли подчас ошибаться. К числу таких ошибок, по мнению Ю. С. Новопапина, следует отнести революционаристскую «левизну» большевиков 20-х годов в отношении международной социал-демократии.

Сделав резкий, но верный поворот от доктрины мировой революции к концепции строительства социализма в СССР через нэп, к «гражданскому миру» не только внутри СССР, но и с капиталистическим окружением и II Интернационалом, Ленин, однако, по мнению выступающего, недооценил предостережений, содержащихся в частности в социал-демократической литературе, например в семитомном труде меньшевика Н. Н. Суханова (Гиммера), об опасности волевого строительства «пролетарского, социалистического государства в мужицкой, хозяйственно распыленной необъятной стране» [2]. И хотя в середине 20-х — начале 30-х годов Суханов как видный работник Госплана принял участие в таком строительстве (пока в 1931 г. не был арестован и судим по делу так называемого меньшевистского центра), в его словах об «утопии» было и рациональное зерно.

С оценкой Ю. С. Новопашина политики «левизны», проводимой в отношении международной социал-демократии лидерами РКП(б), солидаризировалась д-р ист. наук Р. П. Гришина (ИСБ). Далее она обратила внимание на революционно-романтическую атмосферу тех лет, хорошо показанную Сироткиным («Даешь Варшаву! Даешь Берлин!»). Ведь даже К. Каутский в 1918 г. признавал: «Все же нельзя слишком упрекать большевиков за их ожидание европейской революции. И другие социалисты делали то же самое, и до сих пор мы идем навстречу положению, которое может привести к большому обострению классовой борьбы и ряду неожиданностей» [3].

В. Г. Сироткин прав — не одни русские большевики тогда мечтали создать «всемирный СССР». В резолюции I съезда Болгарской компартии (май 1919 г.) говорилось: «Социалистическая советская республика в Болгарии вступит в братский союз с соседними народами, чтобы создать Балканскую социалистическую федеративную советскую республику как часть Европейской и Всемирной социалистической федеративной советской республики» [4].

Статьи Сироткина, заметила Р. П. Гришина, можно назвать первым прорывом к современному осмыслению концепции мировой революции, концепции в известном смысле феноменальной с точки зрения ее очевидной теперь утопичности и тогдашнего реального овладения ею умами многих современников. Ее поистине триумфальное шествие происходило при все-таки странном отрешении коммунистов от необходимости учитывать соотношение экономики и социально-экономической структуры, с одной стороны, и политики, с другой, на чем всегда настаивали классики марксизма. Ведь даже политика военного коммунизма, как показывают исследования советских специалистов, осуществлялась в значительной своей части независимо от потребностей гражданской войны, но на основе все той же концепции пролетарской революции.

Вместе с тем Гришина возразила против слишком радужной, по ее мнению, оценки Сироткиным возможностей «гражданского мира» между социал-демократами и коммунистами в 1921—1922 гг. И в сознании Ленина не произошло в то время радикальных перемен по отношению к социал-демократии. Признав изменение ситуации, большевики, однако, не отказались от главных идеологических подпорок концепции мировой революции. О том же свидетельствует воззвание ИККИ, принятое после закрытия III конгресса Коминтерна, где вновь говорилось о социал-демократии как агентуре буржуазии в рабочем классе, которую надо разбить, но теперь уже не на почве теоретических споров о демократии и диктатуре, а по вопросу о хлебе, зарплате, жилищах.

Д-р ист. наук М. М. Мухамеджанов (ИМЛ при ЦК КПСС) отметил продуктивность гипотезы Сироткина о влиянии международных факторов на поворот Ленина к нэпу, внутри- и внешнеполитическому, но не согласился с постановкой автором вопроса о дуализме внешней политики СССР после 1921 г. и с его характеристикой позиции Сталина по вопросу о мировой революции. Мухамеджанов считает, что Сталин в 20-х — первой половине 30-х годов был таким же доктринером, как Троцкий, Зиновьев и Бухарин, никакой трезвостью и дальновидностью как политик он не отличался. В поддержку этой мысли выступил и заместитель главного редактора журнала «Вопросы истории» канд. ист. наук И. В. Союзин, подчеркнувший, что отнюдь не благодаря Сталину идея мировой революции была снята с повестки дня. Далее Мухамеджанов заявил, что в отношении дуализма советской внешней политики Сироткин сильно преувеличивает разногласия между НККИ и Коминтерном, допуская односторонность подхода к проблеме. Верно, что ИККИ и НККИ были совершенно разные самостоятельные, независимые друг от друга учреждения. Допустимо, что у них были расхождения по конкретным вопросам, однако общего было значительно больше, чем может показаться на первый взгляд. По принципиальным вопросам Коминтерн отстаивал позиции, сходные с внешнеполитическим курсом Советского Союза. Рассматривая СССР как базу мировой революции, оплот международного ком-

мунистического движения, Коминтерн не мог проводить политики, не совпадавшей по своим целям и задачам с внешнеполитической линией первого социалистического государства.

Тезис о дуализме, но с других позиций, критиковала и д-р ист. наук И. С. Яжборовская (ИМРД). Она считает доктрину «мирового пожара» не более, чем «революционной эйфорией». Поэтому, с ее точки зрения, Сироткин, увлекаясь, незаметно переходит к трактовке польско-советской войны 1920 г. как форсированного курса на мировую революцию, преувеличивает значение идеологических установок в ущерб реальной ленинской внешней политике. При этом им преувеличивается и роль Коминтерна, якобы формировавшего эту политику. Даже в Манифесте II конгресса речь идет не о внесении на штыках Красной Армии мировой революции, а об оказании помощи Советской России международным пролетариатом. Яжборовская считает ошибочным оперировать прежними идеологическими клише, говорить языком того времени, возрождать оценки и воскрешать настроения того периода. По ее мнению, это только мешает текущей работе, в частности работе советско-польской комиссии историков по стиранию «белых пятен», и дальнейшему укреплению дружбы двух народов.

С точки зрения д-ра ист. наук С. М. Фалькович (ИСБ) у Сироткина акцент на мировую революцию привел к перекосу: получается, будто Ленин и его соратники, готовившие и осуществившие Октябрьскую революцию, ориентировались не на революцию в России, а на мировую революцию, будто все дальнейшие планы социальных преобразований в нашей стране были направлены не на построение социализма в Стране Советов, а на осуществление мировой революции.

В выступлениях сотрудников ИСБ — канд. ист. наук М. Н. Черных, канд. ист. наук И. В. Михутиной и д-ра ист. наук П. Н. Ольшанского было отмечено, что недостаточное, подчас, знание конкретной истории советско-польских отношений привело В. Г. Сироткина к неправильным выводам о якобы изначальной подчиненности советской политики в отношении Польши идее мировой революции. Нельзя не считаться с тем, что В. И. Ленин, будучи сторонником идеи мировой революции, связывал развитие этой революции, в противоположность Л. Д. Троцкому, Л. Б. Каменеву, Н. И. Бухарину, не с революционной войной Красной Армии, а с неизбежным, по его мнению, обострением в других странах, внутренних противоречий, вызываемых разрушительными последствиями войны, и с влиянием самого существования пролетарского государства. Порывая с прежней угнетательской политикой царизма в отношении Польши, Советское правительство в первые дни своего существования признало суверенитет Польши, хотя восстановление ее государственности произошло лишь в ноябре 1918 г., кроме того, с конца октября 1918 г. по первый квартал 1920 г. включительно стремилось наладить мирные отношения с возрождавшейся Польшей. Вооруженный конфликт с Польшей первопричиной имел военные действия польского правительства, стремившегося выдвинуть не установленную еще границу с Советской Россией далеко на восток от этнических польских территорий.

Касаясь войны 1920 г., П. Н. Ольшанский подчеркнул, что она явилась результатом агрессивной политики Ю. Пилсудского, организовавшего поход на Киев в целях установления польского протектората над буржуазными Белоруссией и Украиной. Исключительная враждебность польского правительства, отвергавшего в течение полутора лет все советские предложения о мире на выгодных для Польши условиях, отметила Черных, вызвала в период ответного контрнаступления Красной Армии в июле 1920 г. постановку перед ней военной задачи — разбить неприятеля на его собственной территории. Как следует из протоколов IX конференции РКП(б), принимая решение о вступлении Красной Армии на территорию Польши, часть членов ЦК исходила из этой военной необходимости, следствием которой могло быть оказание помощи польским трудящимся в установлении революционной власти, другая же часть — Троцкий, Каменев, Бухарин и другие — руководствовались

прежде всего соображениями о дальнейшем распространении мировой революции, о первостепенной необходимости установления советской власти в Польше. Таким образом, продолжила Черных, установка на мировую революцию в интерпретации Троцкого сыграла определенную роль только на втором этапе войны 1920 г., но его позиция не была единственной, под влиянием которой было принято решение о наступательной тактике. Рижский же мир (его условия почти не отличались от прежних предложений Польше, сделанных еще в 1919 г.) в принципе явился осуществлением давно намеченной Лениным цели — заключение мира с Польшей на основе признания ее независимости. Вследствие этого Рижский договор, вопреки утверждению Сироткина, не мог стать для Ленина решающим фактором в деле разработки принципа мирного сосуществования и новой экономической политики.

И. В. Созин обратил внимание на необходимость дальнейшего изучения второго этапа войны 1920 г. Основным изъяном нашей историографии польско-советской войны 1920 г. было то, что в ней не учитывалось такое важнейшее обстоятельство, как отношение народных масс только что возродившейся к независимости Польши к приходу Красной Армии, видевших в ней силу, которая может ликвидировать восстановленное национальное государство, как армию, шедшую из России, которая в прошлом была активным участником разделов Речи Посполитой, душителем польского национально-освободительного движения и еще совсем недавно проводила на польских землях русификаторскую политику. Без учета этих обстоятельств трудно понять обстановку, которая привела к неудаче похода Красной Армии на Варшаву в 1920 г., осуществлявшегося под лозунгом мировой революции.

Несогласие с трактовкой Сироткиным нэпа высказали С. М. Фалькович и И. В. Михутина. Фалькович признала малоубедительным тезис автора о «двух нэпах» — социалистическом и капиталистическом. По ее мнению, автор ставит в один ряд нэп, допуская существование элементов капиталистического уклада наряду с социалистическим, и политику капиталистических стран, шедших якобы на допущение элементов социалистической экономики. При этом им игнорируется: допускаются ли элементы капитализма для укрепления и развития социалистической экономики или, наоборот, целью является стабилизировать капитализм и дать ему возможность развиваться на основе планирования, национализации средств производства и пр. Михутину не удовлетворило предложенное Сироткиным толкование слов Ленина, относящихся к 1923 г., о «коренной перемене всей точки зрения нашей на социализм» как некоего особого поворота во внешней политике СССР. Приведенные слова Ленина, сказала она, написаны в статье «О кооперации», посвященной экономическим, социальным, политическим, культурным проблемам, поискам оптимальных хозяйственных форм и методов строительства социализма в такой стране, как Россия [5]. Поэтому представляется, что более правы выступившие на страницах «Правды» историки Г. Бордюгов и В. Козлов, которые считают, что «перемена точки зрения» означала у Ленина перерастание прежнего понимания социализма как государственно-капиталистической монополии, обращенной на пользу всего народа, в новую, родившуюся из опыта первых лет нэпа постановку вопроса о социализме как о строе цивилизованных кооператоров [6].

Итак, большинство участников дискуссии, не отрицая ценности новой постановки вопроса в статьях Сироткина, стремилось, однако, показать, что содержащиеся в них выводы, например, по поводу советско-польских отношений, нэпа и других, не могут считаться окончательными и бесспорными; затронутые в статьях проблемы нуждаются в дальнейшем более серьезном и тщательном изучении с учетом всего многообразия аспектов, свойственных этим проблемам.

Мысли об этом прозвучали и в выступлении д-ра ист. наук В. А. Дьякова (ИСБ). Он сказал: «Статьи Сироткина мне нравятся смелостью постановки важного вопроса истории международных отношений, стремлением разрушить стереотип в этой области». Соглашаясь с тем, что внеш-

няя политика Советской России была связана с курсом на мировую пролетарскую революцию, он подчеркнул, что единомыслия в этой области не было. Особенно отрезвляюще звучали высказывания Ленина, указывавшего на предпочтительность политики мирного сосуществования с капиталистическим миром. Но, во-первых, в те годы Ленин иногда отходил от своей позиции, во-вторых, он и его сторонники зачастую оставались в меньшинстве. Выступавший также отметил справедливость многих конкретных замечаний в адрес автора по чисто польским сюжетам.

В выступлении И. В. Созина была поставлена еще одна проблема — сохранение отголосков идеи мировой революции (несмотря на отказ партии от «экспорта» революции) в нашей идеологии и политике как в 30-е годы, так и в последующие, вплоть до нашего времени. Примером здесь может служить трактовка тезиса о мирном сосуществовании как о форме классовый борьбы. О том же свидетельствует настойчивое стремление распространять советский опыт и советскую модель социализма в других странах без учета их специфики.

Этой же проблемы коснулся д-р ист. наук В. В. Зеленин (ИСБ). Он поддержал тезис о дуализме советской внешнеполитической линии — НКВД — Коминтерн — и о создаваемых им трудностях для советской дипломатии. Так, догматический и авантюристический курс руководства Коминтерна того времени использовался всевозможными антисоветскими кругами для различных провокаций против СССР (вспомним о фальшивках С. М. Дружиловского или о ноте Чемберлена). Проводившаяся полтора десятилетия линия на мировую революцию привела к формированию в реакционных буржуазных кругах устойчивого стереотипа, согласно которому главной внешнеполитической целью СССР является мировая революция. Эксплуатируя именно этот стереотип, гитлеровская Германия и милитаристская Япония 25 ноября 1936 г. подписали антикоминтерновский пакт, под знамена которого в 1937—1941 гг. собрались все фашистские и профашистские государства. Затем Зеленин, приведя документальные данные, поставил перед участниками дискуссии вопрос: а не был ли роспуск Коминтерна в 1943 г. «платой» Сталина союзникам за открытие второго фронта?

С сообщением об отражении польско-советской войны в польской литературе 20—30-х годов, о широком распространении патриотических настроений в польском обществе, об отношении польских граждан к лозунгам мировой революции выступила канд. филол. наук О. Р. Медведева (ИСБ).

В заключительном слове В. Г. Сироткин отметил полезность состоявшегося обсуждения в теоретическом и практическом плане. Он сказал: «В сущности, никаких „америк“ я не открывал и документальных „белых пятен“ не стирал. Все документы о мировой революции, Коминтерне, походе РККА на Варшаву давным давно открыты, некоторые из них, например, протоколы IX конференции РКП(б), проходившей в сентябре 1920 г., даже перепечатаны в наше время (1972). Стенограммы конгрессов Коминтерна и заседаний ИККИ с 1956 г. лежат в открытом доступе на полках библиотек. Тем не менее ряд историков до сих пор сохраняет прежние представления, согласно которым доктрина мировой революции не оказывала реального воздействия на политику большевиков и всего мирового коммунистического движения в 20-х — первой половине 30-х годов. И сегодня, надо заметить, не все постулаты мировой революции канули в Лету. Практически так или иначе на ней воспитывались поколения наших дипломатов, военных и других работников различных загранслужб. Нередко они продолжают выступать проводниками „непомерных амбиций и исторического чванства.“»

Директор Института славяноведения и балканистики АН СССР д-р ист. наук В. К. Волков оценил прошедшую дискуссию как весьма продуктивную, хотя и выявившую несогласие с некоторыми утверждениями в статьях Сироткина. Далее Волков напомнил: «Мы сегодня забыли об одной странице нашей истории. Ровно 50 лет назад, в ноябре 1938 г. на прилавках советских книжных магазинов появилась „История Всесоюз-

ной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс". С полувековой исторической дистанции мы можем теперь достаточно полно оценить это явление. Появившийся в самый мрачный период нашей истории „Краткий курс“ был призван теоретически оправдать сталинский террор, все извращения и деформации в развитии нашего общества, заменить творческий ленинизм мертвящим сталинизмом. Эта книга не случайно стала библией догматиков и начетчиков. Сведя в единую систему теоретические догмы и исторические фальсификации, „Краткий курс“ в огромной степени способствовал выработке того стиля политического мышления, который определял иллюзорное „единомыслие“, присущее всей авторитарно-бюрократической эпохе. Сегодня мы пытаемся разбить какие-то старые стереотипы мышления. Поставленные в ходе обсуждения проблемы позволили посмотреть на некоторые исторические процессы по-новому». «Нынешнее обсуждение,— подчеркнул Волков,— дает не только общий взгляд на ход развития нашей революции, на этап „военного коммунизма“ с его ставкой на мировую революцию, на эволюцию представлений о социализме. Оно дает возможность воссоздать конкретный исторический фон для работы, запланированной Советско-польской комиссией партийных историков по „белым пятнам“, осуществлять которую придется и нашему Институту. Я имею в виду „Историю советско-польских отношений. 1917—1921 гг.“, в центре которой — изучение войны 1920 г. Думаю, что сегодняшнее обсуждение окажет всем нам большую помощь прежде всего потому, что будит мысль. А там, где разбужена мысль, там будет найден ответ на поставленные вопросы».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сироткин В.* От гражданской войны к гражданскому миру.— В кн.: Иного не дано. М., 1988; *Сироткин В.* Рижский мир.— Международная жизнь, 1988; № 8. *Сироткин В.* Революция в сознании.— Век XX и мир, 1988, № 7; *Сироткин В.* Нэп: внешнеполитические аспекты.— Аргументы и факты, 1988; № 23; *Сироткин В.* Пути мировой революции.— Известия, 1988, 3 IX.
2. *Суханов Н.* Записки о революции. Кн. VII. Берлин — Петербург — Москва, 1923, с. 177—178.
3. *Kautsky K.* Die Diktatur des Proletariats. Wien, 1918, S. 29.
4. БКП в резолюции и решения. Конгрессы, конференции, пленумы. Второ издание. Т. II. София, 1987, с. 86.
5. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 373.
6. Правда, 1988, 30 IX.

КНИЖНАЯ ПОЛКА СЛАВИСТА

- Иоаким Груев* / Подгот. за печат с приговор и обяснителни бележки: Нанова Ц.; отг. ред. Баева С. София, 1989, 429 с.
- Калоева Е. Б.* Культурное строительство в новой Югославии (1945—1950-е гг.): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1989, 23 с.
- Кольбанова К. В.* Культурные и общественные связи Украины с Сербией в XVIII веке: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук / АН УССР. Ин-т истории. Ужгород, 1989, 25 с.
- Кръстев К.* Спомени за културния живот между двете световни войни. София, 1988, 351 с., 20 л. ил.
- Лесковац М.* Српске књижевне теме. Нови Сад, 1983, 417 с.
- Макар Ю. И.* Становление и укрепление строя народной демократии в Польше (1944—1949): Автореф. дис. на соискание уч. ст. д-ра ист. наук / Киев. гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко. Киев, 1989, 39 с.
- Максимовић Д.* Памтићу све: Песме. Београд, 1933, 108 с.
- Материалы к VI Международному конгрессу по изучению стран Юго-Восточной Европы / Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР. М., 1939.
- История, этнография. София, август 1989 г. / Редкол.: Виноградов В. Н. и др. 199 с., карт.
- Лингвистика. София, 30 VIII—6 IX 1939 / Редкол.: Изацов Вяч. Вс. и др. 132 с., карт. Часть текста на фр. яз.
- Михаљчић Р.* Крај српског царства. Београд, 1933, 239 с., ил.
- Норовская псалтырь: Среднеболгарская рукопись XIV века: В 2-х ч. / Изд. подгот.: Чешко Е. В. и др.; Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР; Ин-т болгарского языка БАН. София, 1989.
- Ч. 1. 205 с.
- Ч. 2. 211—742 с.

КИШКИН Л. С.

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ В МАРИАНСКИХ ЛАЗНЯХ

Трудно назвать за пределами России город, где бы в разное время перебывало такое множество выдающихся представителей русской, и не только русской, культуры, как чешские Марианские Лазни (в прошлом Мариенбад). Разве что шварцвальдский курорт Баден-Баден, который Гоголь называл «дачей всей Европы». Вот только небольшой выборочный перечень русских гостей Мариенбада по данным «Курлистов» и других источников (печатных и рукописных): медики — профессор Ф. И. Иноземцев, создатель «иноземцевых капель»; личный врач Пушкина И. Т. Спасский; доктор Н. А. Белоголовый, по рекомендации которого мариенбадской водой «Крейцбруннен» лечился в России Н. А. Некрасов¹; художники — О. А. Кипренский, сделавший на курорте два портрета Гете и один — выдающегося чешского филолога Добровского (1823); гравер Петербургской академии художеств А. Э. Шотен (Шотин), учитель Шишкина и Клевера; пейзажист С. М. Воробьев; музыканты — А. Г. Рубинштейн, давший в Марианских Лазнях в 1884 г. концерт в пользу пострадавших от разлива Вислы; композитор А. Ф. Львов; работавшие в России скрипачи И. и Г. Венявские; выходец из Чехии дирижер Петербургской оперы и композитор, автор оперы «Дубровский» Э. Направник; певцы и актеры — Ф. И. Шаляпин, Л. В. Собинов, И. М. Москвин и другие; ученые — Д. Н. Бантыш-Каменский, М. П. Погодин, П. В. Киреевский, Я. К. Грот, Н. А. Попов и т. д.

На чешском курорте лечились и отдыхали многие друзья и знакомые Пушкина. Помимо уже упомянутых, это Л. А., О. С. и М. Я. Нарышкины, А. И., Н. И. и С. И. Тургеневы, А. Я. Лобанов-Ростовский, А. Г. Строганов, Д. Н. Блудов, М. М. Сперанский и его дочь писательница Е. М. Флорова-Багреева, А. О. Россет-Смирнова, А. С. Стурдза, И. С. Лаваль и его дочь, будущая жена С. П. Трубецкого и впоследствии героиня поэмы Н. А. Некрасова «Русские женщины», М. Шимановская, Ф. Ф. Вигель, Виельгорские, Нащокины и др. Многие из них бывали в Марианских Лазнях еще при жизни поэта и потому могли делиться с ним своими впечатлениями, например, от бесед с Гете, концертов Шопена, общения с патриархом чешской славистики Добровским и т. д. Как и другие европейские курорты — Баден-Баден, Висбаден, Карлсбад (ныне Карловы Вары), Ницца, Виши — Мариенбад был не только лечебным, но и своеобразным культурным центром, где общались представители научного и художественного мира, где русские могли читать недоступные

Кишкин Лев Сергеевич, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР.

¹ Судя по письму Салтыкова-Щедрина (от 22 авг. 1875) к Некрасову из Баден-Бадена, поэт собирался поехать на лечение в Мариенбад, что ему, однако, не удалось. Н. А. Белоголовый (1834—1895) — известный врач терапевт, друг Салтыкова-Щедрина, был близко знаком с Некрасовым, Тургеневым, Герценом и Огаревым. С 1883 г. был редактором выходившего в Женеве журнала революционных эмигрантов «Общее дело».

им на родине книги. В более позднее время в Марианских Лазнях был даже книжный магазин, предлагавший запрещенные в России книги. А посетивший чешский курорт в 70-е годы Н. С. Лесков писал оттуда, что «власть начитался вещей в Россию недопускаемых» [1]. Поездки на европейские курорты и в пушкинское время осознавались не только как отдых, но и как некое освобождение от духовных ограничений. Не случайно сам поэт в стихотворном напутствии Н. Д. Киселеву, уезжавшему в Карлсбад, писал: «Ищи в чужом краю здоровья и свободы...». Именно поэтому информация о посещении Марианских Лазней людьми, которых знал Пушкин, кажется заслуживающей внимания.

Особый интерес представляют посещения чешского курорта русскими писателями. В свое время там побывали Ф. И. Тютчев (VII—IX 1834), Н. М. Языков (VIII—IX 1838), Н. В. Гоголь (VII—VIII 1839), И. С. Тургенев (VIII—IX 1840; VIII—IX, 1842); П. А. Вяземский (VI 1853), И. А. Гончаров (VII—VIII 1857; VI—VII 1859; VI—VII 1860; VI—VII 1861; VI—VII 1865; кроме того лечился с 18 VI 1866, с 24 V 1867, с 31 V 1870 и 28 VI 1872), А. К. Толстой (1865), Н. С. Лесков (VII—VIII 1875), К. М. Станюкович (1876), Максим Горький (XI 1923 — IV 1924). Нами названы лишь наиболее значительные имена. Их перечень впечатляет. В каких-то случаях приведенные данные могут быть полезны для уточнения биографических дат, но, вероятно, не менее существенны и конкретные сведения о пребывании русских писателей в Марианских Лазнях. Не все они дошли до нас. И все же о поездках некоторых наших писателей на чешский курорт кое-что известно.

Для Н. М. Языкова приезд в Марианские Лазни был эпизодом его многолетнего пребывания в Европе, где он, переезжая с курорта на курорт, пытался поправить свое пошатнувшееся здоровье. Его сопровождал П. В. Киреевский и врач И. П. Постников. Гулять из-за болезни ног Языков не мог и потому для физических упражнений им был арендован бильярд. Ухаживающий там за Языковым П. В. Киреевский занимался подготовкой к печати русских песен, в чем поэт, очевидно, содействовал ему. Непосредственного отражения впечатлений от пребывания в Марианских Лазнях в творчестве Языкова, кажется, нет, хотя он и упоминает Мариенбад в послании к поэтессе Каролине Павловой (1840). Однако в стихотворном диалоге «Странный случай» все же, как можно думать, есть строки, которые навеяны и ими:

«Да, впрочем, на водах прекрасно
Проводят время: там больной народ
Не унывает, лечится гуляя;
Там царствует свобода золотая;
Все запросто, все вместе, все равны:
Там самые высокие чины
Пред малыми чинами не спесивы,
Напротив — тихи, ласковы, игривы...» [2].

Н. В. Гоголь, находясь в Марианских Лазнях, жил вместе с М. П. Погодиным, о чем известно из писем последнего. Писателя привело на чешский курорт какое-то желудочное заболевание, кроме того он надеялся встретиться там со своими знакомыми, специально звал туда товарищей по лицею А. С. Данилевского и П. А. Лукашевича. Еще в марте 1839 г. Гоголь писал из Рима Данилевскому: «Погодин выписал к лету туда (в Мариенбад.— Л. К.) кучу разных славян, так что мы можем иметь хорошее общество, составить свой стол и ускользнуть таким образом от вредоносных табельдотов...» [3, с. 210]. Благодаря Погодину, Гоголь встретился в Марианских Лазнях с выдающимся чешским славистом П. Й. Шафариком и известным польским историком В. Мацеевским. По воспоминаниям Погодина после утренних ванн Гоголь принимал участие в ежедневных прогулках по окрестностям курорта. В Марианских Лазнях он познакомился и сблизился с Д. Е. Бенардаки, в какой-то мере ставшим, как считается, праобразом Юстанжогло из второго тома «Мертвых душ».

По словам Погодина, писатель жадно «выспрашивал» Бенардаки, пополняя «свою галерею оригинальными портретами» [4, с. 74]². Сам же Гоголь вскоре после отъезда из Марианских Лазней в Вену писал С. П. Шевыреву, что там его постигло вдохновение, что перед ним «выясняются и проходят поэтическим строем времена казачества» [3, с. 241]. Во время прогулок по окружающим курорт лесистым холмам у писателя постепенно созревала окончательная редакция «Тараса Бульбы», которая и была осуществлена в 1839—1840 гг. С Марианскими Лазнями связана творческая история еще одного произведения Гоголя — там был написан один из вариантов повести «Шинель», работа над которой в дальнейшем продолжалась и была завершена лишь в 1841 г.

Дважды приезжал в Марианские Лазни молодой И. С. Тургенев. Первый раз — вскоре после Гоголя в 1840 г. Об этом пребывании довольно много говорится в письмах писателя к М. А. Бакунину и А. П. Ефремову. В них немало шуточных зарисовок окружавшей его жизни. В одном из них (от 20 IX 1840) Тургенев посылает приятелям на суд свои стихотворения — «Немец», «Русский» и «К АНХ» [овриной]. Относительно какой-либо литературной работы, если не считать упоминания о «Наброске в духе Гете и Карамзина» в письме к Ефремову, в корреспонденции Тургенева из Марианских Лазней не говорится. О втором приезде Тургенева известно только, что он продолжался с 19 VIII по 30 IX 1842 г.

В 1853 г. из Карлсбада на несколько дней приезжал с женой в Мариенбад П. А. Вяземский. 28 июня он сделал такую дневниковую запись: «Мариенбад мне очень понравился своею красотью, миловидностью и опрятностью. Тут все свежо. Все с иголки: дома, галереи, прогулки, источники с красивыми навесами и пр. Вообще более простору и движется свободнее. Природа не так грандиозна, как в Карлсбаде, но зато более удобна для ежедневного употребления» [5]. По пути из Карлсбада в Мариенбад Вяземский закончил «Песнь русского ратника» и стихотворение «Ножкой чудной легкокрылой...».

Более заметно, чем у других, позитивно сказались на творчестве приезды в Марианские Лазни И. А. Гончарова, особенно в 1857 г., когда ему удалось там довести до конца работу над «Обломовым». На чешском курорте к нему неожиданно пришло вдохновение, о чем мы узнаем из письма Гончарова к И. И. Ляховскому из Марианских Лазней: «Представьте себе, если можете, что я приехал сюда 21 июня нашего стиля и мне было так скучно, что я через три дня хотел уехать..., а числа этак 25 или 26 печаянно развернул „Обломова“, вспыхнул и 31 июля у меня было написано моей рукой 47 листов. Я закончил первую часть, написал всю вторую и въехал довольно далеко в третью часть» [6, с. 243]. Как известно, работа над романом началась в середине 40-х годов и шла очень медленно. Можно понять радость Гончарова, когда она вдруг начала быстро продвигаться. «...Я человек мертвый, утомленный, равнодушный ко всему, даже к собственному успеху, вдруг принялся за труд, в котором было отчаялся. И как принялся, если бы вы видели! Я едва сдерживал волнение, мне ударило в голову... я шагал по комнате как сумасшедший, и бежал по горам и лесам, не чувствуя под собою ног. Этого ничего не бывало в молодости» [6, с. 245], — читаем в письме к Ляховскому. А вот два отрывка из мариенбадских писем Гончарова к Ю. Д. Ефремову: «Угадываете, что я делаю?, не угадаете, живу, живу, живу... И для меня воскресли вновь и божество и вдохновение...» (цит. по: [7, с. 107]); «...Ежедневно, по возвращении с утренней прогулки, т. е. с 10 часов до 3-х, я не встаю со стула, сижу и пишу... почти до обморока». И еще — к ней же: «Если теперь я написал что-нибудь, так это должно быть мариенбадская вода помогла» [6, с. 237, 238]. Вот несколько строк из письма к С. А. Никитенко: «Я прожил в Мариенбаде лишних десять дней по окончании курса затем, чтобы кончить „Обломова“ всего — и кончил. Это был тоже своего рода курс: не знаю, что по следствиям окажется удачнее, может быть ни то, ни дру-

² В дорожном дневнике Погодина пребыванию в Мариенбаде посвящена целая глава [4, с. 61—84].

гое. Зато я сделал все, что человек может только сделать... Я так заработался, так много сделал в эти два месяца, что другой в две свои жизни не написал бы столько, и теперь жажду покоя и бездействия» [7, с. 112].

Гончарова так окрылил творческий порыв, испытанный им в Марианских Лазнях в 1857 г., что он приехал туда снова в 1859 г., надеясь продвинуть написание «Обрыва». Однако работа не пошла, не очень удачным в этом отношении был и приезд в 1860 г. Лишь в 1865 г. ему снова хорошо работалось в Марианских Лазнях, и он сообщил С. А. Никитенко: «...Написал добрый том в Мариенбаде (вот где тишина!)» (цит. по: [7, с. 172]). Таким образом, в Марианских Лазнях, хотя «Обрыв» и был окончен лишь три года спустя, в 1868 г., полностью или частично Гончаров написал два крупнейших своих произведения.

В творчестве Н. С. Лескова не наблюдается прямых следов его пребывания на чешском курорте, если не считать, что там он начал роман «Чертовы куклы» и намеревался дописать повесть «Соболий перелет». Его повесть из чешской жизни «Александрит» не имеет прямого отношения к Марианским Лазням. Тем не менее одно занятное событие связано с его пребыванием там. В русской печати в 1875 г. появилось ложное сообщение, что один из основных мариенбадских целебных источников перестал действовать (это была инсинуация карлсбадских врачей, конкурировавших с мариенбадскими). Как писатель и журналист Лесков помог медикам Мариенбада опубликовать опровержение неверной информации в газете «Русский мир».

Судя по письмам с чешского курорта, под впечатлением европейских встреч и от чтения недоступной в России литературы Лесков решительно переоценивал в то время свои взгляды, осуждая реакционный циркуляр Министерства просвещения, направленный против революционизации русских школ, переживал свое отчуждение от передовой русской общности.

Иные последствия имел приезд в Марианские Лазни для К. М. Станюковича. Жизнь чешского курорта и его посетителей нашла отражение в его романе «Омут» (1881), герой которого, русский предприниматель Слюнин, направлен на курорт врачом из Петербурга, чтобы поспеветь и похудеть. Действие значительной части романа происходит в Марианских Лазнях, размеренную курортную жизнь которых Станюкович описывает по собственным наблюдениям. Его яркие зарисовки дают представление о ней. На Променаде «кипит толпа всевозможных национальностей, начиная с неизбежных англичан и русских и кончая каким-то бронзовым индийским раджою». Часто Станюкович ироничен и даже саркастичен: «И какие только лица, фигуры и торсы не проходили мимо, — пишет он об идущих утром к целебному источнику. — Худощавых было немного, но зато какое обилие экземпляров человеческой полноты и особенно животов, обладатели которых с трудом передвигали свои туши с веселыми добродушными свиноподобными лицами». Взгляд писателя останавливался на русских чиновных особах: «Казалось, один только Петербург выбросил сюда из своих недр добрую половину всех, получивших подъемные, тучных сановников, генералов и директоров департаментов... И боже ты мой, какие они здесь скромные и любезные, наши административные Юпитеры!» [8]. Ко времени написания «Омута» Станюкович еще не был знаменитым писателем-маринистом, но и в этом романе раскрывается талант писателя-демократа.

Завершая рассказ о русских писателях XIX в., чьи жизненные и творческие судьбы так или иначе соприкасались с Марианскими Лазнями, заметим еще, что довольно подробное описание этого курорта мы встречаем в повести В. И. Даля «Павел Алексеевич Игривый». В Мариенбаде происходит развязка повести. При этом Даль говорит не только о курорте — «очень благовидном местечке живописной Богемии», — но и о его окрестностях — мельнице, Амальиной горе, деревне Аушовиц, лесничьем доме Кенигсварт. Все это позволяет думать, что либо Даль сам побывал там, либо имел обстоятельную информацию от кого-то из своих русских знакомых, кто хорошо знал курорт.

Пребывание Горького в Марианских Лазнях приходится на другое время. Шли первые годы существования буржуазной Чехословакии. Приездом писателя были встревожены власти, за ним следила полиция, о нем необъективно информировала буржуазная печать. Ее разного рода измышления развевало посланное Горьким из Марианских Лазней в газету «Rudé právo» письмо, опубликованное 23 III 1924 г. Назвав провокационные сообщения о себе в буржуазных газетах «ложью, клеветой и глупостью», писатель сообщал, что его здоровье улучшилось и он рабствует над книгой своих рассказов, что скоро выйдут его воспоминания о В. И. Ленине.

В Марианских Лазнях, где вместе с ним был В. Ф. Ходасевич, Горький не только интенсивно работал, но и гулял по окрестностям курорта, особенно любил ходить в Махову долину и к Лесному источнику. В доме лечившего его врача Б. С. Ольберта он слушал Бетховена и Брамса. Находясь на курорте, Горький познакомился с русским переводом чешских сказок, которые предполагалось издать. Несмотря на стремление официальных кругов изолировать писателя, интерес и внимание к нему со стороны прогрессивной чешской общественности были велики. Когда до школьников шахтерского села Поруба дошла весть, что Горький находится в Чехословакии, они захотели написать ему, выразить свою симпатию и пожелать здоровья. Поскольку написать Горькому хотелось всем, то решили послать не одно, а 43 письма от каждого ученика. Тронутый этими письмами, Горький 20 I 1924 г. ответил своим юным корреспондентам, обратившись с письмом к их учителю И. Гурнику. «Посылаю школе мой портрет и книги мои на русском и немецком языках,— говорится в этом письме.— Скажите детям: в их годы я жил очень тяжело, очень трудно, но уже тогда смутно почувствовал, что все — и дурное и хорошее — от человека и для человека.

Чем дальше — тем более ясным становилось для меня решающее значение воли и разума человека,— этих двух источников всех благ, всех радостей и великих деяний мира.

Эта вера спасла меня от гибели, с этой верой я прожил всю жизнь, по-сильному служа человеку.

Этой веры я всюю душою желаю детям Порубы...» [9]. Письмо Горького было обнаружено в Чехословакии после 1945 г. В Марианских Лазнях в доме, где жил Горький, была посвященная ему экспозиция, где находилось и это письмо.

Из Мариенбада Горький писал М. Ф. Андреевой 4 февраля 1924 г. о том, что завершил свои воспоминания о В. И. Ленине, кончина которого потрясла писателя. Узнав о ней, Горький послал Е. П. Пешковой телеграмму, в которой просил возложить венок с надписью «Прощай, друг».

Поездки русских писателей в Марианские Лазни, нередко сопровождавшиеся остановками в Праге, давали им возможность общения с чешскими культурными деятелями. Так например, некоторые из них встречались с И. Добровским, П. И. Шафариком, Й. Юнгманом, В. Ганкой и другими, что помогало сближению и взаимообогащению русской и чешской культур. Если иметь в виду только прошлый век, то какая-то часть русских, бывавших на чешском курорте, могла встречать там польского писателя К. Бродзинского, чешского писателя Я. Неруду, композитора А. Дворжака, а также Гете, Шопена, Вагнера, И. Штрауса, Марка Твена, Томаса Эдисона и целый ряд других деятелей культуры и науки. И это обстоятельство надо учитывать, говоря о гостях чешского курортного города.

Идущая от начала XIX в. традиция посещения Марианских Лазней приезжими из России³ не прервалась и в советское время. Особенно ожи-

³ Много разного рода сведений о посещениях русскими Марианских Лазней сохранила теперь библиографической редкостью брошюра А. В. Флоровского [10]. В частности она содержит статистические данные о количестве русских, приезжавших в Марианские Лазни. Долгие годы (с 1875 по 1914 г.) оно постоянно составляло 10 и больше процентов от общего числа посетителей.

вилаась она после мая 1945 г. Уже в первый послевоенный год здесь концертировали скрипач Д. Ф. Ойстрах и пианист Л. Н. Оборин. Позже там побывали М. Шагинян, С. Щипачев, Б. Полевой. В 1966 г. Марианские Лазни посетил Ю. Гагарин. В наши дни ежегодно очень многие приезжие из Советского Союза посещают этот уютный и живописный чешский курорт. Он остается верен традиции, остается местом дружеского общения представителей братских народов.

Очень многое напоминает в Марианских Лазнях о далеких и не очень далеких русско-чешских связях. Это Русская улица, небольшая русская церковь, с удивительным по мастерству иконостасом, когда-то изготовленным в Дулеве (в 1900 г. он экспонировался на выставке в Париже), в нижнем этаже церкви в свое время была богатая русская читальня. Это — мемориальные доски на домах, где жили и работали Гончаров и Горький, Луначарский, колонада М. Горького, театр Н. В. Гоголя. Это — лечебницы «Кавказ», «Севастополь», «Горький», санатории и дома отдыха «Донбасс», «Ленинград», «Ялта», «Суворов», «Кремль», курортные дома «Байкал», «Нева», «Волга» и другие, наконец, курортный дом и заповедная природная зона «Тайга».

Есть ли еще вне России такой город, где бы советскому человеку так много напоминало о ней и ее выдающихся писателях? Пожалуй, сразу на такой вопрос и не ответить. Но то, что с Марианскими Лазнями связаны многие страницы летописи русско-чешских культурных отношений, несомненно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лесков Н. С. Собр. соч. Т. 10. М., 1958, с. 411.
2. Языков Н. М. Полное собр. стихотворений. М.—Л., 1946, с. 542.
3. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Т. XI. М., 1952.
4. Погодин М. Год в чужих краях. Ч. IV. М., 1844.
5. Вяземский Н. А. Полн. собр. соч. Т. X. СПб., 1884, с. 62.
6. Гончаров И. А. Собр. соч. В 8-и томах. Т. 8. М., 1980.
7. Утевский Л. С. Жизнь Гончарова. М., 1931.
8. Станюкович К. М. Полн. собр. соч., изд. 2-е. Т. V. СПб., 1907, с. 5, 31, 31—32.
9. Горький М. Полн. собр. соч. Т. 29. М., 1955, с. 419.
10. Флоровский А. В. Русские в Марианских Лазнях. Прага, 1947.

КНИЖНАЯ ПОЛКА СЛАВИСТА

- Михальчић Р. Лазар Хребењановић: Историја, култ, предање. Београд, 1989, 286 с., ил.
- Објављиване на независимоста на Бугарија през 1908 г. / БАН. Ин-т по историја; отв. ред. Иусов М. Софија, 1989, 455 с., 16 л. ил.
- Оцџеки В. И. М. Горький и польская драматургия начала XX в. М., 1989, 141 с.
- Пунев К. Драган Манчов: Книгоиздател и радетел за бащин език. Софија, 1989, 222 с., 8 л. ил.
- Савић-Ребац. Студије и огледи: 1/2/ Приред. Зличић Д. Нови Сад, 1988. (2 книги в одном переплете).
1. Студије и огледи из античке књижевности. 187 с.
 2. Студије и огледи из светске и српске књижевности. 195—423 с.
- Савременици о Косову и Метохији, 1852—1912 / Избор, предг. и објашњења Батаковић Д. Т. Београд, 1988. 464 с.
- Сикст из Оттерсдорфа: Хроника событий, свершившихся в Чехии в бурный 1547 г. / Отв. ред. Флоря Б. Н.: Пер. с чеш. и коммент. Виноградовой А. И. и Мельникова Г. П.; АН СССР. Ин-т славяноведения и балканистики. М., 1989, 133 с.
- Славяноведение и балканистика в странах Зарубежной Европы и США / Отв. ред. Мыльников А. С.; АН СССР. Ин-т славяноведения и балканистики. М., 1989, 199 с.
- Славянский и балканский фольклор: Реконструкция древ. слав. духов. культуры: источники и методы / Агапкина Т. А., Афанасьева Н. Е., Виноградова Л. Н. и др.; отв. ред. Толстой Н. И., АН СССР. Ин-т славяноведения и балканистики. М., 1989, 271 с., ил.
- Современность классики: Сб. науч. тр. / отв. ред. Туниманов В. А.; АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Л., 1989, 241 с.
- Српске посланице шеснаестог века / Приред. Трифуновић Ђ. Крушевац, 1988, 53 с.
- Српско граѓанско песништво: Огледи и студије? / Бекић Т., Дамјанов С., Карановић З. и др. Нови Сад, 1988, 444 с.
- Старо српске песништво, IX—XVIII век / [Приред.] Радојичић Ђ. Сп. Крушевац, 1988, 190 с.
- Страници от Българската история: Очерк за ислямизираните българи и национално-възродителния процес / Под ред. Христов Х. Софија, 1989, 127 с.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Dziedzictwo Włodzimierza Lenina i aktualne problemy współczesności.
Wrocław — Warszawa, 1987, 1100 s.

Наследие Владимира Ленина и актуальные проблемы современности

Весьма убедительным свидетельством продуктивной деятельности образованной в октябре 1983 г. в системе Академии наук СССР и Польской академии наук советско-польской комиссии по сотрудничеству в области общественных наук являются опубликованные материалы проведенных ею конференций. Первая из них происходила в мае 1984 г. в Варшаве (см. [1]), вторая — в июне 1985 г. в Москве (см. [2]). Материалы третьей сессии комиссии, заседавшей в сентябре 1986 г. в Варшаве и Поронине, нашли отражение в рецензируемом издании, вышедшем в свет под редакцией и с предисловием Б. Бялокозовича.

Объем публикации, многочисленность и многоплановость охватываемых ею статей исключает возможность сколько-нибудь детального их рассмотрения и вынуждает в ряде случаев ограничиться лишь указанием темы и фамилии автора.

Открывает издание статья М. Михалика «Ленинская теория войны и мира и современность». Рассмотрев место проблем мира и войны в марксистско-ленинской теории, вопросы истоков характера и функций войны, острейшую необходимость мирного в условиях современности сосуществования, глобальную опасность термоядерной войны, автор подчеркивает, что предотвращение такой войны является важнейшей задачей человечества.

Х. Холай в статье «Хлеб и мир как цели в свете теоретического наследия Владимира Ленина» отмечает, что продовольственная проблема — одна из основных проблем, являющихся одновременно проявлением диалектики взаимосвязи классовых и общечеловеческих аспектов мирового исторического процесса (подробнее см. [3]). Атомная эпоха внесла новые черты в развитие этого процесса,

резко усилила взаимозависимость стран и народов и потребовала нового мышления. Марксизм-ленинизм доказал, что историческая миссия рабочего класса расширилась до необходимости борьбы за спасение жизни на земле, в которой во взаимозависимости выступают борьба за мир и за хлеб.

Т. М. Ярошевский рассматривает новые идеи, выдвинутые XXVII съездом КПСС и X съездом ПОРП, В. Н. Кудрявцев — развитие советской политической системы в свете положений, отвечающих решениям XXVII съезда КПСС, Е. Мушиньски — развитие политической системы ПНР в свете программы ПОРП, Н. Лапин — философско-методологические вопросы развития общественных наук, вытекающие из материалов XXVII съезда КПСС.

Вторая группа статей — Р. Грабовского, Ст. Опары, Бр. Богданова, М. Фритцханда, В. Лекторского и В. Поруса, Е. Топольского, М. Лечика посвящена ряду актуальных вопросов ленинской философской мысли — значению теоретического наследия Ленина как главной идеи деятельности ПОРП, ленинскому этапу марксистской философии и его месту в современной идеологической борьбе, ленинскому понятию ревизионизма и его значению в современных условиях, актуальности ленинской постановки проблем диалектики познания современности и др. Т. Валихновский рассматривает ленинское развитие теории классовой борьбы на примере общественно-политических конфликтов в Польше в 1944—1981 гг., во многом вытекающих из той расстановки политических сил, которая возникла еще в период гитлеровской оккупации страны. Складывавшемуся тогда революционно-демократическому фрон-

ту противостояли многочисленные организации и группы (свыше 100 тыс. человек), готовившиеся в условиях приближавшегося краха гитлеровской Германии воспрепятствовать становлению в стране народной власти. Силы реакции рассчитывали при этом на вооруженную интервенцию Англии и США и на развертывание борьбы в тылах Красной Армии и народного Войска Польского. После крушения этих планов, упрочения народной власти, осуществившей коренные социально-экономические преобразования и опиравшейся на нерушимый союз и дружбу с СССР, сохранившиеся контрреволюционные элементы пытались в своих интересах использовать конфликты и общественно-политические кризисы 1956, 1968, 1970, 1976 и 1980—1981 гг. Накопленный революционными силами во главе с ПОРП огромный политический опыт, пишет Т. Валихновский, позволил преодолеть эти кризисы и поставить масштабную задачу социалистического обновления страны, решаемую на основе ленинских принципов строительства социализма.

В статье В. Гранова и А. Момджян и в статье В. Лебедзиньского дана критика буржуазных и ревизионистских концепций политического плюрализма, которые направлены против марксистско-ленинских партий. При этом подчеркивается, что существующий в Польше мировоззренческий плюрализм, рассматриваемый в процессе динамических изменений, предполагает определенную общность целей на основе диалектики единства и многообразия общественно-политической жизни.

В. А. Хорев освещает влияние ленинской мысли на развитие социалистической художественной литературы в 20-е годы в Польше и в других странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Отметив, что Ленин никогда не сводил задачи искусства к подкреплению актуальных политических лозунгов, к агитационно-пропагандистским функциям, автор раскрывает происходившее под воздействием Великой Октябрьской социалистической революции и трудов Ленина становление революционно-пролетарского направления в художественной литературе стран региона.

Обращаясь к вопросам идейного наследия В. И. Ленина и его влияния на современные проблемы культуры, Б. Бялокович подчеркивает, что в истории польского народа культура, литература, искусство играли особенно значительную

общественную и мировоззренческую функцию, выполняя роль фактора, поддерживавшего чувства национальной общности и исторических традиций, пробуждали и усиливали тяготение к национальной независимости. В то же время, отмечает автор, в современной Польше идет острая борьба за укрепление светского характера культуры, за углубление рационалистического марксистско-ленинского мышления.

Ленинскую концепцию культуры, ее роли в становлении современной личности, в ее служении делу мира и дружбы народов освещает А. Арнольдс.

Статьи В. Искры, Ч. Мойсевича, В. Заставного, Т. С. Хачатурова, Р. Хелиньского и др. посвящены анализу значения ленинской концепции пролетарского интернационализма для реализации задач экономической и политической интеграции стран социализма и различным аспектам развития мировой социалистической системы, в частности проблемам интенсификации социалистической экономики, активизации человеческого фактора, экономической интеграции стран — членов СЭВ и т. д.

С. С. Хромов, Б. Стружек, Э. Мазуркевич освещают значение ленинских положений о роли рабочего класса в строительстве социализма, ленинскую концепцию рабоче-крестьянского союза и ее значение в современных условиях, ленинский кооперативный план и пути его реализации в ПНР, актуальность ленинских основ экономической политики в отношении мелкой буржуазии и др. М. Перчиньский пишет о ленинской теории империализма в условиях современного капитализма, Б. Ратусь — об актуальности ленинской идеи пролетарского интернационализма, Я. Шмыд — о теоретических проблемах традиций и современности в трудах К. Маркса и В. И. Ленина; ряд статей затрагивает проблемы, связанные с постановкой Лениным некоторых вопросов развития правовой системы социализма, демократического централизма и др.

В статье В. А. Дьякова — «Ленин о польском национально-освободительном и рабочем движении в XIX и начале XX в.» обращено внимание на недооценку некоторыми польскими историками классового подхода к освещению национально-освободительного движения польского народа, на спекулятивное использование в некоторых трудах отдельных высказываний К. Маркса и Ф. Энгельса по польскому вопросу вопреки сути их позиции.

на отдельные попытки представить их сторонниками исторической, а не этнически-языковой политико-территориальной концепции ареала Польши. В интересной статье допущены такие фактические ошибки, на которые нельзя не обратить внимание. Приведем хотя бы один пример. Автор пишет, что по дороге в сибирскую ссылку в 1897 г. Ленин «в течении 6 недель находился в общей камере этапной тюрьмы „Бутырки“ вместе с осужденными деятелями ППС..., а также членами СДКПиЛ... В это время Ленин не только лично познакомился с представителями реформистского, а также революционного направления в Польском рабочем движении, но равно мог непосредственно узнать сущность различий в их политических программах» (с. 1002). Дело не только в том, что еще до своего ареста в декабре 1895 г. Ленин уже был осведомлен о наличии двух политических течений и соответствовавших им политических партий в польском рабочем движении, но в том, что не только шести недель, но ни одного дня Ленин не провел в Бутырской тюрьме ни в 1897, ни в какие-либо другие годы. Не находит подтверждения и то, что Ленин был лично знаком и когда-либо встречался со всеми теми лицами, которых автор причисляет к его мнимым бутырским «однокамерникам»¹.

С. Дзямский в своей статье пишет о некоторых моментах истории восприятия ленинизма политическим авангардом польского рабочего движения — коммунистами. Особое внимание уделено тому, как ленинские взгляды воспринимали и пропагандировали М. Кошутская, А. Варский, один из немногих в 20-е годы польских философов-марксистов С. Рудницкий. В конце 20-х — начале 30-х годов марксистская философия нашла сторонников среди некоторых философов, которые не были связаны с революционным движением. Так, далекий от этого В. Спасовский рассматривал В. И. Ленина как мыслителя, открывшего новый этап в развитии человеческой цивилизации и культуры.

¹ В. А. Дьяков признал данное замечание вполне обоснованным. (Ред.)

Статья Я. Собчака «Ленин близкий полякам» передает основные положения его вышедшей вторым изданием книги под таким же названием [4], помогает понять, почему вопросы, связанные с Польшей, с польским рабочим движением, заняли большое место в трудах Ленина; показывает, как обогащались под влиянием Ленина польская революционная мысль, польское революционное движение.

Завершает книгу статья И. С. Яжборовской, в которой сотрудничество КПСС и ПОРП рассматривается как воплощение ленинских идей дружбы и сотрудничества советского и польского народов, скрепленного договорами 1945 и 1965 гг. Эти договоры, отражающие волю обоих народов к широкому продвижению вперед, к социализму, служат основой их разностороннего и углубляющегося сотрудничества, отвечающего курсу развития, определенному решениями XXVII съезда КПСС и X съезда ПОРП.

Как видно из настоящего обзора, польско-советская комиссия по вопросам сотрудничества в области общественных наук изучает весьма широкий круг проблем. В данном случае попытка столь всестороннего охвата этих проблем вполне естественна, так как обусловлена рассмотрением огромнейшей темы о значении великого, имеющего непреходящую ценность теоретического и практического наследия, оставленного В. И. Лениным, и помогающего решению актуальных проблем современности.

Манусевич А.

ЛИТЕРАТУРА

1. Теоретические проблемы строительства социализма. Материалы теоретической конференции. М., 1986.
2. Критика немарксистских концепций социализма. Материалы теоретической конференции. М., 1986.
3. Холэй Х. Социализм и аграрный вопрос. М., 1986.
4. Sobczak J. Lenin blizki polakom. Warszawa, 1982.

Э. МАЛЭК. *Древнепольская нарративная проза в России XVII—XVIII вв.*

В международных связях русской литературы XVII в. главная роль, несомненно, принадлежит польско-русским литературным контактам: число переводов с польского насчитывает несколько десятков самых разнообразных сочинений, в том числе не только польских; в XVII в. польская литература сыграла для русской роль литературы-посредницы. В потоке переводов, особенно усилившемся во второй половине века, центральное место занимает повествовательная проза — романы, назидательные и новеллистические сборники.

Многие из памятников, начало изучению которых положил еще А. Н. Пыпин в своей диссертации 1857 г., подробно исследованы, а некоторые неоднократно издавались. Вместе с тем в славистике отсутствует обобщающая работа, где бы анализировались не столько сами переводы, сколько их последующая судьба и роль в русском литературном процессе. Именно эту задачу и призвана решить рецензируемая книга Э. Малэк. Уже из заглавия видна одна из новаций книги. В отличие от обычного, «хронологического», подхода, при котором конец XVII в. завершал литературную историю текстов, в книге на равных правах сведены XVII и XVIII вв. Автор справедливо обосновывает соединение веков тем, что как раз в XVIII в. литературная история многих памятников получила дальнейшее самостоятельное существование. Особую роль отводит автор Петровской эпохе, периоду самой интенсивной литературной адаптации переводов второй половины XVII в.

В изложении материала Э. Малэк следует, в основном, хронологии — от начала XVII до конца XVIII в., — но деление на главы (всего их шесть) носит жанровый характер. Так, в первой главе рассматриваются беллетристические памятники, попавшие в Россию в составе хроник Бельского и Гваньини, затем любовно-авантюрный роман (гл. 2), подробно изложены судьбы целых сборников религиозных легенд (гл. 3), фацеций (гл. 4) с особым вниманием к судьбам гуманистической новеллы в России (гл. 5). Завершает книгу анализ «Похождений Совесть-Драла», появившихся в 1770-х

годах, когда влияние старопольской беллетристики на русскую литературу почти полностью ослабело.

Основное внимание автор уделяет не столько появлению самих переводов (во многих случаях это хорошо разработано), сколько их дальнейшей адаптации в русском литературном контексте. Э. Малэк, обладающая редким для зарубежного русиста знанием русской рукописной традиции, прослеживает судьбы отдельных повестей и извлеченных из сборников новелл на огромном рукописном материале. Особенно показателен и убедителен анализ многих редакций повестей сборника «Римские деяния» (s. 117—148), которые, иногда полностью утратив свой польский колорит, попадали в печатные сборники XVIII в.

Книга Э. Малэк, насыщенная материалом и оригинальными наблюдениями над конкретными произведениями (см. список привлеченных памятников, s. 277—289), позволяет высказать и некоторые дополнительные соображения. В книге неоднократно упоминается Посольский приказ, крупный литературный центр XVII в. Хотя его роль в «книжном строении» известна давно, все же очевидно, что литературная деятельность его переводчиков нуждается в более подробном изучении, в том числе и переводческой техники. Например, Э. Малэк допускает, что «Повесть о цезаре Оттоне» могла появиться в Посольском приказе (s. 30—34), хотя приводимые ею примеры свободного обращения переводчика с текстом явно не совпадают с известной практикой Посольского приказа, в частности, с переводом «Истории о Мелюзине» И. Гуданского (s. 60). Вероятно, следует различать и понятия «перевод, выполненный в Посольском приказе» и «перевод, выполненный переводчиком Посольского приказа». Скорее всего, переводы, сделанные по служебному долгу, должны отличаться от чисто литературных предприятий тех же переводчиков, писавших уже как частные лица. Была бы крайне желательна лингвистическая работа о приказных переводчиках, результаты которой можно было бы применить и в конкретных атрибуциях.

Ограничимся одним примером. До конца не выяснено происхождение «Повести

об астрологе Мустаеддине» (s. 17—18), некогда изданной Э. Малэк, установившей ее польский оригинал [1] и предположившей, что повесть перевели в Посольском приказе. Поскольку Н. С. Демкова связывает появление перевода с Епифанием Славинецким, то приведем дополнительные данные в пользу Посольского приказа. Еще в середине 1660-х годов Юрий Крижанич упомянул в своем сочинении о «некоих книжках, написанных сице: Zawada Kola Polyskogo (так! — С. Н.), а имя писателево есть замолчано» [2]. Поскольку Крижанич был связан с Посольским приказом, возможно допущение, что там эту книжку отыскивали и перевели. Это тем более вероятно, что в описании одного несохранившегося списка повесть носит оригинальное название, переданное совершенно в духе и стилистике Посольского приказа: «Выпись из подлинной книжицы нарицаемые Лига з зацепкою кола посольского общего народу Коруны польские и Великого княжества Литовского творцем Христофором Дамином, странствующим полским» [3]. Скорее всего, Э. Малэк была права в своем предположении о происхождении повести.

Богатства наших рукописных хранилищ еще не все, к сожалению, каталогизированы, поэтому тут всегда возможны находки. В частности, наблюдения Э. Малэк над русификацией переводных романов полностью подтверждает еще один список «Истории о Мелюзине» в переводе И. Гуданского 1677 г. В этом списке середины XVIII в. (ЛОИИ, колл. 238, № 681) повесть подверглась полной языковой правке, коснувшейся в первую очередь устаревших грамматических форм, и появилась новая редакция, стилистическая, настолько отличающаяся от изданного Э. Малэк первоначального текста [4], что если бы Гуданский не был назван в рукописи, то были бы все основания говорить о новом русском переводе.

Пользуемся случаем исправить одно недоразумение. Э. Малэк при разборе второго перевода «Великого Зерцала» приводит предположение О. А. Державиной, что его автором мог быть переводчик Посольского приказа Ф. Гозвинский. Это явная ошибка: второй перевод

«Великого Зерцала» появился в конце 1680-х — начале 1690-х годов, а известные переводы Ф. Гозвинского относятся к 1607 и 1609 гг. Объяснение простое: перевод 1609 г. с польского попал в один сборник с новеллами «Великого Зерцала» (s. 152) [5, с. 46, 166].

В заключение — одно необходимое библиографическое дополнение. В книге анализируется повесть начала XVIII в. об Аквитане (s. 202—203), между тем читатель не найдет ее в библиографиях русской повести, а издана она была совсем недавно самой Э. Малэк [6], но эта публикация в обширной «Библиографии» (s. 263—273) отсутствует.

Книга Э. Малэк является, бесспорно, существенным вкладом в изучение польско-русских литературных связей XVII—XVIII вв., представленный же в книге материал значительно расширяет наши представления о механизме функционирования заимствованных сюжетов в русской беллетристике XVII—XVIII вв.

Николаев С. И.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малэк Э. «Повесть об астрологе Мустаеддыне» — неизученный памятник переводной литературы XVII в. (Из истории польско-русских литературных связей). — ТОДРЛ. Т. 25. Л., 1970, с. 242—258.
2. Русское государство в половине XVII в.: Рукопись времен Алексея Михайловича (Открыл и издал П. Бессонов). М., 1859, с. 133 (Приложение к № 4 «Русской беседы»).
3. Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Кн. 9. Владимир, 1907, с. 103.
4. Malek E. Historia o Meluzynie. Bydgoszcz, 1979.
5. Державина О. А. «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М., 1965.
6. Малэк Э. «Повесть о Аквитане» — неизученный памятник древнерусской литературы. — Zeszyty Naukowe Wyższej szkoły pedagogicznej w Bydgoszczy. Studia Filologiczne: Filologia rosyjska. Bydgoszcz, 1985, zesz. 23 (8), s. 139—144.

Славистические исследования 1. Гибридные образования в славянских языках. Под ред. С. Вархола

Новую серию «Славистические исследования», которую начал выпускать Люблинский университет им. М. Кюри-Склодовской, открывает сборник «Гибридные образования в славянских языках». В нем публикуются доклады, прозвучавшие на научной славистической конференции, которая состоялась 10—11 мая 1984 г. в Люблине. Проблематика языковой гибридации, обсуждавшаяся на этой конференции и широко представленная в материалах рецензируемого сборника, имеет несомненное научное и практическое значение. Речь идет о возникновении и функционировании в славянских языках специфических структур смешанного характера, состоящих из генетически разнородных элементов. Внимание к подобным структурам оправдывается уже тем, что они, как отмечает редактор сборника С. Вархол, составляют значительный процент словарного состава каждого естественного языка, в том числе и польского.

Феномен языковой гибридации рассматривается в сборнике на обширном материале различных славянских языков, представленных как литературно-письменными, так и диалектными формациями. Если говорить о языковых уровнях, то наибольшее внимание, естественно, уделяется лексике (апеллятивной и ономастической) и словообразованию. Наряду с этим затрагиваются и проявления процесса гибридации в фонетике, морфологии и синтаксисе. Характерной чертой сборника является также то, что гибридные образования освещаются и в синхронном, и в диахронном плане.

Книга состоит из двух частей. Первая часть включает восемь статей: Г. Борек — «Ономастические и апеллятивные гибриды (на силезском материале)», Д. Буттлер — «Гибридные образования на разных этапах развития и в разных слоях лексики польского языка», А. М. Левицкий — «Заемствованные цитатные выражения как тип словарных единиц», М. Майтан — «Проблема гибрида в топонимике», Л. Мошинский — «Гибридные образования в древнецерковнославянском языке», Е. Обара — «Гибриды и полукальки на фоне других исконных и иноязычных единиц», Г. Ожеховска —

«Словообразовательные и грамматические кальки в языке словенской Библии XVI в.», С. Вархол — «О гибридной деривации». Авторы этих статей наряду с анализом конкретного материала стремятся раскрыть в теоретическом плане существо явления гибридации, его обусловленность языковой интерференцией, билингвизмом, процессами заимствования. Здесь же делаются попытки выявить существенные черты структуры гибридных образований, причины и условия их возникновения, показать их роль в лексико-словообразовательной системе языка.

Во второй части помещено пятнадцать статей, имеющих более конкретный характер. В них рассматриваются словообразовательные гибриды в диалектах сербско-хорватского языка (В. Борьсь), гибриды в польской мототерминологии (А. Стажец), гибридные наименования, возникшие на базе польско-украинских диалектных контактов (М. Бучинский, Б. Чопек, Ф. Чижевский, М. Лэсюв, К. Рымут), различные типы ономастических гибридов, в том числе балто-славянских и славяно-немецких (М. Кондратюк, Э. Жетельска-Фелешко, Б. Линдерт), возникновение и функция суффиксов *-a(d)lo*, *-i//y(d)lo* (С. Гала), словообразовательная структура русских лексических заимствований в современном польском литературном языке (Ю. Л. Яворская), *Nomina feminativa*, образованные от заимствованных слов в болгарском, польском и русском языках (А. Кернер). Статья М. Саевича посвящена характеристике белорусских говоров Белостокского воеводства.

В рецензии остановимся лишь на некоторых вопросах, представляющих значительный теоретический интерес. Прежде всего отметим важность попыток авторов сборника теоретически осмыслить такие исходные понятия, как языковая гибридация, гибрид (гибридное слово, гибридное образование). В этом плане наблюдается достаточно большой разброс мнений, что и неудивительно: в славянском языкознании нет общепринятой точки зрения по данному вопросу. До сих пор ведутся споры о том, все ли слова, в структуре которых сочетаются разноязычные морфемы, следует считать гиб-

ридными образованиями. Продолжение этой дискуссии мы видим и на страницах рецензируемой книги. Д. Буттлер, анализируя различные типы сочетаний исконных и заимствованных элементов в структуре слова, ставит вопрос о необходимости уточнения, какие из них представляют гибридное словопроизводство: или только словосложение (ср. русск. *метеосводка*, польск. *mikrosamochód*, чеш. *stereopřístroj* и т. п.; этот тип ни у кого не вызывает сомнений, в лингвистической литературе иногда именно с подобными образованиями связывается узкое понимание языкового гибрида) или же и производные, как со структурой «исконная основа — иноязычный аффикс», так и со структурой «иноязычная основа — исконный аффикс». В польском языке, по ее мнению, наряду со сложными словами к гибридам бесспорно относятся образования с польской основой и иноязычным префиксом (типа *kontroderzenie*); дискуссионным является статус производных с иноязычными суффиксами (типа *dwuboista*, *bębnista*, *lobuzeria* и др.), а также с польским префиксом и иноязычной основой (типа *podrubbyka*); наконец, не признаются гибридами слова, образованные от заимствованной основы при помощи польского суффикса (типа *kesoniarz*, *mankowicz*, *planktoniarnia*). Однако другие авторы исходят из более широкого понимания границ разряда гибридных образований (М. Майтан, Л. Мопиньский, Е. Обара и др.). Можно согласиться с мнением Е. Обары, который замечает: «С синхронной точки зрения ... следовало бы считать гибридами все те слова, которые — независимо от способа их образования — содержат исконные и иноязычные морфемы» (с. 63). Интересно, что при этом он сам делает попытку фактически сузить состав гибридных слов. По его мнению, к ним необоснованно относят полукальки. Е. Обара стремится доказать, что, во-первых, полукальки и гибриды различаются способом образования, во-вторых, полукальки не всегда имеют гибридный (разноязычный) характер. Этот вопрос, как нам кажется, нуждается в дальнейшем изучении. Ведь здесь многое зависит от того, как понимать гибридный (разноязычный) характер структуры слова. Думается, что Е. Обара прав, считая иноязычными неславянские морфемы. Было бы логично признавать в славянских языках гибридами не любые сложные или производные слова, разноязычные по структуре (например, такие, как русск. *автомобиль* и польск. *auto-*

mobil, в которых сочетаются компоненты греческого и латинского происхождения), а только те, в структуре которых сочетаются славянские и неславянские морфемы. В таком случае, например, польско-украинские смешанные структуры слова вряд ли можно считать гибридными: здесь мы имеем дело с результатами межславянской языковой интерференции. К такому пониманию близок С. Вархол, когда он говорит о псевдогибридах, имея в виду такие языковые структуры, которые возникли на смешанной в языковом отношении территории, но генетически являются только славянскими.

Очень важной и правильной представляется мысль Д. Буттлер о том, что понятие гибрид является динамичным, исторически изменчивым (с. 29). Поэтому вполне оправданно то большое внимание, которое уделяется в материалах сборника разграничению диахронического (историко-этимологического) и синхронно-описательного подходов при раскрытии сути и содержания процесса гибридизации и его результатов на определенном этапе развития данного языка (Г. Борек, Д. Буттлер, Е. Обара, С. Вархол и др.). Г. Борек предложил различать гибридизацию подлинную (когда гибриды возникают на основе живого процесса интерференции в двуязычной среде) и вторичную (когда образуются дериваты при помощи уже давно освоенных данным языком генетически чуждых элементов, ср. польск. *folwarczek* : *folwark* ← нем. *das Volwerk*). Вместе с тем он признает, что в синхронном плане эти типы гибридности ничем не отличаются друг от друга. Глубоко диалектическую позицию занимает в этом вопросе Д. Буттлер, которая пишет: «О гибридном образовании можно говорить только в синхронном плане, по отношению к норме и словообразовательной системе определенной эпохи развития языка» (с. 29). При рассмотрении данной проблемы, на наш взгляд, целесообразно было бы внести и некоторые терминологические уточнения, например, различать гибридность морфемной структуры слова (в диахроническом аспекте) и гибридный способ актуального словообразования (в синхронном плане).

Несомненное научное значение имеют и конкретные результаты всестороннего анализа гибридных образований, представленные в статьях сборника. В частности, убедительно показана (с учетом историко-ареального и лингво-географического аспектов) специфика образования

и функционирования гибридных и смешанных структур слова в сфере ономастической лексики. Вообще в книге широко используется богатый и разнообразный диалектный материал. Хотелось бы пожелать при дальнейшей разработке данной проблематики в большей мере привлекать для анализа и материал современных славянских литературных языков, поскольку явление гибридизации

играет важную роль в развитии их лексико-словообразовательных систем.

В заключение подчеркнем, что рецензируемый сборник представляет большой интерес для широкого круга лингвистов, он дает новые импульсы для оживления и активизации изучения сложных и актуальных проблем языковой гибридизации.

Смирнов Л. Н.

TRUBETZKOY N. S. *Opera slavica minora linguistica*. Wien, 1988, LXXIV, 344 S.

ТРУБЕЦКОЙ Н. С. *Opera slavica minora linguistica*

Установление внутренней логики историко-фонетического развития славянских языков и отражающей эту логику относительной хронологии изменений, а также полидиалектная реконструкция (с учетом того фундаментального обстоятельства, что междиалектные различия в отдельных славянских языках начали складываться существенно раньше, чем эти языки вступили в эпоху самостоятельного существования, выделившись из праславянского континуума) — вот основные принципы исследований Николая Сергеевича Трубецкого (1890—1938) по славянскому сравнительно-историческому языкознанию (ср. [1, с. 180]). В соответствии с вынашивавшимся в течение многих лет замыслом ученого, этот подход должен был быть в полной мере реализован в труде «Опыт праистории славянских языков». Однако в значительной мере завершенная рукопись этого труда оказалась утраченной при эвакуации Н. С. Трубецкого из Ростова в 1919 г., а от начатого уже в эмиграции восстановления рукописи «Праистории» он позднее отказался и предпочел «разбить ее на отдельные статьи и печатать наиболее интересное в разных журналах» [2, р. 24]. Эти статьи рассеяны по страницам европейских журналов и сборников 1920—1930-х годов. Большинство из них прекрасно известно специалистам по истории славянских языков, и влияние идей Н. С. Трубецкого — особенно в связи с наметившимся с конца 50-х годов ростом интереса к славянской исторической фонологии и с происшедшим чуть позднее совмещением проблематики относительной хронологии с идеями генеративизма — явилось и остается важным фактором развития этой дисциплины. Тем

не менее трудно переоценить значение и пользу рецензируемого издания — сборника, изданного Австрийской Академией наук к 50-летию со дня смерти Н. С. Трубецкого и впервые объединившего под одним переплетом все его статьи по славянскому языкознанию. Основную часть этих работ можно считать «отпрысками» готовившегося автором «Опыта праистории славянских языков», хотя вряд ли было бы правомерным рассматривать их как непосредственные составные части, как отдельные главы этого труда: детальность аргументации и глубина разработки специальных вопросов существенно более велики, чем можно было бы ожидать даже в очень объемистом монографическом описании обобщающего характера. С другой стороны, лишь сравнительно небольшая часть плана «Праистории» (см. [2, р. 7]) нашла воплощение в опубликованных Н. С. Трубецким и вошедших в сборник работах.

Издание открывается статьей Ст. Хафнера «Князь Николай Сергеевич Трубецкой в Вене» (с. IX—XXXVII) — здесь содержатся и биографические данные о наиболее длительном и продуктивном периоде в биографии ученого (Н. С. Трубецкой переехал в Вену после назначения его ординарным профессором славянской филологии Венского университета 20 XII 1922 г. и завершил здесь свой жизненный путь 25 VI 1938 г., вскоре после аншлюса Австрии; он был избран в 1925 г. членом-корреспондентом и в 1930 г. — действительным членом Австрийской Академии наук), и анализ важнейших направлений его научной деятельности в этот период. Основой для автора, как и для других современных биографов Н. С. Трубецкого, служат в первую оче-

редь его собственные высказывания и оценки в письмах Р. Якобсону [2]. Библиография трудов Н. С. Трубецкого (составители — В. Кюнелт-Леддин и М. Труммер) на с. XXXIX—LXVII систематизирована по темам и включает, наряду с оригинальными публикациями, перепечатки и переводы лингвистических, литературоведческих и культурно-филологических работ, а также писем ученого.

В конце библиографического перечня стоит вышедшее в 1987 г. в Москве фундаментальное комментированное издание «Избранных трудов» Н. С. Трубецкого [1], в которое включены, помимо прочего, и восемь славистических статей из числа 33 воспроизведенных факсимильно в рецензируемом сборнике [1, с. 143—230]. С учетом доступности издания на русском языке здесь целесообразно упомянуть те статьи, которые остались за рамками «Избранных трудов».

Известная концепция Н. С. Трубецкого, касающаяся хронологии общеславянского периода (длившегося, по его мнению, не менее 2500 лет и завершившегося только в X—XII вв. с осуществлением последней общеславянской инновации — утраты слабых еров), изложена в работе «О хронологии некоторых фонетических явлений общеславянского языка» (с. 37—54). Концептуальная часть служит преамбулой к рассмотрению двух праславянских законов прогрессивной палатализации — перехода велярных гласных в передний ряд после *j* и смягченных согласных и «бодуэновой» палатализации гуттуральных. Попытка Н. С. Трубецкого связать отношения относительной хронологии эти два явления между собой (палатализация гуттуральных предшествует палатализации гласных) и с другими праславянскими процессами фонетического развития открывает собой большой цикл исследований по относительной хронологии славянского фонетического развития (ср., в частности, работы Р. Якобсона, Г. Шевелева, Ф. Корландта и др.). И хотя выводы Н. С. Трубецкого в этих исследованиях не раз в большей или меньшей мере подвергались ревизии, данную пионерскую статью было бы рано объявлять сохранившей лишь историографическую значимость.

Другие проблемы славянской исторической фонетики обсуждаются в статьях «Об одной особенности западнославянских языков» (с. 34—36; речь идет о причинах твердости заднебных перед *v'* в словах типа польск. *kwiat*, *gwiazda*, *chwila*), «Трактовка звукосочетаний *tl*,

dl в славянских языках» (с. 127—131), «Старославянское *скаръна*» (с. 133—135; о причинах отсутствия палатализации *k* в этом слове), «Отражения общеславянского **o* в полабском языке» (с. 136—145), «Русск. *семь* как общевосточнославянская особенность» (с. 189—190; о двух, различающихся относительной хронологией задействованных процессах, возможностях вывести русск. *семь* из раннепраслав. **sebdmь*), «Об отражении общеславянского *ę* в чешском языке» (с. 199—222), [Письмо о праславянских дифтонгах] (с. 235—236), «Так называемая депалатализация праслав. *e* и *ě* перед твердыми зубными в польском языке с точки зрения фонологии» (с. 291—295), «Староцерковнославянское отражение праслав. **tj*, **dj*» (с. 296—305; предполагаются цепочки развития типа *tj*, *dj* > *t'*, *d'* > *s't'*, *z'd'* > *šč*, *žďž* > *št*, *žd*), «К гидрониму Уна» (с. 321—322; диалектологическое обоснование развития балт. *urė* „река“ в Уна через стадии *Ъра* и *Въра*); [Письмо Л. Новаку о словацкой, чешской и русской исторической фонетике] (с. 329—332; замечания к [3]).

Две представленные в сборнике акцентологические статьи («О первичном качестве общеславянских интонаций», с. 1—17; «К праславянской интонационной системе», с. 65—72), слегка различаясь между собой в трактовке характера развития в западнославянских языках, отражают дофонологический этап в творчестве Н. С. Трубецкого; в этих статьях как отличия общеславянских интонаций от акцентных явлений в других индоевропейских языках, так и преобразования в отдельных славянских языках рассматриваются с точки зрения изменений в контурных рисунках интонаций. Считается (см. [4]), что акцентологические воззрения «позднего Трубецкого» отражает работа А. В. Исаченко, трактующая акцентные сдвиги в отдельных славянских языках с позиций Пражской фонологической школы [5].

В одной из статей изложена приобретающая широкую известность этимология слав. **dъzdъ* из и.-е. **dus-dju-s* ‘плохое небо, плохой день’ (с. 186—188). Этимологическим проблемам посвящены также работы Н. С. Трубецкого «О некоторых остатках исчезнувших грамматических категорий в общеславянском языке» (с. 18—27; предložены объяснение слав. **nevěsta* как реликтовой формы суперлатива от и.-е. **newos* ‘новый’, а также гипотезы об отражении и.-е. перфекта в презентной парадигме слав. **mogu*

и и.-е. опатива — в презентной парадигме слав. *хотјѣ) и «Полабское Staup (Хениг В₁) „алтарь“» (с. 89—91; показана возможность отождествления полабского слова со слав. *stьlрь). Литература последних лет подтверждает, что этимологические разыскания Н. С. Трубецкого, в том числе и встретившие критику, продолжают оставаться в сфере внимания исследователей-этимологов.

Морфологическая проблематика привлекла Н. С. Трубецкого существенно меньше, чем фонетико-фонологическая; она представлена в сборнике статьями «Славянская форма номинатива-аккузатива единственного числа -n-основ среднего рода» (с. 29—33) и «О притяжательных прилагательных (possessiva) старославянского языка» (с. 323—328, продемонстрирована непродуктивность possessивных образований на -ьнь и образований с изменением конечной согласной основы).

В сборник вошли также статьи «К изучению источников по полабскому языку» (с. 146—184) и «К фонологической системе гласных старославянского языка» (с. 267—275) (они предваряют собою соответствующие монографии Н. С. Трубецкого [6; 7]), связанные с вопросами славистики выдержки из программного тома «Трудов Пражского лингвистического кружка» (с. 227—234), а также опубликованные Н. С. Трубецким статьи памяти Ватрослава Ягича, В. К. Поржезинского и Эриха Бернекера (с. 191—198, 262—266, 316—320).

Снабженный рядом указателей (с. 333—344, составитель М. Труммер), сборник славистических работ Н. С. Трубецкого создает великолепные возможности для

освоения того богатства идей и результатов, которым ценно наследие ученого для современной науки. В первую очередь это относится, разумеется, к работам по исторической фонетике славянских языков, занятия которой, по выражению Р. Якобсона, служили «скрытой движущей силой» и в основополагающих трудах Н. С. Трубецкого как фонолога и морфонолога. Издание, предпринятое австрийскими славистами,— достойный дар памяти нашего великого соотечественника.

Хелимский Е. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии: Переводы / Сост. В. А. Виноградов и В. П. Нерознак. Под общ. ред. Т. В. Гамкрелидзе и др. М., 1987.
2. N. S. Trubetzkoy's Letters and Notes/ Prep. for publication by R. Jakobson. The Hague — Paris, 1975 (Janua linguarum. Series maior; 47).
3. Novák L'. Jazykovedné glosy k československej otázke. Turč. Sv. Martin, 1935.
4. Birnbaum H. Common Slavic: Progress and Problems in its Reconstruction. Columbus, 1979, p. 121.
5. Isačenko A. V. Zur phonologischen Deutung der Akzentverschiebungen in den slavischen Sprachen.— Travaux du Cercle linguistique de Prague, 1939, t. 8, p. 173—183.
6. Trubetzkoy N. S. Polabische Studien. Wien — Leipzig, 1929.
7. Trubetzkoy N. S. Altkirchenslavische Sprache, Schrift-, Laut- und Formenlehre. Wien, 1934.

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Spisi dubrovačke kancelarije. Zapisi notara Tomazina de Savere (1284—1286). Zapisi notara Aca de Titullo (1295—1297). Knj. III. Prepisao i pripremio J. Lučić. Zagreb, 1988, 394 s.

Акты Дубровницкой канцелярии. Записи нотариуса Томазина де Савере (1284—1286). Записи нотариуса Ака де Титулло (1295—1297). Переписал и подготовил Й. Лучич

Рецензируемый третий том собрания имбревиатур нотариальных актов средневекового Дубровника, вышедший в серии «Monumenta historica ragusina», подготовлен к публикации известным югославским историком Й. Лучичем, многие годы проработавшим в Дубровницком историческом архиве — наиболее богатом из всех известных хранилищ неизданных документов по средневековой истории далматинских городов и южнославянских земель.

Оживление городской жизни в Далмации в XIII в. повлекло за собой создание в далматинских городах нотариальной службы. В Дубровнике основы городского делопроизводства заложил итальянец из Реджии Томазин де Савере, приглашенный коммуной в 70-е годы XIII в. на должность нотариуса. Высокий профессионализм Томазина де Савере позволил ему систематизировать нотариальные записи и выделить имбревиатуры однотипных актов в специальные разделы. Позже другие нотариусы укрепили подборки документов, создав более обширные нотариальные книги, которые сохранились до нашего времени и значительно облегчили труд современных исследователей и издателей.

Первым, кто начал издание полного свода имбревиатур нотариальных актов Дубровника, был Г. Чремошник [1], опубликовавший записи из нотариальных книг — «Распоряжения князя» («Rasserta rectoris»), «Долговые обязательства» («Debita notariae») и частично из книги «Завещания» («Testamenta»). Однако содержание собранных в первом томе 1123 документов значительно богаче, чем можно предположить по названию книг:

в них включены торговые соглашения, акты купли-продажи движимого и недвижимого имущества, договоры о создании торговых обществ, об аренде земли и виноградников, о найме работников, о приеме юношей в обучение ремеслу и др.

Работу Г. Чремошника продолжил Й. Лучич, выпустивший в свет второй том записей Томазина де Савере [2], вошедших в книги различных гражданских актов («Diversa cancellariae», I) и «Завещания»; всего представлено 1347 документов, содержание которых во многом совпадает с содержанием документов первого тома.

Рецензируемое издание состоит из двух частей: в первой продолжена публикация записей Томазина де Савере и приведено 547 документов из раздела о злодеяниях, составившего книгу «Diversa cancellariae», II; здесь собраны прежде всего различные судебные разбирательства, долговые иски, показания свидетелей, извещения о причиненных ущербах, заявления о кражах, грабежах, нападениях, споры об имуществе, решения княжеского суда и т. п. Во второй части представлены имбревиатуры 576 актов, записанные уже другим дубровницким нотариусом Ака де Титулло и вошедшие в книгу «Diversa cancellariae», III. Эти документы несколько разнообразнее и включают не только судебные разбирательства, но и акты о продаже земли, виноградников, домов, долговые обязательства, торговые поручения и др. Издание завершается обширными указателями имен, предметов, географических и этнических названий.

Таким образом, все три тома дубровницких нотариальных актов, изданных в разное время Г. Чремошником и

И. Лучичем, составляют единый уникальный фонд массовых исторических источников по средневековому городу и его взаимосвязи с окружающим миром.

Изучение нотариальных актов Дубровника началось давно; часть из них уже была использована в работах главным образом югославских историков. В предисловии к третьему тому И. Лучич намечает несколько направлений исследования этих документов. Он считает, что историк может заинтересовать содержащийся в актах антропонимический материал, который отразил решающие сдвиги в этническом составе дубровницкого населения — вытеснение романского элемента славянским. Лучич, например, опираясь на данные актов, делает вывод, что славянизация Дубровника происходит именно в XIII в. Остаются важными, по мнению Лучича, и традиционные направления — изучение социально-экономического развития города и его округа, а также внешних экономических и политических связей Дубровника с балкан-

скими землями и средиземноморскими странами.

К этому следует добавить, что только на материале подобных массовых источников можно рассмотреть многие, до сих пор остающиеся не вполне ясными процессы, связанные со становлением средневековых городов, и в частности, те конкретные сдвиги, которые превратили Дубровник из полупромыслового, полуаграрного поселения в город с развитым ремеслом, обширными торговыми связями, денежным обращением.

Мананчикова Н. П.

ЛИТЕРАТУРА

1. Spisi dubrovačke kancelarije. Zapisni notara Tomazina de Savere 1278—1282. Knj. I. Prepisao i uredio G. Ćremošnik. Zagreb, 1951, 462 s.

2. Spisi dubrovačke kancelarije. Zapisni notara Tomazina de Savere 1282—1284. Knj. II. Prepisao i uredio J. Lučić. Zagreb, 1984, 431 s.

Neues Testament des Čudov-Klosters. Eine Arbeit des Bischofs Aleksij, des Mitropolitens von Moskau und ganz Rußland. Unveränderter Nachdruck der 1892 in Moskau erschienenen Ausgabe. Mit Einleitung herausgegeben von Werner Lehfeldt. Köln—Wien, 1989

Новый Завет Чудова монастыря. Труд епископа Алексия, Митрополита Московского и всея Руси. Факсимильное воспроизведение издания, вышедшего в Москве в 1892 г. Под редакцией и с предисловием Вернера Лефельдта

Книга, подготовленная к печати западногерманским славистом Вернером Лефельдтом (он же — автор введения), представляет собой фототипическое переиздание одного из важнейших памятников русской церковнославянской письменности. Оригинал рукописи, ныне утраченный, содержал тексты Евангелия, Деяний и Посланий апостолов, Апокалипсиса, а также порядок евангельских и апостольских чтений и краткий месяцеслов. Между Четвероевангелием и Деяниями апостолов находилось слово Никона Черногорца о поставлении властей. Текст был переписан несколькими почерками в два столбца на 170 листах пергамента. Как полагают, новая редакция церковнославянского перевода Нового Завета была сделана около 1355 г. митрополитом московским Алексием, выдающимся церковным и общественным деятелем, другом и наставником преподобного Сергия Рад-

нежского. Митрополит Алексий имел возможность сверить церковнославянский текст с византийскими редакциями греческого оригинала во время своего двухлетнего пребывания в Константинополе (1354—1355).

Необходимость в полном и достоверном церковнославянском переводе Священного Писания, в особенности Евангелия и Апостола, — важнейших богослужебных книг — остро ощущалась в XIV столетии. Полный текст Нового Завета был в это время редкостью: преобладали списки, в которых текст располагался в порядке церковных чтений. Кроме того, тексты Священного Писания изобиловали разночтениями и ошибками, умножавшимися в новых копиях. Редакция перевода, сделанная митрополитом Алексием, отличалась высокой точностью и близостью к греческому оригиналу. Значительная часть сделанных им исправлений

вошла в принятый ныне православной церковью канонический церковнославянский текст Нового Завета. На протяжении нескольких столетий к Чудовскому Новому Завету обращались при исправлении богослужебных книг.

До 1917 г. рукопись хранилась в Чудовом монастыре Московского Кремля. В конце XVII в. московский митрополит Платон распорядился украсить переплет «с жемчуги и камение», что, по-видимому, и сыграло роковую роль в судьбе памятника: в первые послереволюционные годы рукопись бесследно исчезла при не выясненных до сих пор обстоятельствах.

Существуют два факсимильных издания рукописи. Первое выпущено в 1887 г. Даниловским архимандритом Амфилохи-ем. Второе, более качественное, издано в 1892 г. московским митрополитом Леонтием. Тираж этого издания составил 100 экземпляров, из которых в настоящее время известно около десятка, причем сохранившиеся несколько разнятся качеством печати. Оригиналом для издания под редакцией Вернера Лефельдта послужил единственный экземпляр этой книги, имеющийся в Западной Европе.

Чудовский Новый Завет представляет большой интерес для филологов, историков русского языка и, в особенности, для специалистов по истории русского ударения и славянской исторической акцентологии: это первый акцентуированный памятник, достоверно отражающий собственно русское (а не южнославянское) ударение. Обозначение ударения в рукописях стало орфографической нормой значительно позднее — уже в XVI в. Как показали исследования последних десятилетий (в особенности — работы В. А. Дыбо и А. А. Зализняка), акцентная система рукописи в некоторых отношениях чрезвычайно архаична. К важнейшим архаизмам, отраженным в тексте Чудовского Нового Завета, следует отнести перенос ударения на безударные частицы

с энклиноменов (начальноударных в изолированной позиции словоформ подвижной акцентной парадигмы), а также сохранение архаичных механизмов акцентовой суффиксальных производных. Как установил В. А. Дыбо, представленные в тексте Чудовского Нового Завета акцентные архаизмы весьма близки к праславянскому состоянию и могут быть положены в основу общеславянской акцентологической реконструкции. Аналогичные явления обнаружены им в ряде других славянских языков (наиболее ярко они проявляются в среднеболгарских акцентуированных рукописях). Кроме того, Чудовский Новый Завет позволяет установить исходную акцентовку большого количества слов, переживших впоследствии значительные акцентные инновации. Все это делает Чудовский Новый Завет незаменимым источником для славянской исторической акцентологии.

К сожалению, новое издание может быть использовано для акцентологических исследований лишь с большой осторожностью. Дело в том, что текст воспроизведен с очень высоким контрастом, в результате чего оказались утраченными недостаточно яркие написания. Это мало повлияло на качество букв, так как в большинстве случаев они написаны достаточно жирно, но серьезно затрудняет чтение надстрочных знаков. Во многих случаях знаки ударения — оксия и вария — воспроизводятся в виде точки (так как большая часть штриха была в оригинале слишком бледной), а знаки титла — в виде двух точек (в местах излома линии) и т. п. В результате ударения трудно отличить от других надстрочных знаков: собственно точки, спиритуса и др.

Таким образом, необходимость в новом, на этот раз наборном переиздании памятника, выверенном по лучшим экземплярам издания 1892 г., по-прежнему сохраняется.

Богатырев К. К.

РЕСПУБЛИКАНСКОЕ СОВЕЩАНИЕ УКРАИНСКИХ АРХЕОГРАФОВ

6—8 декабря 1988 г. в Киеве состоялось республиканское совещание «Украинская археография: современное состояние и перспективы развития», проведенное Археографической комиссией, деятельность которой была возобновлена по решению Президиума АН УССР в конце 1987 г. с целью кардинального улучшения положения в области археографии, проведения систематической научно-издательской работы и ее координации в пределах республики.

В работе приняло участие более 150 специалистов из 19 городов Украины, представители Главархива УССР, Госкомиздата УССР и республиканских издательств, Археографической комиссии и Института истории СССР АН СССР.

На пленарном заседании обсуждены доклады председателя Археографической комиссии АН УССР чл.-корр. П. С. Сохана и председателя Археографической комиссии АН СССР проф. С. О. Шмидта, д-ра ист. наук А. Л. Хорошкевич, ведущих специалистов Института истории, Института литературы им. Т. Г. Шевченко, Института философии, Института искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Ф. Рильского, Института языковедения им. А. А. Потебни и др. Выступавшие отметили закономерность возрождения в новых условиях археографической работы в республике с целью укрепления фундаментальной источниковой базы. С глубокой озабоченностью констатировано критическое состояние современной украинской археографии, представляющей одну из наиболее запущенных общественных дисциплин. Сформировавшиеся в археографической практике в годы сталинщины и застоя догматизм, тенденциозная односторонность, идеологическая направленность и низкий научный уровень публикаций источников, по сути, ритуальное обратное соотношение между историческими периодами и объемом посвященной им эдиционной продукции, наконец, фак-

тическое свертывание издательской работы в республике при полной бездеятельности Археографической комиссии АН УССР привели к тому, что не исследовались целые исторические эпохи, различные аспекты многовекового общественного и этнокультурного бытия украинского народа. На деятельности археографических центров Украины крайне отрицательно сказались погромы 30-х—начала 70-х годов, насильственно прерывавшие лучшие традиции отечественной археографии. В последние десятилетия особо ощутилось падение престижа издательской работы, появление своеобразного «антиисточникового» направления в исторических исследованиях, отсутствие квалифицированных кадров археографов. В докладах и сообщениях пленарного заседания был поставлен ряд неотложных организационных проблем, решение которых позволило бы исправить сложившееся положение. Это вопросы формирования перспективного плана публикации письменных памятников истории и культуры и разработка четкой, научно обоснованной издательской концепции; координация эдиционной, информационно-справочной и теоретической работы в области археографии в центральных и местных учреждениях; согласование соответствующих позиций в планах научно-исследовательских работ институтов Секции общественных наук и учреждений Главархива УССР; разработка унифицированных правил публикации памятников украинской письменности XV—XVIII вв. и источников других эпох; широкое использование средств оперативной полиграфии и внедрение электронно-вычислительной техники, в частности, при подготовке научно-информационных изданий. В числе первоочередных были вопросы соответствующего штатного, финансового и правового обеспечения работы Археографической комиссии; проблема издательских лимитов и полиграфической базы; пер-

спективы издания печатных органов — ежегодника и научно-информационного бюллетеня комиссии; возможности расширения подготовки специалистов по археографии через вузовские кафедры и аспирантуру, а также создание региональных археографических центров.

В ходе работы двух секций было обсуждено около 100 выступлений, содержавших конкретные предложения по подготовке к изданию источников по истории Украины XI—XX вв. Стержневая проблема секционной работы совещания — формирование издательского плана комиссии. Дискуссия выявила различные подходы к этому вопросу: предлагались хронологический, тематический и видовой принципы разработки эдиционной программы. При бесспорных преимуществах каждого из них наиболее объективным признан видовой принцип отбора памятников для публикации. Именно он был положен в основу разрабатываемого плана. Были представлены и обоснованы развернутые программы издания различных видов источников: свода памятников древнерусского и украинского летописания (Ю. А. Мыцык), восточных источников по истории Украины X—XVIII вв. (Я. Р. Дашкевич), иностранных нарративных источников XV—XVIII вв. (Д. С. Наливайко), массовых статистических источников по истории Правобережной Украины XVI—XVIII вв. (Н. Г. Крикун), источников по истории украинской культуры (И. З. Мыцько), библиотеки «Памятники исторической мысли Украины» (В. А. Замлинский), историко-этнографического и фольклорного наследия XIX — начала XX в. (А. А. Скрышник, Т. Н. Шевчук), картографических источников по истории Украины XV—XIX вв. (Л. А. Пономаренко, М. Г. Вавричин). С большим интересом была встречена комплексная программа публикации источников по истории социалистического строительства на Украине, включающая материалы о кооперативном строительстве 1921—1928 гг., проведении сплошной коллективизации 1929—1932 гг., голоде на Украине 1933 г., массовых политических репрессиях 30-х годов, культурной жизни и национальном строительстве на Украине 20—40-х годов и др. (С. В. Кульчицкий). Чрезвычайно перспективными признаны публикации корпусного типа: архива Коша Запорожской Сечи (Е. М. Апанович, В. В. Страшко), украинского дипломатия XVI—XVIII вв. (Ю. А. Мыцык), материалов переписей населения Украины

XVI—XX вв. (А. Л. Перковский), Львовской и так называемой Волянской метрик (Г. В. Боряк, Е. В. Русина, П. Н. Кулаковский), материалов реконструированного киевского великокняжеского архива X—XIII вв. (М. Ю. Брайчевский), Галицко-Волынского княжества XIII — первой половины XIV в. (О. А. Купчинский), суплик крестьян и мещан Правобережной Украины XVIII в. (В. А. Маркина), иконографических источников по истории городов Украины XVI—XVIII вв. (Я. Р. Дашкевич); справочных изданий: «Замки и крепости Украины с древнейших времен до конца XVIII в.» (О. Я. Мацюк), «Киевский некрополь» (Л. А. Проценко), «Памятники музыкальной культуры Украины XVI—XVIII вв.» (Л. Ф. Корний, Ю. А. Ясиновский). Обоснованы тематические публикации материалов по истории торговли (Р. В. Шиян) и цехов (Г. Н. Виноградов) на Украине XVI—XVII вв.; по истории русско-украинских связей XV—XVIII вв. (Н. П. Ковальский, Ю. В. Назаренко); по истории революционного движения на Украине в XIX — начале XX в. (Т. Б. Слюдилова). Обсуждалась публикация отдельных памятников истории и культуры: «Хроники» польской, литовской, жемайтской и всей Руси М. Стрыйковского (Р. Г. Ивасив), «Хроники Европейской Сарматии» А. Гваньини (О. А. Дячок), «Описания Украины» Г. Боплана (Я. И. Кравец), «Путешествия патриарха Макария» Павла Халебского (Алеппского) (Я. Е. Полотнюк), «Киево-Печерского патерика» (Ю. А. Исиченко), статистико-этнографических альбомов Д. П. Деляфлиза (С. Н. Киржаев) и др.

Широкая программа подготовки научно-информационных изданий — библиографических справочников, тематических указателей, каталогов, обзоров, описей, путеводителей по архивным и библиотечным собраниям — предложена С. И. Белоконом, В. И. Ульяновским, Т. Ю. Гирич.

Принимая во внимание большой читательский спрос на труды историков, этнографов, фольклористов, других деятелей науки и культуры XIX — начала XX в., представляющие ныне библиографическую редкость, многие участники совещания подчеркивали необходимость факсимильного переиздания массовыми тиражами памятников отечественной историографии, этнографического и фольклорного наследия, а также альбомов и атласов иллю-

стративных и картографических материалов по истории Украины XV—XIX вв. Отдельные издания предлагалось осуществлять на гонорарных началах, оформлять как заказные и подписные.

Большинство предложенных изданий было включено в комплексный перспективный план публикаций источников по истории Украины, который в настоящее время насчитывает более 230 позиций. Издания сгруппированы в 16 серий, для подготовки которых сформированы соответствующие проблемные группы из числа участников совещания. Это, в частности, документы и материалы по истории УССР советского периода; источники по истории запорожского казачества и Освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг.; памятники украинского летоисчисления; материалы по истории международных связей Украины: хроники, мемуары, дневники XV—XVIII вв.; источники по истории украинской культуры; памятники философской культуры украинского народа; материалы по истории Украины в международных связях народов СССР; акты источники; описательно-статистические источники; памятники украинского языка (публикации этой серии, успешно осуществляемые Институтом языковедения им. А. А. Потебни с середины 60-х годов и насчитывающие более 20 томов, до сих пор являются единственным на Украине серийным изданием научного типа); юридические памятники; картографические источники по истории Украины; памятники отечественной историографии; этнографическо-фольклорное наследие; научно-справочные издания.

Безусловно, сформированный на основе предложений участников совещания издательский план не безукоризнен; составляющие его серии не всегда равноценны; некоторые конкретные публикации источников и справочные издания, необходимость подготовки которых очевидна, к сожалению, остались пока не включенными в план, поскольку не найдено исполнителей. Отдельные проблемы иногда просто декларировались и потому не получили конкретного отображения в планах издания соответствующих источников. Вместе

с тем, составленная в ходе работы совещания программа — результат коллективного творчества археографов республики — имеет несомненное достоинство: она в целом реалистична, и, при соответствующем материально-финансовом обеспечении, внимании и поддержке всех заинтересованных органов и учреждений, вполне выполнима. Об этом свидетельствуют уже первые шаги комиссии по ее реализации: в ближайшее время увидят свет публикации: «Описания Киевского наместничества 70—80-х годов XVIII в.», «Торговля на Украине в XIV — середине XVII в.» (издания подготовлены Центральным государственным историческим архивом УССР в г. Киеве совместно с Институтом истории АН УССР), «Книга Киевского подкоморского суда 1584—1644 гг.» (ЦГИА УССР в г. Киеве совместно с Институтом языковедения АН УССР), «Описание Украины» Г. Боплана и первый том академического издания труда академика Д. И. Яворницкого «История запорожских казаков» (Институт истории АН УССР). Готовятся к печати новые тома серийных изданий комиссии.

В ходе работы совещания было обсуждено Положение об Археографической комиссии АН УССР, приняты резолюции. Решено создать комиссию по изучению творческого наследия выдающегося украинского историка академика М. С. Грушевского и подготовке факсимильного переиздания его трудов. Для активизации археографической работы на местах признано целесообразным учредить региональные отделения Археографической комиссии в Днепропетровске и Львове. Совещание поручило Археографической комиссии АН УССР совместно с Главархивом УССР наладить научные контакты с зарубежными археографическими и архивными центрами с целью систематического выявления памятников истории и культуры Украины в зарубежных архивохранилищах.

Совещание получило широкий резонанс и стало заметным явлением в общественной и культурной жизни республики.

Боряк Г. В.

КОНФЕРЕНЦИЯ ПАМЯТИ Е. И. РЯБОВОЙ и В. В. ВИТТ

29—30 ноября 1988 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР состоялась научная конференция, посвященная памяти сотрудников сектора славянских литератур Е. И. Рябовой и В. В. Витт. Основная сфера научных интересов этих специалистов была связана с проблематикой литератур стран Центральной и Юго-Восточной Европы рубежа веков. Это и определило тематику и основное направление конференции. В ней приняли участие как сотрудники Института, так и преподаватели, аспиранты и студенты МГУ; специалисты из Минска, Гродно, Кутаиси, Вильнюса.

Открыл конференцию заместитель директора Института, д-р филол. наук В. А. Хорев. Во вступительном слове он остановился на сложности периода рубежа XIX и XX вв., вклада Е. Рябовой и В. Витт в освещение проблем реализма и модернизма, взаимном влиянии этих литературных направлений. Продолжая вступление к конференции, канд. филол. наук Л. Н. Будагова, зав. Сектором славянских литератур (ИСБ) рассказала о профессиональном и человеческом облике ученых, которым посвящены литературоведческие чтения, их широкой эрудиции, культуре литературоведческих исследований, научной самоотверженности. Далее Л. Н. Будагова осветила особенности периода рубежа веков, определяя его как период интенсивных художественных и философских поисков, обновления искусства, раскрепощения личности.

Доклад д-ра филол. наук, проф. С. В. Никольского (ИСБ) был посвящен одной из характерных особенностей художественного мышления XX в. — категории развития, устремленности в будущее, прогнозирующей тенденции. По образному определению докладчика, XX в. был «зачарован» будущим. Тяготение литературы к философии, интеллектуализацию литературы рубежа веков, синкретизм многих творческих личностей

рассмотрел д-р филол. наук Г. Д. Гачев (ИСБ). Доцент МГУ А. Г. Машкова остановилась на особенностях реализма в словацкой литературе конца XIX — начала XX в. В докладе Л. Н. Будаговой «Модернизм и славянские „модерны“» эти понятия были соотнесены, определялась степень их тождественности. По мнению докладчика, с эстетической точки зрения, славянские «модерны» представляли более многоликую картину, чем модернизм.

В «младопольской» лирике канд. филол. наук Н. А. Богомолова (ИСБ) выделила пейзаж, который, как полагает докладчик, определял не только жанрово-тематический и образный поэтический строй, но и включался в мировоззренческую сферу. В докладе канд. филол. наук О. Р. Медведевой (ИСБ) «Молодая Польша: роман о художнике и роман о романе» анализировалась распространенная на рубеже веков концепция художника, его роли в обществе. Сопоставление романов о художнике Пшибышевского, Запольской, Берента и других с автотематическим романом К. Ижиковского «Хипера» позволило прийти к выводу, что разные типы романов были откликом на главные эстетические проблемы эпохи. Аспирантка МГУ Г. Туркевич, относя раннюю прозу Я. Ивашкевича к модернистской литературе, отмечала те черты, которые объединяли разные по композиции сочинения 1916—1922 гг.

Темой выступления канд. филол. наук Н. В. Шведовой (ИСБ) были «Традиции словацкой „модерны“ в современной словацкой поэзии». Доцент МГУ Ю. П. Заючковский остановился не только на ускоренном развитии румынской литературы, но и на возрастании национальной специфики. Этот процесс докладчик связывал с прекращением ускоренного развития на определенном этапе общественной и литературной жизни Румынии. Об интересе к народному творчеству, о

так называемом сѣменѣторизме — воспе-
вании патриархальной жизни пахарей
и сеятелей — рассказала в своем докладе
Н. Осипова (ИСБ). Темой выступления
Е. Н. Масленникова (ИСБ) был «сѣсес-
сион» в архитектуре рубежа веков и схо-
жие черты этого стиля в творчестве не-
которых венгерских писателей.

На проблемах перевода, особенностях
его как феномена литературной культу-
ры, своеобразной «модели» творчества,
специфической категории литературного
процесса остановилась в своем докладе
канд. филол. наук Е. С. Твердислова
(ИНИОН АН СССР). О переводах Баль-
монта сочинений чешских поэтов, этом
интересном факте в истории русско-чеш-
ских и чешско-русских литературных
связей, не упоминаемом в истории этих
литератур, рассказала в своем выступле-
нии канд. филол. наук А. П. Соловьева
(ИСБ).

Ряд докладов был посвящен проблемам
литературных связей. Так, д-р филол.
наук, проф. МГУ Е. З. Цыбенко, говоря
о популярности польской литературы ру-
бежа веков в России, уделила внимание
мало известным фактам широкого рас-
пространения произведений польского
прозаика модернистского направления
В. Берента и особенно его романа о жиз-
ни богемы «Гниль». К мало исследован-
ной в советской полонистике проблеме,
представляющей большой научный ин-
терес — «Станислав Виткевич и русская
тема» обратилась канд. филол. наук
В. В. Мочалова (ИСБ). Доклад канд. филол.
наук Ю. Д. Беляевой (ИСБ) был посвя-
щен литературным и личным связям Ги-
ляровского с Сербией. Своими наблюде-
ниями о типологическом сходстве романа
Горького «Мать» с некоторыми произве-
дениями польских писателей — Дани-
левского, Немоевского, Струга — по-
делилась доцент кутаисского педагогиче-
ского института В. И. Одхели. Студент-
ка МГУ М. Цветкова избрала темой своего
выступления «Произведения Э. Ожешко
конца XIX — начала XX в. и твор-
чество Л. Толстого». Сложности поль-
ско-русских отношений, русификаторской
политике царизма, нашедших отражение
в романе С. Жеромского «Сизифов труд»,

посвятил свое выступление аспирант
МГУ А. И. Баранов. На некоторых осо-
бенностях поэзии М. Богдановича и
И. Краско, сопоставлении белорусской и
словацкой «версий» гейневской темы ос-
тановилась Т. П. Андрейченко, мл.
научн. сотрудник Ин-та литературы им.
Янки Купалы.

Некоторым проблемам творчества
З. Налковской периода 1905—1914 гг.
было посвящено выступление доцента
Гродненского университета С. Ф. Муси-
енко; доцент этого же университета
С. А. Спасс обратилась в своем докладе
к теме революции 1905 г. в Польше и
ее отражении в творчестве Б. Пруса и
Г. Сенкевича.

Новые черты реализма, новый тип ро-
мана в творчестве И. Цанкара (1900—
1907) анализировала в своем выступле-
нии Т. Чепелевская (ИНИОН АН СССР),
которая, как и многие другие докладчи-
ки, отдала дань уважения и признания
своей предшественнице в исследовании
словенской литературы Е. И. Рябовой.
О творческом использовании опыта ро-
мантиков в романе сербского писателя-
реалиста Б. Станковича «Дурная кровь»
речь шла в сообщении канд. филол. наук
С. Н. Мещерякова (МГУ). О новеллистике
И. Чишико, острой проблемности и со-
циальной направленности, художествен-
ных приемах рассказала канд. филол.
наук А. Г. Шешкен (МГУ).

Доклады и выступления участников
конференции вызвали оживленную дис-
куссию, в которой приняли участие
Ю. Д. Беляева, Л. Н. Будагова, Е. З.
Цыбенко, В. В. Мочалова, О. Р. Медве-
дева, Д. С. Прокофьева, Г. Д. Гачев,
А. В. Липатов и др.

В дискуссиях второго дня заседаний
принял участие известный специалист
в области польско-русских литературных
отношений проф. Б. Бялокозович (Ин-т
славяноведения ПАН).

Есть надежда, что наиболее интересные
материалы конференции будут опублико-
ваны, а подобные конференции станут
в Секторе славянских литератур тради-
ционными.

Прокофьева Д. С.

ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ПАМЯТИ И. И. СРЕЗНЕВСКОГО

26—29 января 1988 г. в Ленинграде состоялась итоговая Всесоюзная конференция «Методология и методика историко-словарных исследований, историческое изучение славянских языков, славянской письменности и культуры (К 175-летию со дня рождения академика И. И. Срезневского)», организованная филологическим факультетом Ленинградского государственного университета совместно с Институтом русского языка АН СССР и Институтом языковедения АН УССР. Было заслушано 102 доклада, в обсуждении которых приняли участие более 100 ученых из многих университетов, педвузов и научных учреждений нашей страны.

Как подчеркивали в своих выступлениях О. Н. Трубачев, С. С. Волков, Е. М. Верещагин, Г. А. Богатова, П. А. Дмитриев, В. В. Колесов, О. А. Черепанова, Л. А. Вербицкая и другие, задачей конференции было обратиться к истокам тех научных дисциплин, одним из основоположников которых был И. И. Срезневский, проследить их историческое развитие и подвести некоторые итоги современного состояния данных отраслей отечественной науки.

Работа конференции включала в себя два общих пленарных заседания, «круглый стол» и заседания в четырех секциях: славянских языков и культуры; археографии и текстологии; исторической лексикологии и лексикографии; истории русского языка. Славистической тематики касались прежде всего доклады первой из названных секций, руководимой профессором ЛГУ П. А. Дмитриевым. О них и пойдет речь в данной информации.

Л. С. Кишкин (ИСБ) в докладе «И. И. Срезневский в Словакии» осветил малоизвестные стороны путешествия ученого по этой славянской земле в 1842 г., его связи с виднейшими представителями словацкой национальной интеллигенции и характер разнообразных диалектологических, фольклорных и прочих ма-

териалов, собранных в Словакии и ныне хранящихся в ЦГАЛИ СССР. М. Ю. Досталь (ИСБ) в своем докладе выявила некоторые спорные моменты биографии И. И. Срезневского, к числу которых относятся вопросы: о причинах изменения научных интересов ученого на рубеже 40—50-х годов, эволюции его общественно-политических взглядов, отрицания им на склоне лет самостоятельности украинского, белорусского и словацкого языков и литератур, активным защитником самобытности которых он выступал в молодые годы. В докладе Л. П. Лантевой (МГУ) «Научные связи И. И. Срезневского с чешскими филологами в 70-е годы XIX в.» говорилось об известной по литературе и архивным документам полемике русского слависта с чешским ученым А. Патерой по вопросу о подлинности ряда рукописей, признававшихся тогдашней чешской и русской наукой древними памятниками чешской литературы и письменности, а впоследствии разоблаченными как фальсификация В. Ганки и др. Позиция И. И. Срезневского, защищавшего подлинность рукописей, оценена автором однозначно как консервативная и научно бесперспективная. Г. А. Цыхун (Ин-т языкознания АН БССР) сделал доклад на тему: «Резия и восточные славяне (языковые сходжения)», в котором показал заслуги И. И. Срезневского и его последователей в исследовании говоров словенского языка, рассказал об их современном состоянии и попытках создания на основе некоторых из них литературного микроязыка в целях их сохранения. П. А. Непокупный (Ин-т языковедения АН УССР) в докладе «И. И. Срезневский и балтийские языки» привел факты, свидетельствующие о живом интересе ученого к проблеме балтославянского языкового единства, проявившемся в его переписке с литовским ученым Юшкевичем. Общий итог оценкам научного значения трудов И. И. Срезневского по славистике подвел П. А. Дмитри-

ев (ЛГУ) в докладе «И. И. Срезневский и славянская филология». Он также выступил с критикой некоторых положений статей последних лет проф. С. Б. Бернштейна, необоснованно принижавшего результаты исследовательской и педагогической работы И. И. Срезневского в данной области науки.

Несколько выступлений было посвящено обширной теме «И. И. Срезневский и Украина». В. П. Плачинда (Изд-во «Наукова думка») в докладе «И. И. Срезневский и П. И. Житецкий», И. Д. Бажинов (Ин-т литературы АН УССР) в докладе «И. И. Срезневский как исследователь творчества Г. Ф. Квитки», Л. Д. Зинчук (Гос. музей Т. Г. Шевченко) в докладе «И. И. Срезневский и Т. Г. Шевченко» привели новые материалы, касающиеся связей ученого с известными украинскими литераторами в 30—40-е годы XIX в., свидетельствующие о том, что в то время он высоко оценивал произведения украинской литературы романтического направления.

В развернувшейся по докладам дискуссии обсуждались вопросы об эволюции общественно-политических взглядов И. И. Срезневского, о причинах, побудивших его изменить свой взгляд на самостоятельность ряда славянских языков и литератур. Участники дискуссии подчеркивали необходимость взвешенной, объективной оценки вклада ученого в отечественную славистику с учетом конкрет-

ной общественно-политической ситуации и уровня развития современной ему науки.

По завершении конференции ее участники приняли резолюцию, в которой констатировали, что научное наследие академика И. И. Срезневского сохраняет свою актуальность и значимость для развития современной славистики, археографии и текстологии, истории русского языка, лексикологии и лексикографии, свидетельствует о приоритете отечественной науки в изучении языка и древней письменности. В силу этого необходимо для увековечения памяти И. И. Срезневского осуществить ряд мероприятий: установить мемориальную доску в Ленинграде, на доме, где жил выдающийся ученый-славист (2-я линия Васильевского острова, д. 37); учредить именные стипендии имени И. И. Срезневского в Ленинградском и Харьковском университетах, Ярославском и Рязанском пединститутах для студентов филологических факультетов; учредить в числе премий для молодых лексикографов (теоретиков и практиков) премию имени И. И. Срезневского; поддержать идею нового издания «Материалов для словаря древнерусского языка» и других работ ученого; ходатайствовать перед Минвузом СССР о сохранении в ведущих университетах страны специальности «славянская филология».

Досталь М. Ю.

ВТОРАЯ ВСЕСОЮЗНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ И ЛЕКСИКОГРАФИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ»

12—14 октября 1988 г. в Днепропетровском государственном университете проходила Вторая всесоюзная научная конференция по проблеме исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. Эта тематика обсуждалась в направлениях, установившихся на Первой всесоюзной конференции [1], однако с учетом фактического материала и концепций, появившихся в последующие годы. Пафосом конференции стал лингвистический аспект взаимоотношений русской, украинской и белорусской наций.

На конференции было прочитано и обсуждено свыше 160 докладов представителей различных научных организаций нашей страны. Пленарное заседание открыл проректор Днепропетровского уни-

верситета Е. Р. Абрамовский, приветствовавший участников конференции. Затем с докладами, посвященными исторической лексикологии восточнославянских языков и диалектов в связи с научным наследием Ф. П. Филина, 80-летие которого отмечалось в 1988 г., выступили О. Н. Трубочев, И. Г. Добродомов (Москва), М. А. Брицын (Киев), В. Н. Сергеев (Ленинград).

Восточнославянской общественно-политической лексике конца XIX — начала XX в. был посвящен доклад В. Н. Туркина (Днепропетровск). Проблематика, связанная с текстологическим изучением славянской лексики, рассматривалась Л. П. Жуковской (Москва). Замечательному украинскому писателю, историку и филологу Б. Д. Гринченко был посвящен

доклад Л. С. Паламарчука (Киев). Некоторые задачи по изучению происхождения славянских языков и культур в связи с развитием словарного дела поставила в своем докладе Г. А. Богатова (Москва). Различных вопросов славянской этимологии касались В. А. Горпинич (Кировоград), Н. В. Никончук (Житомир) и другие исследователи. В работе секции исторической лексикологии приняли участие И. К. Кучеренко, С. В. Семчинский (Киев), Ф. П. Сергеев (Одесса) и др.

Теоретической лексикографической проблеме, связанной с формированием новых жанров словаря, вопросам экспрессивной лексики в «Словаре русского языка XI—XVII вв.», развитию лексической семантики украинского литературного языка посвятили свои доклады Ю. А. Шепель, П. А. Соболева (Москва), Н. А. Лукьянова (Новосибирск), В. С. Ващенко (Днепропетровск), Е. Н. Борисова (Смоленск). На секции описательной и диалектной лексикологии выступили Т. С. Пристайко, А. Н. Шиловский, И. И. Меньшиков (Днепропетровск), Т. С. Коготкова (Москва), Е. С. Отин (Донецк).

Проблемы формирования общеславянского праязыка, языка народности; развитие словарных составов русского, украинского, белорусского языков; история лексико-тематических, лексико-семантических и ассоциативных групп в их отношении к внутри- и внеязыковой действительности; сравнительно-сопоставительный анализ общего и различного в словарных составах восточнославянских языков; этапы складывания словарного дела и словарных жанров у восточных славян; явления и процессы в диалектной лексикологии рассматривали следующие участники конференции: Н. Ф. Алефиренко, М. В. Волочай (Полтава), С. В. Бобыль, А. И. Анисимова (Днепропетровск), И. А. Воронова, Л. П. Борисова (Донецк), Д. Г. Бучко (Черновцы), В. П. Андел, Ф. С. Бацевич (Львов), В. Г. Демьянов (Москва), Н. И. Зубова (Винница),

Н. А. Кузнецова (Пенза) и многие другие.

Конференция закончила свою работу круглым столом на тему «Историческая лексикология и лексикография восточнославянских языков: проблемы развития и перспективы». Были обсуждены итоги работы секций. Конференция приняла решения, из которых приведем важнейшие: 1) исторической лексикологии и лексикографии придавать приоритетное значение, поскольку это фундамент наших знаний о прошлом восточнославянских наций и языков; 2) ближайшей задачей исторической лексикологии и лексикографии считать более углубленное изучение древнейших периодов (древнерусского и праславянского), ставших основой дальнейшего развития лексических систем отдельных восточнославянских языков; 3) сделать более целенаправленными и систематизированными усилия по изучению истории отдельных лексико-тематических, лексико-семантических групп восточнославянской лексики; 4) интенсифицировать исследование древнейшего наследия в современных славянских языках; 5) по-прежнему уделять внимание комплексному изучению происхождения восточнославянских словарных составов и их частей.

В выступлениях за круглым столом и ответственных за работу секций прозвучали слова благодарности в адрес устроителя конференции — Днепропетровского госуниверситета, его филологического факультета. К конференции выпущено два тома тезисов докладов [2].

Туркин В. Н., Поповский А. М.

ЛИТЕРАТУРА

1. Актуальные проблемы исторической лексикологии восточнославянских языков. Тезисы докладов. Днепропетровск, 1975.

2. Актуальные проблемы исторической лексикологии и лексикографии. Тезисы докладов. Т. 1, 2. Днепропетровск, 1988.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ в 1989 году

СТАТЬИ

Богомолова Н. А. Польские поэты XX в. в переводе Анны Ахматовой	№ 4
Большакова К. В. Советско-польские контакты в области высшего образования в 1946—1949 гг. (по материалам ВОКС и ОПСД)	№ 6
Буханов В. А. «Имперская крепость Белград». Германские планы колонизации Юго-Восточной Европы (1939—1941)	№ 1
Бялокозович Б. (ПНР). Николай Янчук — исследователь польско-восточнославянского пограничья	№ 5
Василенко В. Н. Новые данные о жизни и творчестве Болеслава Лесьмяна	№ 1
Верещагин Е. М., Юрченко А. И. Греческий источник «Написания о правой вере» Константина-Кирилла Философа	№ 3
Виноградов В. Н. Россия и Балканы в трудах Барбары и Чарльза Елавичей	№ 3
Волоцкая З. М. Наблюдения над славянскими загадками с окказиональными номинациями	№ 1
Гиренко Ю. С. В борьбе за интересы трудящихся (К 70-летию Союза коммунистов Югославии)	№ 4
Дмитриев М. В. К истории реформационной проповеди в восточнославянских землях во второй половине XVI века	№ 2
Дьяков В. А. Либеральная и либерально-демократическая интерпретация славянского вопроса в русской общественной мысли. А. Д. Градовский (1841—1889) и А. Н. Пыпин (1833—1904)	№ 4
Ефимова В. С. О старославянских наречиях, мотивированных существительными	№ 2
Задорожнюк Э. Г. Городское мелкое производство стран Центральной и Юго-Восточной Европы в первой половине 50-х годов: концепции и реальность	№ 3
Зайцев В. В. Русско-сербские отношения в конце 80-х годов XIX века	№ 1
Зубачевский В. А. Из истории становления Версальской системы: дипломатическая борьба вокруг проблемы выхода Польши к морю пакануне и в период работы Парижской мирной конференции	№ 6
Зудин Ю. Ф. Социалистическое самоуправление в НРБ (некоторые вопросы теории и практики)	№ 3
Иванов А. (НРБ). Народная демократия: через коалиционные формы власти к социалистическим преобразованиям (Из опыта Народной Польши)	№ 2
Кулаковская Д. (ПНР). Славянская идея в творчестве Достоевского	№ 4
Михутина И. В. Майский переворот 1926 г. в Польше	№ 6
Молошная Т. Н. Категория пересказывания болгарского глагола (Обзор)	№ 2
Поп Ю. И. Борьба марксизма против оппортунизма в чешском рабочем движении 70—80-х годов XIX века	№ 5
Пуцко В. Г. Глаголический иллюминированный кодекс Ассеманиева евангелия	№ 6
Ройтмайер Б., Шиллих И. (Австрия). Франц Прешерн в свете литературных связей со славянскими народами	№ 2
Свирида И. И. Национальное возрождение (к вопросу о типе культуры)	№ 3
Станков Н. Н. К истории становления отношений нового типа между Чехословакией и ГДР	№ 1
Стемковская Ю. Е. К проблеме словообразовательной адаптации иноязычных суффиксов в славянских языках	№ 6
Тарасов О. Ю. Некоторые аспекты сравнительного изучения религиозной народной живописи России, Дунайских княжеств и Трансильвании XVII—XIX веков	№ 2
Хорева О. А. История и соерсмнность в жизни и творчестве пражского немецкого поэта К. Э. Эберта (1801—1882)	№ 2

- Цветкова М. Л. О выражении темпоральной характеристики средствами двух языковых уровней в польском и болгарском языках № 5
Шаламова А. Н. Старорусское *дополна* и его связи № 5

ДИСКУССИИ

- Политический кризис 1939 г. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы № 5

НАУКА — КУРСОМ ОБНОВЛЕНИЯ

- XIX Всесоюзная конференция КПСС и проблемы обществоведения № 1
XIX Всесоюзная конференция КПСС и проблемы обществоведения № 2

X МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД СЛАВИСТОВ.
СОФИЯ, 14—22 СЕНТЯБРЯ 1988 г.

- Слово участникам съезда № 1

К VI МЕЖДУНАРОДНОМУ КОНГРЕССУ БАЛКАНИСТОВ

- Балканская картина мира в этноязыковом и культурно-историческом аспекте № 4

СООБЩЕНИЯ

- Доктрина мировой пролетарской революции и Рижский мир 1921 года № 6
Кишкин Л. С. Изучение словацко-русских литературных связей в Словакии № 1
Липатов А. В. «Господь сотворил тебя писателем» № 5
Липатов А. В. Литература польского Просвещения и революционные идеи «века разума» (Новые исследования ученых ПНР) № 6
Медушевский А. Н. Великая Французская революция и славяноведение на современном этапе № 5
Мойсевич Ч. (ПНР). Первая польско-советская встреча политологов № 2
Мурьянов М. Ф. Несколько уточнений к «Словарию языка Скорины» № 4
Нещименко Г. П. О ходе многостороннего международного сотрудничества по сопоставительному изучению славянских языков № 6
Никифоров К. В., Пимоненко И. С. Политическая система социализма в переходный период № 6
Николаев С. И. Театральный эпизод «Записок» Я. Х. Пасека по статейному списку В. М. Тяпкина № 2
Проблемы национально-государственного самоопределения № 3
Ранчин А. М. Симпозиум «Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора» № 2
Субаев Н. А. Польский журнал в Татарии как источник изучения культурной жизни польского населения № 2
Цейтлин Р. М. Центр славяно-византийских исследований имени Ивана Дуйчева при Софийском университете № 3

ПОРТРЕТЫ

- Журавлев В. К. Ф. Ф. Фортунатов и лингвистическая революция XX века № 6
Ишутин В. В. Иван Петрович Липранди (1790—1880) № 2
Лукинова Т. Б. Булаховский Л. А. № 3
Невская Т. В. Станислав Павлович Микуцкий: вклад в славянское языкознание № 4
Николина М. В. Ю. И. Венелин (К 150-летию со дня смерти) № 3

ВОСПОМИНАНИЯ

- Бернштейн С. Б. Трагическая страница из истории славянской филологии (30-е годы XX века) № 1

НАЙДЕНО В АРХИВАХ

- Макаров В. И. О проблеме славянской прародины. Письма академика А. А. Шахматова академику Ф. Е. Коршу № 5

ПУБЛИКАЦИИ

- Флоренский А. А. Троице-Сергиева Лавра и Россия № 4

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

- Горяинов А. Н. Славяноведение в Московском университете (1917—1927): из истории преподавания славистических дисциплин и организации цикла южных и западных славян № 4

Кишкин Л. С. Русские писатели в Марианских Лазнях № 6

МНЕНИЕ ЧИТАТЕЛЕЙ

Свободное поле науки (обзор писем) № 4

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

- Волокитина Т. А. Ф. Носкова. Крестьянское политическое движение в Польше. Сентябрь 1939 — весна 1948 г. № 4
- Гугнин А. А. В. А. Моторный, К. К. Трофимович. Серболужицкая литература. История. Современность. Взаимосвязи № 5
- Журавлев В. К. A. Lamprecht. Praslóvanstina № 2
- Звоначева Л. У. В. Г. Короткий. Творческий путь Мелетия Смотрицкого Иванов С. Ю. Р. Радкова. Българската интелигенция през Възраждането (XVIII — първата половина на XIX в.) № 3
- Иванова Т. А. Н. В. Коссек. Евангелие Кохно. Болгарский памятник XIII в. № 4
- Котова М. Ю. А. Г. Машкова, Я. Штевчек, В. Петрик, И. Сулик. Словацкая литература (1945—1985). Проза № 5
- Кремнев В. Общим путем обновления № 2
- Лаптева Л. П. И. В. Чуркина. Русские и словенцы. Научные связи конца XVIII в.— 1914 г. № 1
- Лещиловская И. И. «Руська трійця» в історії суспільно-політичного руху і культури України № 4
- Манусевич А. Я. Dziedzictwo Włodzimierza Lenina i aktualne problemy współczesności № 6
- Медведева О. F. Sielicki. Klasycy dziewiętnastowiecznej prozy rosyjskiej w Polsce międzywojennej № 1
- Николаев С. И. E. Małek. Narracje staropolskie w Rosji XVII—XVIII ww. № 6
- Николаева Т. М. Dutch Studies in South Slavic and Balkan linguistics № 3
- Орел В. Э. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 15 (*lětina — *lokačь) № 5
- Осипова М. А. Н. Mieczkowska. Denominalne dezywaty czasownikowe o formantach prefiksально-суфиксальных в języку polskim i słowackim (studium kontrastywne) № 1
- Перхавко В. Б. Z. Klanica. Póčatky slovanskeho osídlení našich zemí № 2
- Поп И. И. I. Ванат. Нариси новитньої історії українців східної Словаччини. Кн. I (1918—1938). Кн. II (вересень 1938 р.— лютий 1948 р.) № 1
- Попков Б. С., Косик В. И. Историография истории южных и западных славян № 4
- Пуцко В. Г. George P. Majeska. Russian travelers to Constantinople in the fourteenth and fifteenth centuries № 4
- Романенко С. А. Ракић Лазар. Јаша Томић (1856—1922) № 2
- Сироткин В. Г. Формирование национальных независимых государств на Балканах. Конец XVIII — 70-е годы XIX в. № 3
- Смирнов Л. Н. Rozprawy slawistyczne 1. Formacje hybrydalne w językach słowiańskich № 6
- Титова Л. L. Kłosová. Život za divadlo № 5
- Тугушева Р. X. Vel'ký slovensko-ruský slovník D. 1—3 № 2
- Хевролина В. М. Л. И. Ровнякова. Борьба южных славян за свободу и русская периодическая печать (50—70-е годы XIX в.) Очерки № 5
- Хелимский Е. А. N. S. Trubetzkoy. Opera slavica minora linguistica № 6
- Цивьян Т. В. Sprachen und Nationen im Balkanraum. Die historischen Bedingungen der Entstehung der heutigen Nationalsprachen № 1

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

- Богатырев К. K. Neues Testament des Cudov-Klosters. Eine Arbeit des Bischofs Aleksij, des Mitropoliten von Moskau und ganz Rußland. Unveränderter Nachdruck der 1892 in Moskau erschienenen Ausgabe. Mit Einleitung herausgegeben von Werner Lehfeldt № 6
- Бодрухин В. Н. Józef Sliwiński. Mariażé Kazimierza Wielkiego (Studium z zakresu obyczajowości i etyki dworu królewskiego w Polsce XIV wieku) № 2
- Бочкарева М. Н. Вера Лихачова. Етюди по средновековно изкуство: Византия/България/Русия № 4
- Бухарин Н. И. I. Т. Лісевич. Культурне будовництво в Народній Польщі. 1944—1948 № 3
- Гудрявцева Е. П. Лицеј 1838—1863. Зборник докумената № 4

Л а б ы н ц е в Ю. Немировски Е. Л. Октоих првогласник Бурџа Црнојевића из 1494	№ 1
М а н а н ч и к о в а Н. П. Spisi dubrovačke kancelarije. Zapisi notara Tomazina de Savera (1284—1286). Zapisi notara Aco de Titullo (1295—1297). Knj. III	№ 6
М е щ е р с к и й Н. А. Кирило-Методиевска енциклопедия. Т. I. А — З. . . .	№ 1
М ы л ь н и к о в А. С. Вопросы истории славян: История зарубежных славян в советской историографии (Межвузовский сборник научных трудов) . . .	№ 3
Н а у м о в Е. Društvo i privreda srednjovjekovne Bosanske drzave (Prilozi za istoriju Bosne i Hercegovine, I)	№ 1
Н а у м о в Е. П. Л. Славева, В. Мошин. Српски грамоти от Душаново време	№ 4
О н у ч и н А. Н. М. Sada, V. Dolínek, J. Dundík. Vzácné zbrané a zbroj: Ze sbírek vojenského muzea v Praze	№ 5
П р о к о ф ь е в а Д. С. Dramat polski XIX i XX wieku. Interpretacje i analizy	№ 1
Р о г о в А. И. М. А. Ткачев. Замки Белоруссии	№ 2
С т а н ч е в М. Г., Т о д о р о в а Е. Н. Сотрудничество советских и болгарских ученых	№ 5
Ф р е й д е н б е р г М. М. Из истории национального возрождения в Далмации	№ 3
Ч е р в е н к о в Н. Н. Е. Хаджиниколова. Българските преселници в Южните области на Русия. 1856—1877	№ 2

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Б о р я к Г. В. Республиканское совещание украинских археографов	№ 6
В а л е в а Е. Л. «Круглый стол» по проблемам движения Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы	№ 1
Г у с е в В. Международный коллоквиум памяти Вука Караджича	№ 1
Д о с т а л ь М. Ю. Всесоюзная конференция, посвященная памяти И. И. Срезневского	№ 6
Д у м и н С. В. Памяти Н. Н. Улащика	№ 3
Ж и г у н о в Е. К. 70-летие воссоздания независимой Польши	№ 3
И. К. Симпозиум МКИСИ	№ 3
М а к а р о в а Г. Продолжение традиции	№ 1
М а к а р о в а Е. А. Коллоквиум славистов в Калининском университете . .	№ 3
М у р а в ь е в а Л. Л. Конференция советских и польских историков	№ 3
П е л е ш е н к о Ю. В. Советско-американский симпозиум по проблемам украинской литературы	№ 3
Письма в редакцию	№ 4
П р о к о ф ь е в а Д. С. Конференция памяти Е. И. Рябовой и В. В. Витт . . .	№ 6
С е в е р н а я О. А. Культура социалистической Болгарии — общие закономерности и специфические черты развития	№ 5
С м и р н о в А. Ф. На родине Константина Калиновского	№ 2
Т у р к и н В. Н., П о п о в с к и й А. М. Вторая всесоюзная научная конференция «Актуальные проблемы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков»	№ 6
Ф р е й д е н б е р г М.-М. Научная сессия «Традиции и новации в изучении генезиса и развития феодализма в Западной Европе»	№ 3
Юбилей	№ 4
Юбилей	№ 5
Я в о р с к а я Г. М. Памяти выдающегося слависта	№ 4

От редакции. В № 4 журнала за 1989 г. была допущена опечатка в пинциалах одного из авторов рецензии «Историография истории южных и западных славян». Следует читать Попков Б. С. Редакция приносит автору свои извинения.

CONTENTS

<i>Zubachevsky V. A.</i> From the history of the formation of the Versailles System: the diplomatic struggle concerning the Danzig Corridor before and during the Paris Conference. <i>Mikhutina I. V.</i> The coup d'état of May 1926 in Poland. <i>Bolshakova K. V.</i> The Soviet-Polish Contacts in the domain of higher education in 1946—1949 (based on the documents of VOKS and OPSD). <i>Putsko V. G.</i> The illuminated Assemani Codex Glagoliticum. <i>Stemkovskaya Ju. E.</i> On the derivational accommodation of the loaned suffixes in the Slavic languages	3
---	---

PORTRAITS

<i>Zhuravlev V. K.</i> F. F. Fortunatov and the revolution in the linguistics of the 20th century	67
---	----

COMMUNICATIONS

<i>Nikiforof K. V., Pimonenko I. S.</i> The political system of Socialism in the transitional period. The Doctrine of the World Proletarian Revolution and the Riga Peace Treaty of 1921. <i>Lipatov A. V.</i> Literature of Polish Enlightenment and revolutionary ideas of the «intelligence century» (New investigations of Polish scientists)	73
---	----

PEOPLES, IVENTS, FACTS

<i>Kishkin L. S.</i> The russian authors in Mariánské Lázně	97
---	----

REVIEW ARTICLES AND REVIEWS

<i>Manusevich A. Ya.</i> Dziedzictwo Włodzimierza Lenina i aktualne problemy współczesności. <i>Nikolaev S. I.</i> E. Małek. Narracje staropolskie w Rosji XVII—XVIII ww. <i>Smirnov L. N.</i> Rozprawy slawistyczne 1. Formacje hybrydalne w językach słowiańskich. <i>Khelimsky E. A.</i> Trubetzkoy N. S. Opera slavica minora linguistica	
---	--

NOTES OF BOOKS

<i>Mananchikova N. P.</i> Spisi dubrovačke kancelarije. Zapisi notara Tomazina de Savere (1284—1286). Zapisi notara Aca de Titullo (1295—1297). Knj. III. <i>Bogatyrev K. K.</i> Neues Testament des Cudov-Klosters. Eine Arbeit des Bischofs Aleksij, des Mitropolit von Moskau und ganz Rußland. Unveränderter Nachdruck der 1892 in Moskau erschienenen Ausgabe. Mit Einleitung herausgegeben von Werner Lehfeldt	113
--	-----

SCIENTIFIC LIFE

<i>Boryak G. V.</i> The republican conference of Ukrainian archaeographers. <i>Dostal M. Yu.</i> I. I. Sreznevsky's all-union memorial conference. <i>Prokovyeva D. S.</i> E. I. Ryabova and V. V. Vitt memorial conference. <i>Turkin V. N., Popovsky A. M.</i> The Second All-Union Conference «Current Problems of East Slavic Historical Lexicology and Lexicography».	116
Index of articles published in 1989	124

Технический редактор *Е. В. Синицына*

Сдано в набор 11.08.89	Подписано к печати 6.10.89	А-12537	Формат бумаги 70×108 ^{1/16}
Высокая печать	Усл. печ. л. 11,2	Усл. кр.-отт. 13,7	Уч.-изд. л. 12,4
	Тираж 1189 экз.	Зак. 3323	Цена 1 р. 20 к.

Адрес редакции: 121069, Москва Г-69, Трубниковский переулок д. 30а.
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

1 р. 20 к.

Индекс 70891